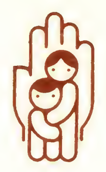
Мария Прилежаева

ЖИЗНЬ ЛЕНИНА

в 12 лет; от Лели.

Дорогой друг!

Издательство политической
литературы ЦК КПСС,
выпустившее эту книгу,
и Советский детский фонд
имени В. И. Ленина
предлагают каждому,
кто приобретет ее,
стать участником доброго дела –
внести свой взнос
в помощь сиротам и детям,
оставшимся без родительской
заботы, маленьким инвалидам,
каждому ребенку, который нуждается
в особой помощи общества,
а значит, каждого из нас.
Цена на эту книгу несколько
увеличена. Вся надбавка к цене
передается на конкретные цели
Детского фонда.
Информацию о том, куда именно
будут направлены полученные
средства, фонд обязуется
опубликовать в печати.

Издательство
политической литературы ЦК КПСС

Советский детский фонд
имени В. И. Ленина

ЖИЗНЬ

Мария Прилежаева

ЛЕНИНА

Повесть для детей

Москва
Издательство
политической
литературы
1990

ББК 84Р7
П76

Художник
О. ВЕРЕЙСКИЙ

П $\frac{4802010000-184}{079(02)-90}$ 30–90

ISBN 5-250-00714-8

© М. ПРИЛЕЖАЕВА, 1990

РАДОСТЬ

Над Симбирском заливаются жаворонки. Звенят в небе над Волгой. Волга круто повернула у города, несет к югу глубокие воды. Льды недавно прошли. С высокого симбирского берега видны луга, синие дали. Плывет по Волге пароход.

„Белый пароход, куда ты плывешь?" — „Далеко, к морю Каспию".

В Симбирске весна. Слышно, как хором щебечут воробьи.

Все улицы и сады полны птичьим щебетом. В Карамзинском сквере по черной клумбе важно расхаживает грач с большим серым клювом. Ветер треплет ветви берез. На улицах весенняя радость.

И в доме Ульяновых радость. Дом Ульяновых недалеко от Волги. Солнце горячо светит в окна. Доносятся гудки пароходов.

Мама нагнулась над колыбелью. В колыбели сын. Мама глядит на него с задумчивой лаской: „Кем ты будешь? Какая тебя ждет судьба?"

Вошел отец. Илья Николаевич Ульянов — инспектор народных училищ Симбирской губернии. У него важная работа. Хорошо ли учителя учат ребят? Илья Николаевич помогает, советует учителям, как лучше учить. Добивается, чтобы как можно больше было новых народных школ в Симбирской губернии. Заботится, чтобы вдоволь было для школьников книг

и учебников. Очень полезная для народа работа у Ильи Николаевича!

— Машенька! — позвал он, входя. — Добрый день, Маша, милая!

Вместе с отцом пришли к маме старшие дети — Анюта и Саша. Темноглазой, курчавой Анюте шесть лет. Саше — четыре.

Полные любопытства, они приблизились к колыбели.

— Дети! — сказал Илья Николаевич. — У вас родился брат. Любите его.

— Какой маленький! — удивилась Анюта.

— Подрастет, будет большим, — ответил отец.

— А как его зовут? — спросил Саша, поднимаясь на цыпочки, чтобы лучше увидеть младшего брата.

— Назовем Володей, — ответила мама.

— Хорошо, пусть будет Владимир, — согласился отец.

— Хорошо! — согласились и дети. — У нас брат Володя!

Так 22 апреля 1870 года в городе Симбирске на Волге появился на свет новый человек, Владимир Ульянов, который станет после великим Лениным.

ЗИМНИЕ ВЕЧЕРА

День за днем, год за годом, Володя подрос — исполнилось восемь лет. Он давно не младший в семье. Теперь Маняша лежит в плетеной колыбели. Да еще Оля и Митя родились после Володи. Анюта, Саша, Володя, Оля, Митя, Маняша. Да папа, да мама. Вот какая большая семья!

Анюта и Саша ходят в гимназии. Всегда у них новости и рассказы о товарищах и подругах, об уроках, книгах. А Володя только готовится поступать в гимназию, арифметике и грамоте его учит учитель. И мама. Много разных интересных историй знает мама. О жарких и холодных странах. Об умном псе сенбернаре, который спас путника, заблудившегося в альпийских снегах. О нашествии на Россию Наполеона и Бородинском сражении.

Не перечислить маминых рассказов зимними вечерами за обеденным столом. Горит висячая лампа под белым абажуром. Мягко падает свет. Рассказывай, мама!

А то все засядут на целый вечер за книжки.

В разгаре зимы, перед елкой, вечера особенно дружны и веселы. В столовой настоящая мастерская игрушек. Стол завален разноцветной бумагой. Дети режут и клеят из бумаги коробочки, домики, цепи для елки.

Илья Николаевич работает. Мама плотно прикрыла дверь из столовой, чтобы в папин кабинет не долетали голоса.

Шумит, извивается в руках детей длинная цепь из розовых, синих, золотых и желтых колечек. Скоро зажгутся свечи на елке. Елка уже стоит в темном зале, дожидается, когда будут ее наряжать.

— Идем посмотрим елку, — позвал Володя.

Оля мигом согласилась:

— Идем!

Маленький Митя спрыгнул со стула:

— И я.

— Возьмемся за руки, цепью, — сказала Анюта.

Неслышно шагая, они вошли в зал. Таинственно в темном зале. Сквозь ледяные узоры окон светит луна. Белые пятна лунного света лежат на полу. Высится елка. Запах хвои льется от лапчатых веток. Дети бесшумно обошли душистую елку.

— Идемте по всему дому, — позвал Володя.

Все почему-то затихли. Сегодня вечерний дом кажется новым, необычным. Дом и верно новый, они

недавно сюда переехали. Вот мамина комната, отгороженная от коридорчика не стеной, а занавеской. Слабо горит ночник на комоде. В колыбели Маняша. Живая цепь тихо обогнула Маняшину колыбель. Потянулась дальше, в угловую нянину комнату. Там кровать под лоскутным одеялом, возле стены кованный железом сундук, крышка изнутри заклеена картинками и конфетными обертками. Забавный нянин сундук!

Дальше. По узенькой лестнице поднялись на антресоли, в детские комнаты. Здесь еще ярче и полнее светит луна. Снежные цветы на замороженных окнах похожи на пушистые папоротники. Не разрывая рук, дети обошли антресоли и спустились по узкой лестнице вниз.

Распахнулась дверь из кабинета отца, и он появился на пороге.

— Вот она, моя гвардия! — воскликнул отец, загребая в охапку их всех.

Но заметил: дети задумчивы. Крепко держатся за руки. Отец не знал, что Володя придумал игру: обойти цепью весь дом.

Но о чем-то отец догадался и с чувством сказал:

— Мои дорогие, дружите всегда, как сейчас.

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Лето — золотая пора! Летом в Симбирске жарко, сухо. Зреют в садах яблоки. Симбирск полон садов.

Позади дома Ульяновых тоже есть сад. Небольшой, а чего только в нем нет! Серебристая аллея из тополей. Вязы раскинули шатры, в самый зной под ними не жарко. Разрослись акации, название у них „Желтый бор".

Семь утра. Солнце скользнуло в окно, теплый луч лег на подушку. Володя проснулся. Открыл глаза, секунда — и на ногах. Гимнастика — раз, два, три! Умылся — и вихрем в сад, под яблони. Особенное удовольствие опередить братьев и сестер, собрать упавшие за ночь яблоки и потом всех угощать. И поддразнивать:

— Сони, лежебоки, проспали!

Впрочем, в доме Ульяновых все поднимаются рано. У Саши и Володи обязанность: натаскать из колодца воды в кадки для поливки цветов. Не натаскали с вечера, давайте сейчас. Иногда поливать цветы выйдет мама. Иногда дети управятся сами.

А потом в столовой на столе кипит самовар. И мама напоминает за завтраком: сегодня французский день. Значит, за столом говорят по-французски. Завтра — по-немецки.

Конечно, легче бы каждый день говорить по-русски. Но мама хочет, чтобы дети знали иностранные языки.

— Что ты будешь делать после завтрака? — спросила Оля Володю.

— Как Саша.

— Я буду читать, — сказал Саша.

Как всегда, Саша будет читать. Он читает серьезные книги: Сашу интересует химия, естественные науки. Саша устроил химическую лабораторию во дворе.

Завел живой уголок: там копается в листьях ежик, белка скачет по жердочкам в клетке.

Раздолье летом! С утра забирай какую пожелаешь книжку, найди в саду потенистее уголок — и все на свете забыто. До обеда только птицы слышны в саду. Да стук маминой машинки долетает из дома: постоянно мама кому-нибудь из шестерых детей что-то шьет. И девочек научила шитью.

После обеда, вволю начитавшись, Оля зовет Володю:

— Идем играть.

— В черную палочку, палочку-застукалочку! „Черная палочка пришла, никого не нашла, кого первого найдет, того с палочкой пошлет".

Все врассыпную по саду. Кто-то водит. Неслышно крадется. Вон качается зеленый зонт лопуха...

Когда солнце уйдет со двора, на крокетной площадке крокет. Строго по правилам. Нельзя вести шар. Надо бить коротким ударом. Нельзя... Надо... Володя и папа — самые азартные спорщики. Самые хохотуны. Смеху во время игры!

Между тем солнце клонится к западу, близко вечер, спала жара.

— Сыновья, на Свиягу! — слышна команда отца.

Вся семья Ульяновых отправляется на Свиягу купаться. Мальчики с отцом, девочки с мамой.

Свияга — тихая речка, мирно течет в зеленых берегах.

С разбегу, с мостков, бултых в воду, брызги фонтаном, и Володя наперегонки с папой и Сашей плывет.

Небо еще светлое, розовое от зари, а над горизонтом уже зажглась первая звезда.

Володя и Саша идут после купания вдвоем, впереди.

— О чем ты задумался, Саша?

— Обо всем. Видишь звезду? Откуда она? Как она началась? Как началась жизнь на Земле? Зачем мы живем? В чем наша цель?

Володя слушает. ,,Зачем мы живем? В чем наша цель? Интересно жить, думать, спрашивать, узнавать, что-то делать. Умный Саша. Хочу быть, как Саша''.

НА ПАРОХОДЕ

Двухпалубный пароход стоял у пристани. Окна кают горели на солнце. Надраенная медь сверкала как золотая. Все было чисто, парадно. Капитан отдавал в рупор команду с капитанского мостика.

,,Не опоздать бы'', — в беспокойстве подумал Володя. Но папа и мама не беспокоились, и Володя молчал. Только нетерпеливо сжимал ручку корзинки с продуктами да вертел головой, боясь пропустить что-нибудь интересное.

,,Скорее бы все-таки на пароход, вдруг отчалит...''

Папа проверил билеты. Пересчитал вещи. У каждого корзинка или сверток по силам. А один узел поднял на плечо матрос и, не согнувшись, понес в каюту. Пароход прогудел басистым гудком. Закрутились колеса, забилась, зашумела вода под плицами, пароход отошел от Симбирска. Поплыли в Казань.

Каждое лето они уплывали в Казань. Оттуда сорок верст на лошадях в деревню Кокушкино. Володя с зимы начинал ждать это путешествие по Волге в Казань и Кокушкино.

Симбирск позади. Долго виднеются его красные крыши в садах на высокой горе. Волга повернула, и Симбирска больше не видно.

Стая чаек провожает пароход. Кто-то из пассажиров кормит чаек, они на лету ловят хлеб или камнем падают к воде и снова ввысь, в небо.

Володя тоже побросал чайкам крошек и побежал к машинному отделению. Паровая машина, блестя медью и маслом, дрожа от напряжения, шумно работала. Шатуны без остановки ходили, горячие струйки пара со свистом вырывались из клапанов. Голый до пояса кочегар, черный от копоти, работал у жаркой топки. Ручейки пота текли у него по спине.

— Живей поворачивайся! — подгонял машинист.

Кочегар схватил кружку, зачерпнул из ведра, жадно напился. Провел ладонью по мокрому лбу, вытер ладонь о штаны. Шлепая плицами, пароход усердно бежал вверх по Волге. На палубе гуляли пассажиры, любовались прекрасными видами. Папа вышел из каюты с шахматной доской. Шахматы удивительно были красивы, папа вырезал их из дерева, каждую фигуру сделал по-разному.

— Сразимся? — предложил отец Володе.

После папы Володя был первым шахматистом в семье.

Отец играл с ним на равных, хотя Володе всего десятый год. Впрочем, не так уж мало, в августе

держать экзамены в гимназию — прощайся с волей, казак!

— Милостивый государь, не угодно ли шах? — объявил отец.

— Уважаемый противник, нам шах не угоден.

Володя живо двинул коня на защиту.

— Хитер! В таком случае идем этой пешкой.

— А мы от вашей пешки ускачем.

Володя сделал неожиданный ход.

Ветер шевелил Володины каштановые с рыжеватинкой волосы. Солнечная Волга слепила глаза.

— А в машинном отделении так жарко! — хмурясь, вспомнил Володя. — Кочегар обливается по́том. Неужели как-нибудь нельзя облегчить?

Отец промолчал. Подошел Саша и, пожав плечами:

— А кто будет об этом заботиться? Хозяину парохода безразлично, тяжело кочегару или нет.

— Но ведь несправедливо! — воскликнул Володя.

— Справедливостей не так много на свете.

Оба мальчика поглядели на отца.

— Папа, ты защищаешь справедливость, мы знаем! — горячо сказал Саша.

— Каждый на своем месте должен защищать справедливость, — ответил отец.

Пароход загудел широко, на всю Волгу. Шел встречный, пароход слал приветствие встречному. Волга сильней закачалась, покатила к берегам длинные волны.

КОКУШКИНО

Сутки на пароходе, сутки в Казани, на третий день к вечеру приехали в Кокушкино. Всю дорогу Володя рассказывал Оле и Мите о жизни в Кокушкине. Оля и Митя слушали, будто никогда не видали Кокушкина, уж очень увлекательно Володя описывал. Катания по реке Ушне на лодке. Извилистая, быстрая Ушня! Рыбы в Ушне! В круглых омутах ходят зубастые щуки. Шныряют проворные ерши. Окуни жадно хватают наживку.

— Митя! Клюнуло, вытаскивай, Митя, окунь, толстенный!

Митя едва не выпрыгнул из тарантаса. Возница подхлестывал лошадь вожжами, одобрительно хмыкал:

— Расписывает-то как, ишь сказочник, а!

Сказочник, расцветая от похвалы, расписывал дальше. Кокушкинские грибные леса. Красные от земляники вырубки. Малинники в ближнем овраге. Сенокосы на лугах. Ночное, когда после вечерней зари деревенские ребята скачут верхами, гонят коней пастись до утра на лесные поляны.

В Кокушкине есть дом, оставшийся после смерти деда маме и маминым сестрам. Мама приезжает в Кокушкино пожить летом с детьми. И мамины сестры приезжают с детьми. Веселое собирается общество!

Вон и Кокушкино показалось, небольшая деревенька с соломенными крышами на крутом берегу реки Ушни. А вон, чуть поодаль, в саду, деревянный дом с колоннами и мезонином.

Здравствуй, Кокушкино! Володя первым соскочил с тарантаса, стремглав помчался обежать любимые места, оглядеть сад, поздороваться с кустами сирени, лужайками, клумбами. Оля летела за ним.

— Смотри, Оля, еще пышнее стал сад!

— А вон смотри, Володя, скамейка наша под липами, низенькая, будто в землю вросла.

— А вон спуск к реке. Спустимся?

Спустились. Узнали Ушню. Ольхой и плакучими ивами заросли берега. Из воды смотрят золотые кувшинки. Может быть, в одном таком желтом цветке жила Дюймовочка из андерсеновской сказки. Старая лодка привязана к колышку, уткнулась носом в берег. Хочется покататься. И в лес сбегать хочется.

— Пойдем, Оля, в лес.

— Сейчас? Одни? Вечер, Володя.

— Ну и что же, что вечер? Не беспокойся, ты ведь со мной.

Оля шагала рядом, хотя было немного ей страшновато. Особенно в овраге. Овраг довольно глубокий. Сюда не доходило вечернее солнце, было сыро и сумрачно.

Поднялись из оврага. Перед ними раскинулся скошенный луг, тесно уставленный копнами сена. А там, совсем близко, и лес. За зиму Володя и Оля отвыкли от леса, ветвистых берез, косматых елей, непроходимой чащобы орешника. Лес показался Володе и Оле дремучим. Солнце зашло. У Володи стало на душе неспокойно. Но отступать нельзя. Он шел впереди. Оля за ним. Темнота леса надвигалась на них. Деревья их окружили. Неба не видно, луга с копнами сена не видно. Под ногой треснул сучок.

— А вдруг разбойники на нас нападут? — спросила Оля.

Володя знал: разбойников в кокушкинских лесах не бывает. Но невольно с опаской огляделся по сторонам. Казалось, за каждым деревом кто-то притаился.

— Ты не боишься, Володя, разбойников? — шепотом спросила Оля.

— Не боюсь. И ты не бойся. Здесь не водятся разбойники.

„У-ух! — ухнуло из лесу. Резко, отрывисто. — Ух!"

Ветер пролетел поверху, прошумел в листьях деревьев. Оля схватилась за брата:

— Что это?

— Наверно, сова. Да, конечно, сова. Слыхала про сов? Самые умные птицы.

— Пойдем домой, Володя.

— Пойдем.

Он повел Олю, осторожно выбирая в сумраке дорогу, раздвигая кусты.

Лес был полон валежником. Они спотыкались. Володя чувствовал, рука сестренки дрожит в его руке. Вдруг ему показалось, они заблудились. Сердце застучало как молоток. „Зачем завел Олю?"

— Завтра утром поедем, Оля, на лодке, — сказал Володя, — покажу тебе замечательное место. А еще я одну земляничную поляну помню, в десять минут целую корзинку земляники с тобой наберем...

Он говорил, чтобы отогнать от себя страх и успокоить Олю. Говорил, пока не поредели деревья, стало светлее, показался скошенный луг и овраг. За оврагом деревня Кокушкино.

— Наш дом! — закричала Оля. — Володя, я почти не боялась.

Володе теперь тоже представилось, что он ничуть не боялся.

Он очень любил Олю.

Сегодня Володя узнал, как сильно любит свою дорогую сестренку.

Они весело пошагали домой. Их догоняла песня. Крестьянские девушки возвращались с поля и пели:

Зеленейся, зеленейся,
Мой зелененький садочек.
Расцветайте, расцветайте,
Мои алы цветики.

ГИМНАЗИСТ

Наступил августовский день 1879 года, когда Володя пришел в гимназию держать экзамены в первый класс. Двухэтажная каменная гимназия стояла в центре города, недалеко от Волги. Здесь Володя будет учиться восемь лет.

Но сначала экзамены. Учителя строго сидели за экзаменационным столом. Учеников вызывали по очереди. Володя смело вышел к доске. Учителя задавали вопросы. Володя отвечал без запинки. Дали задачку. Быстро решил.

— Даровитый мальчик! — говорили учителя между собой.

— Сын Ильи Николаевича Ульянова, директора народных училищ.

К тому времени Володин отец стал уже директором, учителя не только в Симбирске знали и уважали его, но и во всей Симбирской губернии.

— Способный сын у Ильи Николаевича и весьма подготовленный, — согласились гимназические учителя.

И поставили Володе по всем предметам пятерки.

— Наш Володя гимназист! — встретили дома.

Братья и сестры тормошили и поздравляли его. Мама примерила Володе гимназическую форму с блестящими пуговицами. Завтра он пойдет на уроки в первый класс. Мама смотрит в окно. Теперь у нее два гимназиста, Саша и Володя. И гимназистка Анюта. Время летит, дети растут.

Вечером в доме Ульяновых в столовой зажжена висячая лампа под белым абажуром. Дети собрались

готовить уроки на завтрашний день. У пятилетнего Мити уроков нет. Высунув от усердия язык, Митя рисует пароход с дымной трубой и высокие волжские волны. Володя отделался быстро: не так много задано первоклассникам. Отточил карандаши. Он любил, чтобы было много карандашей и чтобы были тонко отточены. Карандаши — загляденье! В тетрадях ни пятнышка, учебники в чистых обложках. Уложил в ранец, все приготовил на завтра. Теперь чем заняться? С хитрым видом принялся что-то мастерить из бумаги. Смастерил кузнечика, сбегал к няне за ниткой, привязал. Скок! — кузнечик прыгнул к Анюте под нос на учебник:

— Володя, не мешай. Снова ты с шалостями.

Нитка дернулась, кузнечик убрался. Через секунду на Сашину тетрадку — скок!

— Володя, отстань.

Кузнечик не отстает. Скачет и скачет, никак не уймется.

За столом смех, пока кто-нибудь не поймает кузнечика, оторвет нитку и бросит.

— Угомонись, — говорит Володе Анюта.

Володю угомон не берет. Как бы еще пошутить?

— Митя, а Митя!

Митя тихонько взвизгнул, предчувствуя что-то забавное, а может быть, страшное. Володя приставил два пальца к вискам:

— Идет коза рогатая, идет коза бодатая, кого бы ей забодать?

— Не меня, не меня!

Рога идут, приближаются к Мите, медленно, прямо к нему. Митя кубарем, с визгом и смехом, скатился со стула под стол. В дверях появился отец:

— Володя, идем ко мне.

Еще не остывший от шалостей, Володя вошел в кабинет. Здесь стоял книжный шкаф, в простенке меж окон большой письменный стол, а у другой стены овальный столик и диван для посетителей.

— Сядь, — сказал отец. — Посиди.

И углубился в работу. С малых лет Володя чувствовал уважение к кабинету отца. Папа много работал, очень много. Выезжал в губернию, в деревенские школы за сотни верст и в зимние морозы, и в осеннюю грязь. Не было, наверно, ни одной начальной школы в Симбирской губернии, куда бы Володин отец не приезжал помогать учителям. А дома надо писать отчеты, планы, педагогические статьи и заметки. Отец работал с утра до ночи.

— Володя, — позвал он через некоторое время.

Володя охотно подошел. Шалости уже вылетели у него из головы.

— На сегодня окончил работу, — сказал отец, аккуратно складывая в папку свои бумаги. — Кончил дело — гуляй смело. А другим не мешай, — несердито погрозил он Володе. — Ну, как в гимназии дела, гимназист?

Володя рассказал, как дела. Ничего дела.

Из зала донеслась негромкая музыка.

Они тихонько вошли в зал. Был полумрак. В подсвечниках рояля горели свечи. Мама играла. Что-то светлое, ясное, как летний солнечный день, играла мама. Володя с отцом сели в уголке, долго слушали музыку.

БУДЬ ТОВАРИЩЕМ

Зазвенел звонок к уроку. Второклассники с шумом занимали места. Была весна. Окна были открыты. Вдруг с улицы на подоконник вскочила кошка.

— К нам новичок! — хохоча, крикнул кто-то.

Вошел учитель. Мальчик, сидевший у окна, недолго думая схватил кошку, сунул в парту, захлопнул крышкой.

— Начнем урок, — сказал учитель, поднимаясь на кафедру и поправляя на носу пенсне.

„Мяу", — промяукала кошка.

— Что такое? — строго сдвинул брови учитель.

В классе послышались кашель и шорохи, у кого-то шлепнулись на пол книги. Гимназисты старались всячески заглушить мяуканье кошки в парте. А она все пуще: „Мяу, мяу, мяу".

Мальчик перепугался, что влетит от учителя, и выпустил кошку. Кошка как ни в чем не бывало направилась между партами к учительской кафедре. Второклассники замерли.

Учитель побагровел, пенсне упало с носа, повисло на шнурке.

— Что за безобразие? Кто принес?

— Мы не приносили. Она сама вскочила в окно.

— Кто спрятал? Сейчас же сознавайтесь. Кто спрятал кошку? Назовите тотчас!

Ни звука в ответ. Никто не оглянулся к окну, где тот мальчик сидел ни жив ни мертв от грозного крика.

— Смутьяны! — сказал учитель. — Будет доложено инспектору.

Урок прошел в глубокой тишине. После звонка, когда учитель удалился, Володя вышел перед классом:

— Будем молчать!

— Верно, Ульянов! Не выдавать! Ни за что!

С последней парты поднялся один второклассник, длинный, тонкий, неслышный. Бочком незаметно ушел. „Куда он?" — удивился Володя. Но некогда было раздумывать. Обсуждали происшествие. Никто не обратил внимания на то, что Длинный ушел.

— Ребята, — сказал Володя, — молчать, как один.

— Как один! — подхватил второй класс.

Было и боязно, и дружно, и какой-то у всех был подъем.

Длинный вернулся, сел за парту.

В конце перемены появился инспектор, выпячивая грудь в зеленом мундире:

— По местам!

Вмиг второклассники были за партами. Стояли. Что будет?

Инспектор леденящим взглядом обвел второклассников и... задержался на мальчике, спрятавшем кошку.

— Вон из класса! Единица за поведение. В карцер.

Мальчик, ошеломленный, поникнув, отправился в карцер. Все были поражены. Как мог инспектор узнать? Кто-то наябедничал. Кто?

Володя оглянулся на Длинного.

У того горели уши, пугливо шныряли глаза...

Плохо стало в классе. Каждая, даже небольшая, проказа и малейшая шалость становились известны инспектору. Ежедневно кого-нибудь то в карцер, то без обеда. Мальчики стали подозрительны. Боялись дружить. У всех вертелась мысль: „Кто же, кто ябедничает инспектору?"

Однажды в перемену Володя увидел: из кабинета инспектора выскочил Длинный и, прячась, шмыгнул в ребячью толпу. „Он", — понял Володя.

— Он ябедничает, — сказал Володя товарищам.

Многие уже и сами догадывались.

— Я его изобью! — сжимая кулаки, возмущался Дима Андреев, Володин товарищ. — Ребята, подстережем его на улице, проучим.

— Лучше по-другому проучим, — сказал Володя. — Объявим бойкот.

— Что такое бойкот?

— Не разговаривать, не отвечать на вопросы, не замечать, будто его нет.

Как раз вошел Длинный. Глаза, как всегда, жалко суетились и бегали. Он заметил, все умолкли при его появлении.

— Какой сейчас у нас будет урок? — спросил Длинный.

Никто не ответил. Один мальчик подбежал к доске, написал крупно: „С ябедами не разговариваем" — и быстро стер тряпкой.

Длинный съежился и, втянув голову в плечи, ушел за свою парту.

Володя его презирал. Когда Длинный попадался навстречу, Володя глядел мимо. И все так. Длинный остался один, совершенно один. Никто не говорил с ним ни слова. На него не глядели. Не замечали.

Шли дни. Шла неделя, другая, третья. Доносов не стало. Второклассников не сажали каждый день в карцер.

— Он перестал ябедничать, мы его проучили, — говорили между собой второклассники. Но по-прежнему не замечали его.

Раз после уроков Володя вбежал в пустой класс взять забытую книжку. Длинный сидел на последней парте и плакал. Володя подошел:

— Ты раскаялся? Ты больше не будешь?

Длинный поднял дрожащее, залитое слезами лицо. С ним говорили, он не верил ушам!

— Никогда, никогда! — залепетал он. — Я от страха. Я боялся, что инспектор прогонит меня из гимназии за то, что плохо учусь. Не могу я так жить, без товарищей!

— Будь сам товарищем, и у тебя будут товарищи, — ответил Володя. — Ну ладно, мы верим. Уговорю ребят, что тебе можно верить.

И бойкот Длинного во втором классе кончился. Никто не поминал прошлого. Длинный получил урок на всю жизнь... И все второклассники получили урок.

ТРЕВОЖНО

Брат Саша не любил гимназический казенный дух и муштру. А учился отлично, кончил с золотой медалью. Володя тоже не любил гимназические порядки и тоже учился отлично, был выдающимся учеником с первого до последнего класса.

Когда Володя был в младших классах, отец опасался: приучится ли Володя к труду? Уж очень был он способен, легко схватывал новое. После папа убедился, как настойчиво умеет Володя работать. Да и то сказать, было у кого научиться: в доме царило глубокое уважение к труду.

Саша кончил гимназию и поступил в Петербургский университет. Перед отъездом Саши в Петербург братья пошли на Старый Венец — так назывался в Симбирске высокий берег, круто обрывавшийся к Волге. Братья с детства любили Старый Венец. Просторное небо над ним. Просторные открываются дали.

— Что тебе нравится более всего в человеке? — спросил Володя.

— Труд. Знания. Честность, — ответил Саша. И, подумав, добавил: — По-моему, такой наш отец.

Сашины слова о папе вспоминались и вспоминались Володе сейчас. У Володи выдержанный характер, но и его начинала брать тревога: папа в поездке по деревенским школам. Давно пора бы вернуться, а его нет и нет.

Володя занимался в своей маленькой комнате на антресолях. Маленькой комнатке, где всегда безупречный порядок. Не брошена на пол бумажка, не захламлен письменный стол. Рядом такая же комнатка Саши. Пустая. Третий год Саша учится в Петербургском университете. И Анюта — в Петербурге на Высших женских курсах. Володя скучает по Анюте и Саше, особенно по Саше. Когда Саша жил дома, они обсуждали прочитанные книги, часами говорили о жизни.

— Однако довольно предаваться воспоминаниям, — оборвал себя Володя, — за дело!

Уроки выучены. Как в детстве, аккуратно приготовлен на завтра ранец. Весь вечер Володя читал. У него был громадный план чтения! Сюда входила история, книги об устройстве общества и жизни народа, и художественная литература — Тургенев, и Пушкин, и, конечно, Толстой.

Гимназические учителя не знали, что, кроме того, он читал книги Добролюбова, Писарева, Белинского, Герцена. Эти книги говорили о том, чего никогда Володя не слышал на уроках в гимназии. Они открывали глаза на несправедливости в обществе.

...Володя оторвался от страниц, взглянул на часы. Ух как зачитался! Надо проведать маму. Он сунул книжку в стол и побежал вниз, в столовую.

Мама была не одна. Друг отца Иван Яковлевич Яковлев по-соседски зашел на часок. Он был чувашом, служил инспектором чувашских училищ, был образованным, горячим защитником своего маленького, забитого царской властью народа. Неторопливый, полный достоинства, Яковлев прочувствованно говорил маме:

— Наш Илья Николаевич тем удивителен, тем благороден, что в своей деятельности заботится не об угождении начальству, а о пользе народной. Множество добра сделал Илья Николаевич и нам, чувашам, и мордвинам. Сколько школ пооткрывал. Власти не дают открывать чувашские школы, а он хлопочет, из последних сил добивается.

Мама сказала:

— Долго что-то не едет. Как я за него беспокоюсь!

— А вы погодите нервничать, Мария Александровна. Илья Николаевич больно уж человек увлекающийся, задержался где-нибудь в школе. Да и дорога неблизкая.

Из зала слышалась музыка. Оля играла Чайковского. Все примолкли и слушали.

Но что это? Бубенчики. Ближе. Звонче. Сюда, к нам! Володя вскочил. И мама порывисто встала, лицо оживилось, глаза заблестели:

— Володя, дети, папа приехал!

Да, теперь слышали все, бубенчики залились под окном и остановились возле ворот. Илья Николаевич, в тулупе поверх форменной шинели, вошел с ледяными сосульками в бороде, весь замороженный.

— Здоров, слава богу, здоров! — облегченно воскликнула мама.

Все помогали отцу раздеваться. Тащили домашнюю куртку и туфли. Накрывали на стол. Усаживали

отца, угощали. Растроганный, согретый, отец смущенно поглаживал бороду:

— Ну-ка, ну-ка, после дорог-то, вьюжных да холодных, дома-то как хорошо!

Когда первые восклицания кончились и морозный румянец остыл на щеках Ильи Николаевича, Володе показалось, папа сильно устал. И печален. Иван Яковлевич Яковлев тоже заметил, друг вернулся из губернии невесел.

— Плохое что встретилось, Илья Николаевич?

Горькая складка прочертилась у Ильи Николаевича на выпуклом лбу.

— Представьте степное селишко, от Симбирска верст полтораста, от проезжего тракта тридцать в сторону, глушь. Школа посредине стоит. Как бобыль, одинокая. Всю продувает ветрами. При школе комнатенка учительницы. Ни газеты, ни книжки. Дров нет. Мыслимое ли дело, дров не запасли на зиму школу топить! А все оттого, что богатею, старосте сельскому, не угодила учительница, головы не склонила. Травит, ест поедом. И заступиться некому...

— Папа, ведь ты заступился! — воскликнул Володя.

— Заступился, да уехал. А она снова одна, учительница наша, там осталась в поединке с богатеем. Богатей все село в кулак захватил. Никаких прав у крестьян. Земли

мало. Вся земля у богатеев и помещиков. Беднота с половины зимы без хлеба сидит.

Илья Николаевич зашагал по комнате, расстегнул воротник, ему было душно, что-то тоскливое было в глазах.

— Голубчик мой, — с беспокойством проговорила Мария Александровна. — Устал ты, отдохнуть тебе надо.

— Эх, Машенька, где уж тут отдыхать? Школы-то меня по всей губернии ждут. Школам-то нашим больно несладко живется.

— Голубчик, тревожно мне за тебя.

— Ничего, Машенька, я еще крепок. А кругом молодые дубки поднимаются.

Он обнял Володю. Володя вытянулся. Как отец, был немного скуласт, так же огромен был лоб. Ласка отца его тронула. Но он был застенчив. И лишь молча улыбнулся в ответ.

ОТЕЦ

Зимние каникулы подходили к концу. Скоро Ане возвращаться в Петербург на Высшие женские курсы. Аня приехала домой на каникулы, а Саша нет. Саша писал реферат, по горло был занят в биологическом и литературном кружках. Да и ехать вдвоем получалось накладно. В Симбирск железная дорога не шла, ехать надо до Сызрани, от Сызрани на лошадях верст полтораста. Путешествие слишком дорого стоило.

Соскучившись о доме, Аня радовалась каждой мелочи. Фикусам и олеандрам в столовой и зале — мама чудесно выхаживала цветы! От цветов было празднично в доме. Радовалась пестрым половичкам на полу. Милому роялю, на котором теперь, кроме мамы, с большим искусством играла сестра Оля. Белому снегу за окнами, белому саду.

Все каникулы Володя не отходил от сестры.

— Поговорим? — звал Володя, когда смеркалось.

Они устраивались в зале, в уголке на диване, не зажигали огня. Иногда подсаживалась к ним Оля и тоже слушала Анютины рассказы о Петербурге, студентах, студенческих землячествах и сходках.

„Когда же, когда же и мы поедем учиться в Петербург?" — мечтали Володя и Оля.

В этот день, 12 января 1886 года, как обычно, посумерничали в зале. Скоро Ане уезжать. Чемодан

уложен. Совсем скоро в дорогу! И жалко расставаться с домом, и тянет к оживленной питерской жизни.

— Дети, пить чай! — позвала мама.

Молодежь поднялась идти в столовую. Мимо папиного кабинета, по детской привычке, на цыпочках.

Отец очень был занят. Составлялся годовой отчет о работе школ: Илья Николаевич с утра до ночи писал. Целые дни к нему приходили инспектора и учителя обсуждать выполнение программ и успехи учащихся. Отчет директора народных училищ все рос, не видно было конца. И сейчас из папиного кабинета вышел могучий, широкоплечий Иван Яковлевич Яковлев.

— Илья Николаевич! Хоть часок отдохните, совсем ведь заработались! — сказал на прощание Иван Яковлевич. — Что это, право, не разогнете спины?

— Вот уж закончу отчет, тогда уж... кхэ, кхэ...

Иван Яковлевич покачал головой, уходя.

В раскрытую дверь Володя увидел ссутулившуюся папину спину. Он сидел у стола, подперев висок кулаком. „Пощады папа себе не дает", — подумал Володя.

Но в столовой было так тепло и уютно, на подносе тоненько посвистывал самовар: тревожные мысли рассеялись, на душе снова стало светло. Опять они заговорили с Аней о Володиной будущей студенческой жизни. И о том, что Саша, наверно, будет ученым: у Саши способности и все задатки ученого. А Оля, может быть, станет музыкантшей — такие прекрасные успехи делает на рояле! — великолепная музыкантша выйдет из Оли при ее-то труде и упорстве! Мама отнесла папе в кабинет стакан крепкого чаю и вязала у самовара, слушая разговоры детей. Немного спустя появился из кабинета отец, остановился у порога. Обвел всех долгим, пристальным взглядом. Молча ушел.

„Папа не такой, как всегда", — кольнуло Володю.

Мама беспокойно сдвинула брови, но продолжала вязать. Разговоры продолжались. Мирно тикал маятник стенных деревянных часов.

— Пойду проведаю папу, — внезапно решила Мария Александровна.

Отложила вязанье и торопливо пошла в кабинет.

— Дети! — послышался ее отчаянный крик.

Они прибежали.

Отец лежал на диване, съежившись, с потухающим взором. Жестокий озноб бил его, тело содрогалось. Мама, упав на колени, кутала пледом ноги отца, стараясь согреть.

Побежали за доктором. Захлопали двери. Слышался чей-то плач, испуганный шепот. Отец лежал без сознания. Дети, потрясенные, стояли над ним.

Через час у детей не стало отца.

Гроб поставили в зале. Три дня мама не отходила от гроба. Стояла безмолвная. Девочки плакали. Володю душили слезы. Он крепился. Только иногда убегал в свою маленькую комнату на антресолях. „Папа, умный, любимый! Неужели тебя нет? Как нам быть без тебя?"

Множество людей приходили проститься с Ильей Николаевичем. Приходили учителя, ученики и друзья. Володя знал, отец делает важную и полезную для народа работу, но только теперь понял, как много доброго сделал отец для людей!

Хоронили Илью Николаевича в морозный, блистающий день. Пушистые от инея, недвижно стыли деревья. Красногрудые снегири беспечными стайками перелетывали с ветки на ветку. Ветки качались, осыпая серебристые струи. Люди несли гроб. Впереди на руках учеников Ильи Николаевича плыли венки.

„Отец, прощай! — горько думал Володя. — Милый наш папа, за все спасибо тебе".

ПЕРВОЕ МАРТА

Еще при жизни отца Иван Яковлевич Яковлев привел однажды к Володе молодого чуваша, учителя из чувашской школы — Охотникова. У Охотникова не было законченного образования.

— Надо его подучить за восемь классов гимназии, — сказал Яковлев. — Потом в университет поступит. Очень нужны чувашскому народу просвещенные люди!

Володя согласился заниматься с Охотниковым. Бесплатно, потому что при большой семье жалованье у Охотникова было маленькое, едва хватало прожить. Когда Илья Николаевич умер, Володя особенно старательно стал заниматься с Охотниковым. Как бы в память отца. Отец ведь так заботливо хлопотал о чувашских школах, так много помогал!

— Большой человек. Жил для пользы народа, — вспоминал Охотников Илью Николаевича.

Все чаще Володя задумывался: как жить для пользы народа? Вот он учит крестьянского сына Охотникова. А еще? Еще Володя начал уже понимать, что настоящие защитники народа — революционеры. Но Володя не знал точно, как заниматься революционной борьбой. Он не любил гимназические суровые и злые порядки. Не верил в бога, сорвал с себя крест. Он много думал о том, как несправедливо устроено общество: богатые бездельничают, бедные не покладая рук трудятся. А все равно бедны. Разве справедливо? Он не любил царя. В гимназическом зале висел огромный, от пола до потолка, портрет царя Александра III. У царя тяжелое лицо. Глаза пустые и тусклые. Царь деспот. Но как с ним бороться?

Думает ли об этом Саша там, в Петербурге? Или Саша далек от политики и занимается только наукой? Володя не знал. То, что случилось в Петербурге 1 марта 1887 года, для Володи, для мамы, даже для Ани, которая особенно с Сашей дружила, постоянно в Петербурге с ним виделась, — то, что случилось, было для всех как гром среди ясного неба.

В классе шел последний урок. Восьмиклассники слушали объяснения учителя.

Прозвенел звонок. Учитель оставил класс. Гимназисты собирали тетради и книги. Все было обычно. Но возле гимназии Володю дожидался посыльный:

— От Веры Васильевны. Велела прийти, да живее!

Вера Васильевна Кашкадамова была учительницей, давним другом отца. Володя со всех ног побежал.

У Веры Васильевны дрожали губы, глаза были красны от слез. Протянула письмо.

Писали из Петербурга. 1 марта группа студентов покушалась на жизнь царя Александра III. Покушение не удалось. Студенты арестованы. Среди них Александр Ульянов.

Долго не мог Володя выговорить слова, прочитавши письмо. Саша! Брат. Тонкий, высокий, с большими задумчивыми глазами, талантливый Саша! Что с тобой будет?

Надо подготовить маму. Как ей сказать, что Саша арестован? И Аня арестована.

Прошло немного больше года после смерти отца. Мама еще носила траур по папе. Не заплакала, не забилась от горя, только сразу осунулась. В черном платье, такая скорбная, что у Володи больно заныла душа, мама распорядилась, что делать по дому, как жить. А сама сегодня же собралась в Петербург. Скорее найдите лошадь до Сызрани! Найдите попутчика. Из Симбирска ведь часто ездят в Сызрань.

Володя обходил дом за домом, где собирались ехать в Сызрань: „Возьмите, пожалуйста, маму!"

Но весть о покушении Саши на царя и аресте уже облетела весь Симбирск. Никто не хотел брать Марию Александровну. „Нет у нас лишнего места в санях. Нет и нет". И отводили глаза. Володин ученик Охотников вместе с ним обошел домов, наверное, десять. „Пожалейте мать". Нет, не пожалел никто.

Охотников побежал к земляку-чувашу. Упросил.

Чуваш помнил Илью Николаевича, повез Марию Александровну в Сызрань.

Володя остался старшим в доме. Самой младшей, Маняше, всего восемь лет.

— Поиграй со мной, Володя, — просила Маняша. — Отчего ты совсем не смеешься, Володя?

Володя заставлял себя поиграть с сестренкой, а улыбнуться не мог. „Саша, Саша! Что с тобой сделают?"

Наступил май. В гимназиях начались экзамены. Володя и Оля держали экзамены. Молчаливые, окаменелые, приходили в актовые залы. Ждали вызова. Учителя поражались ответам — брат и сестра отвечали блестяще. Отвечали блестяще... А в газете „Симбирские губернские ведомости" было уже напечатано, что сын покойного директора народных училищ Александр Ульянов...

Четвертый раз в эту последнюю гимназическую весну Володя шел на экзамен. Весенний птичий го-

мон полнил улицы. Две тонконогие девчонки прыгали через веревочку на деревянном тротуаре. Все было обычно, и все полно жизни, движения.

Возле фонарного столба увидел людей. Какая-то бумажка была приклеена на столбе. Люди читали. Вон папин знакомый чиновник. Заметил Володю, отвернулся и поспешно зашагал прочь от столба. Соседка тоже отвернулась. Люди разошлись. Володя медленно приблизился. Прочитал объявление. Потемнело в глазах. Пять студентов, покушавшихся на жизнь царя Александра III, восьмого мая были казнены. Сашу казнили.

Мало что сообщили в газетах, — по всему городу висели объявления о казни.

Тишина, полная ужаса, встретила Володю в актовом зале гимназии. Володя раньше всех решил задачи по геометрии и тригонометрии, сдал учителю тетрадь и ушел. Ушел на Старый Венец.

Весенняя полная Волга несла к морю Каспию вольные воды. Шел небольшой пароходик, тянул на буксире баржу. Все было тихо, спокойно. Что они сделали с Сашей!

Через неделю вернулась из Петербурга мама. Володя увидел, мама совсем поседела, у нее стали белые волосы.

ПРОЩАЙ, СИМБИРСК!

Почти все симбирские знакомые отвернулись от них. Избегали. Когда Мария Александровна шла по улице, встречные торопливо переходили на другую сторону, чтобы не здороваться с матерью казненного сына.

Прямая, высоко подняв голову, шла по городу мама. Не плакала, не говорила о Саше. „Сильная, гордая мама!" — с уважением думал Володя.

Как трудно и горько было им! Один Иван Яковлевич, верный товарищ Ильи Николаевича, преданный друг, не оставлял семью Ульяновых. По-прежнему навещал дом. Сядет возле мамы, опершись на толстенную сучковатую палку, и молчит. Или обсуждает с мамой, как жить Ульяновым дальше. Где жить?

Володя окончил гимназию. Учителя сомневались и спорили: возможно ли брату казненного дать золотую медаль? Но Володя так великолепно выдержал выпускные экзамены, так превосходно, что постановили: все-таки дать.

— Надо Володе поступать в университет, — делилась мама с Иваном Яковлевичем. — Но ведь в Петербурге не примут?

— Не примут. И пытаться напрасно.

А если бы даже и приняли, маме не хотелось отпускать Володю одного в Петербург.

Ехать же в столицу всей семьей невозможно — слишком дорога столичная жизнь, не под силу.

После смерти отца трудно стало Ульяновым. Дети учились, никто не зарабатывал. Маме дали пенсию за отца, но скупую: каждую копейку приходилось рассчитывать, ведь пятерых детей надо кормить, одевать, обувать.

Из Симбирска решили уехать. „Уедем от родного нашего дома, где каждый уголок напоминает былое счастье. От нашего сада, где любимо и дорого каждое дерево. От бывших друзей и знакомых, которые все стали чужими".

Нет, не все, Володин ученик Охотников не стал чужим. Учительница Вера Васильевна Кашкадамова не стала чужой. Напротив, в беде теснее сблизилась с мамой.

В симбирской газете появилось объявление: „По случаю отъезда продается дом с садом,

рояль и мебель. Московская улица, дом Ульяновой".

Дом стал похож на проходной двор. Постоянно у подъезда звенел колокольчик. Являлись покупатели, ходили по комнатам. Высматривали, трогали, щупали вещи. Оглядывали маму, шушукались. Мама стояла у двери, бледная, с черной кружевной наколкой на белых волосах. Володе хотелось загородить маму от недобрых, щупающих взглядов.

„Мама! Не показывай им наше горе, этим равнодушным людям, они не сочувствуют, у них одно любопытство".

Володя старался быть строгим и сдержанным, как мама. Чтобы не дрогнуло лицо. Не скатилась слеза.

Стоял прямой, несгорбленный.

И думал, думал о Саше. „Саша, ты ненавидел царя. Ты хотел убить царя. Ты надеялся, тогда порядки изменятся, людям будет лучше. Но ведь шесть лет назад, в 1881 году, также 1 марта, революционеры-народовольцы убили царя Александра II. Разве лучше стало жить людям? Нисколько. На место царя Александра II сел новый царь — Александр III. Лучше стало? Нисколько. Значит, по-другому надо бороться".

Так думал Володя.

А колокольчик у входной двери все звенел да звенел. Входили новые покупатели. Щупали, трогали, вытаскивали из дома Ульяновых вещи.

Только рояль никто не купил.

Володя погладил прохладную крышку. „Все наше детство и счастье связано было с тобой".

Рояль поехал с Ульяновыми в город Казань.

КАЗАНСКАЯ СХОДКА

Запрещается читать недозволенные книги. Запрещается состоять в кружках и обществах. Запрещается образовывать землячества. Запрещается... Запрещается... За нарушение выговор. Карцер, штраф, исключение. И даже... отдача в солдаты, в дисциплинарный батальон.

Володя Ульянов, став студентом, надеялся, что в Казанском университете порядки свободнее, чем в Симбирской мужской гимназии. Куда там! За каждым шагом и словом студентов наблюдали „педели" — так прозвали в университете надзирателей, приставленных ходить по пятам, выслеживать, нет ли

чего подозрительного. Не говорит ли кто против царя и правительства? Против начальства? Против инспектора Потапова? Инспектор Потапов был грубый громоздкий мужчина, с широкой бородой, как у царя Александра III, и оловянными глазами, в которых не светилось ни искры души. „Педели" являлись к Потапову доносить на студентов. Потапов составлял списки виноватых и без пощады вышвыривал вон из университета. Особенно бедных студентов. Бедным все труднее становилось учиться: плату за обучение увеличили в несколько раз.

Угрюмо, тягостно было в Казанском университете. Как в тюрьме. Вся Россия была как тюрьма.

Наступило 4 декабря 1887 года. В этот день в газете напечатали сообщение о студенческих беспорядках в Москве. А казанские студенты давно были недовольны своим бесправием. Среди казанских студентов появилось тайное воззвание: „Встаньте за свои права! Боритесь!"

Первые лекции прошли, однако, тихо. В двенадцать часов раздалось:

— Студенты! В актовый зал на сходку!

— На сходку! — загремело по коридорам университета.

Толпа буйно помчалась вдоль коридора, вверх по лестнице, в актовый зал на втором этаже. Среди первых мчался Володя Ульянов.

Двери в актовый зал были заперты. Студенты навалились, двери с треском распахнулись. Студенты ворвались в чинный актовый зал.

— Товарищи! — объявил председатель сходки. Вмиг наступила тишина. — Товарищи! Нет выше слова — товарищи! Клянемся поддерживать друг друга. Защищать свои требования. Мы требуем свободы, законности, правды...

В зале появился инспектор, бородатый, плечистый Потапов.

Студенты не любили его. Ненавидели.

— Господа! Именем закона требую, разойдитесь немедленно!

— Вон! Вон отсюда! Долой! — закричала толпа.

Свист, крики полетели со всех сторон на Потапова. Инспектор испугался, бежал из актового зала, кулачищами расчищая дорогу.

Пришел на смену ректор. Что-то он скажет? Студенты затихли. Ректору вручили петицию.

„Русская жизнь невозможна. Студенческая жизнь невозможна!" — говорилось в петиции.

— Успокойтесь, господа, — не зная, как усмирить разгоряченное юношество, принялся уговаривать ректор.

— Значит, вы не согласны выполнять наши требования? — снова забушевали студенты. — Товарищи, в знак протеста оставляем университет. Уходим. Сдавайте билеты!

На кафедру ректора лег первый билет. Потянулись руки. Студенты швыряли студенческие входные билеты. Десять... двадцать... девяносто девять студентов не пожелали оставаться в университете. „У студентов нет прав. Не хотим быть бесправными".

Володя Ульянов тоже положил свой билет. В этот день к вечеру он был исключен из университета.

Ночью его арестовали. А через несколько дней исключенного студента Владимира Ульянова выслали под надзор полиции в деревню Кокушкино.

ПОДНЕВОЛЬНЫЙ В КОКУШКИНЕ

Там уже жила Аня. Ее посадили в тюрьму безо всякой вины. За то, что сестра Александра Ульянова. Без вины присудили к высылке на пять лет в Сибирь. Мама хлопотала, подавала прошения, и Анне Ульяновой разрешили отживать срок в Кокушкине.

Зима стояла студеная, вьюжная. Флигелек, где поселились высланные брат и сестра, продувало насквозь. Ночами свистело, завывало в трубе. До окон наметало сугробы. Тоскливо было в зимнем Кокушкине.

Временами наезжал урядник. Выспрашивал кокушкинских крестьян:

— Как Ульяновы?

— Ничего. Хорошие люди. Ученые люди.

Уезжал урядник ни с чем.

Всю зиму Володя читал. С утра до ночи. Любимым писателем его в эти месяцы стал Чернышевский. Самым дорогим и прекрасным писателем! Революционность Чернышевского покоряла Володю. Чернышевский объяснял устройство русского общества. Властвуют царь, чиновники, фабриканты, помещики. А крестьянам и рабочим тяжело, нестерпимо. Володя знал, как живут кокушкинские крестьяне — тяжело, бедно. Володя помнил, как, вернувшись из поездок по школам, отец рассказывал о безземелье симбирских крестьян. Прав Чернышевский! Чернышевский показывал неустроенность русской жизни. Звал бороться. Звал к революции. Книга Чернышевского „Что делать?" была запрещенной. Эти страницы читал Саша. Так же тайно, запершись на ключ, плотно завесив окошки. Дорогие страницы! Володя перечитывал их много раз. Новое и новое открывалось ему.

Поздним вечером, начитавшись, он звал сестру Аню в сад. Они ходили взад и вперед узенькой дорожкой, протоптанной ими в снегу. Володя рассказывал Ане о прочитанных книгах. О мыслях, мечтах, цели жизни! Какая у Володи цель жизни? Революционная борьба. Всю жизнь, все силы он хочет и мечтает отдать на борьбу против царя и богатых классов. За счастье и свободу народа.

Зимняя ночь миллионами звезд глядела на соломенную деревеньку Кокушкино, на одинокий флигелек в саду, такой заброшенный и печальный.

Глухая деревенская тишина кругом.

Но вот пришла весна.

Тронулся лед, расковал реку Ушню.

Бурно побежали по оврагам ручьи. Глянули голубые подснежники. Жаворонки зазвенели. Светлой зеленью распушились березы.

Как дальше будет жить Володя Ульянов? Революционная борьба — его единственная, главная цель. Но надо зарабатывать деньги на жизнь. Необходимо окончить университет, получить диплом, иметь специальность.

Весной Володя подал прошение в Казанский университет.

Инспектор Потапов помнил декабрьскую сходку, горящие глаза студента Ульянова. Ни за что инспектор Потапов не позволит Ульянову вернуться в университет. Володе отказали.

К концу лета Мария Александровна подала прошение министру просвещения: разрешите моему сыну поступить в университет — в Москве, или Киеве, или Харькове, все равно...

Господин министр просвещения ответил: бывшему студенту Владимиру Ульянову не разрешаю поступать в университет.

Осенью Владимир Ульянов обратился к министру внутренних дел с просьбой отпустить его за границу. Он решил учиться в заграничном университете, если здесь, дома, не дают закончить высшее образование.

Министр внутренних дел отказал.

И еще раз Владимир Ульянов обращался с просьбой к министру. И еще раз власти отказали Ульянову.

Ну что ж, придется самому изучать университетский курс. К тому времени семья Ульяновых поселилась в Самаре. Там, в Самаре, бывший студент Владимир Ульянов за полтора года самостоятельно изучил четырехлетнюю программу юридического факультета и отправился в Петербург на экзамены.

САМАРСКИЕ ГОДЫ

— Владимир Ильич Ульянов! — вызвал председатель испытательной комиссии при Петербургском университете.

Ульянов взял билет. Вопросы достались трудные. Седоволосые важные профессора внимательно слушали. Слегка скуластый молодой человек, с искристыми, чуть суженными глазами, знал предмет глубоко и свободно. Профессора обменялись мнениями.

— Провинциал, из Самары, а как хорошо подготовлен! — одобрил один.

— Давно не слышал таких превосходных ответов! — согласился другой.

Третий без слов поставил отметку: „Весьма удовлетворительно”.

Мнение было общим: Ульянов заслуживает весьма удовлетворительной оценки. Самой высокой оценки на университетских экзаменах!

— Поздравляю, господин Ульянов! — сказал после экзаменов один профессор.

— Спасибо! — ответил Владимир Ильич.

Настроение у Владимира Ильича было превосходное. Он еще мало знал Петербург и в свободное время любил бродить с сестрой Олей по Невскому проспекту, набережным, Летнему саду, знакомиться с городом, великолепными дворцами, музеями. Оля жила этот год в Петербурге, училась на Высших женских курсах.

Сдав экзамены, Владимир Ильич направился к Оле. Хотелось поделиться радостью. Солидный профессор поздравил — по всем предметам получены высшие отметки. Не зря поработал. Скоро совсем переедет в Петербург и начнет свою самую важную работу, революционную работу.

Он весело шагал к сестре в общежитие на Васильевском острове.

„Вытащу Олю, побродим по Неве. А там и летние каникулы недалеко, поедем вместе в Самару".

Вошел в комнату. Оля, горячая, красная, в беспамятстве металась на подушках. Волосы растрепались, пылающие губы растрескались.

Она все что-то ловила руками, о чем-то молила.

— Мама! — слышалось сквозь бессвязную речь. — Спаси меня, мамочка!

Владимир Ильич взял ее руку, она не узнавала, вырывалась. Он отвез сестру в больницу, вызвал телеграммой мать.

В Самаре не было железной дороги. Пока Мария Александровна добралась до Петербурга, Оле совсем стало плохо. Умерла она 8 мая 1891 года. Четыре года назад в этот день был казнен Саша.

Владимир Ильич вел маму под руку за гробом. Все существо протестовало против этой бессмысленной гибели. Девятнадцатилетняя девушка, прелестная, умная, так безвременно умерла, так обидно! Мама шла за гробом, крепко сжав губы, без слез.

Вырос на кладбище свежий холмик. Олины подруги уложили могилу цветами.

Похоронили Олю, и Владимир Ильич с матерью вернулись в Самару, домой.

Самарские годы были важным временем в жизни Владимира Ильича. Там он подготовился к университетским экзаменам. Там познакомился ближе и глубже с учением Маркса.

Великий немецкий ученый и революционер Карл Маркс написал знаменитую книгу „Капитал" и вместе со своим другом Фридрихом Энгельсом „Манифест Коммунистической партии". Карл Маркс доказывал: рабочий класс победит капиталистов, возьмет власть в свои руки и устроит на земле новое, коммунистическое общество. С необычайным волнением Владимир Ильич читал Маркса. Учение Маркса до глубины души увлекло и захватило его. Убедительно, ясно открылся путь в будущее. Выбран путь. Навсегда.

Люди, следовавшие учению Маркса, назывались марксистами. Владимир Ильич стал марксистом. Организовал и возглавил в Самаре марксистский кружок, разъяснял и пропагандировал Маркса. Конечно, пропагандировать Маркса можно было только тайно, чтобы не попасться в лапы жандармов.

После экзаменов Владимир Ильич стал помощником присяжного поверенного в самарском суде, много раз выступал в защиту крестьян и бедных людей.

Работал, учился и мечтал вырваться из Самары в крупный промышленный город, лучше всего в Петербург. Там много заводов и фабрик. В Петербурге мощный рабочий класс. Вот куда рвался Владимир Ильич.

Давно бы уехал он в Питер, да жаль было маму. Мама тосковала об Оле. Владимир Ильич старался заботой и нежностью скрасить печальные мамины дни.

Осенью 1893 года Ульяновы уехали, наконец, из Самары. Мите пришло время поступать в университет, он выбрал московский. И Мария Александровна переехала с Митей и Маняшей в Москву.

Анна Ильинична вышла замуж. Муж, Марк Тимофеевич Елизаров, в петербургские студенческие годы был товарищем Саши. Тогда они с Анной Ильиничной крепко сдружились — сблизило горе, сроднила беда. Жили Анна Ильинична и Марк Тимофеевич с Ульяновыми общей семьей. Вместе и в Москву перебрались.

Владимир Ильич поехал в Петербург один, полный сил и революционной энергии.

ЗА НЕВСКОЙ ЗАСТАВОЙ

Был вечер. На петербургских улицах тускло светились фонари. Редкие пешеходы спешили по домам.

Владимир Ильич ехал в конке. Конка дребезжала, качалась с боку на бок на рельсах. Пара гнедых лошаденок, мотая головами, усердно тащила вагончик. Окна замерзли, не видно было, где едут. Ехать далеко. За Невскую заставу, на рабочий кружок.

Когда Владимир Ильич садился в конку, следом за ним вскочил на подножку маленький человечек в темных очках. Владимир Ильич заметил его на остановке. Он стоял, закрывшись газетой, будто читает, а сам подглядывал за Владимиром Ильичем. „Шпик", — понял Владимир Ильич, когда человечек проворно вскочил в конку.

Владимир Ильич сел у самого выхода, поднял воротник и стал думать, как уйти от шпика. Притворился, что дремлет, а сам дышит на стекло, чтобы оттаял кружочек, чтобы глядеть — не пропустить остановку. Он знал одну остановку, где можно улизнуть от шпика. Скосил глаза на окно, смотрит в оттаявший кружок, не пропустить бы. Не долго осталось. Теперь и вовсе не долго. Следующая остановка.

— Кому сходить? — спросил кондуктор.

Все молчат. И Владимир Ильич молчит.

Лошади тронулись, и тогда Владимир Ильич вскочил с места и выпрыгнул из конки. И со всех ног — к проходному двору. Позади слышался суматошный звон колокола: звонил кондуктор. Конку остановили. Но Владимир Ильич уже добежал до проходного двора. Юрк в ворота. Шпик тоже соскочил с конки, да поздно. Оглянулся направо, оглянулся налево. Никого.

А Владимир Ильич через проходной двор выбрался на другую улицу и благополучно пошел на кружок.

Кружок собирался на квартире Ивана Бабушкина — слесаря механического завода за Невской заставой. Завод по имени хозяина назывался Семянниковским. За Невской заставой было много заводов и фабрик. Утром, еще темно, на разные голоса начинали гудеть заводские гудки. По-темному шли на работу рабочие. А кончали работать ночью. Совсем солнца не видели. Беспросветная жизнь! Но ведь нельзя же, нельзя же вечно так жить!

Рабочие тайно от полиции собирались на квартире слесаря Бабушкина, обсуждали свое положение.

И в этот вечер собрались и ждали лектора Николая Петровича. На самом деле это был Владимир Ильич. Он назвался Николаем Петровичем, чтобы шпики и полицейские не узнали, кто он.

Зачем же Владимир Ильич приезжал на рабочий кружок за Невской заставой? И на другие кружки?

Затем, что хотел, чтобы все рабочие узнали учение Маркса. Маркс учил: рабочие есть та сила,

которая может перестроить общество. Если рабочие захотят и сумеют восстать против фабрикантов и против царя, никто их не сломит. Значит, надо объединяться рабочим. Надо поставить цель и идти к своей цели. Какая у рабочих может быть цель? Одна. Взять власть в свои руки. Устроить государство трудящихся. Прекрасное государство, справедливое общество! Маркс назвал это общество коммунистическим.

ПЕРВАЯ КНИГА

В то время, когда Владимир Ильич занимался в кружке слесаря Ивана Васильевича Бабушкина за Невской заставой, немало рабочих марксистских кружков собиралось в разных концах Петербурга. Когда Владимир Ильич приехал в Петербург, прежде всего начал искать связи с революционерами-марксистами.

— Товарищи! — сказал Владимир Ильич. — Надо нам всем нести учение Маркса в рабочие массы. Надо объединиться с рабочими и подготавливать революцию.

Так образовался революционный Союз, который после стал называться „Союзом борьбы за освобождение рабочего класса". Сначала „Союз борьбы" был только в Петербурге, а потом и в других городах.

Вот какое громадное дело поднял Владимир Ильич!

Но Владимир Ильич не только кружками руководил то за Невской, то за Нарвской заставами, то на Васильевском острове. Была у него еще одна важная работа. Лишь выпадал свободный час, Владимир Ильич занимался этой работой. Днем, поздно вечером, иногда даже ночью Владимир Ильич писал. Книга, которую писал Владимир Ильич, была страшная для капиталистов. Она рассказывала рабочим, как вернее бороться с властью капитала, как организованнее вести эту борьбу.

Скоро Владимир Ильич закончит книгу. Товарищи-марксисты тайно ее отпечатают и распространят по рабочим кружкам.

Поздно. В комнате Владимира Ильича за тюлевой занавеской встала черная тьма. В доме напротив окна погасли. Наступила ночь. Город спал.

Владимир Ильич отложил перо и поднялся. Сделал три шага. Комната маленькая, но он любил пошагать.

— Дорога одна. Русский рабочий пойдет этой прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции, — вот о чем думал и писал Владимир Ильич. Книга его звала русских рабочих к победоносной коммунистической революции.

Еще никто никогда не обращал к русским рабочим таких смелых призывов.

А было Владимиру Ильичу в то время всего двадцать четыре года. Он был совсем молодым. Он много знал. И верил: русские рабочие совершат революцию.

БУНТ НА СЕМЯННИКОВСКОМ

На рождество Семянниковский завод, что за Невской заставой, не работал. Под праздник должны были платить рабочим получку. Протяжно, на всю заставу прогудел гудок. Станки остановились.

Иван Бабушкин прибрал инструменты.

Вошел мастер в новых скрипучих сапогах, толстощекий и сытый:

— Ребята, потерпите денег до вечера.

Из углов мастерской послышалось недовольно:

— Своего жди, как милости!

Но ничего не поделаешь, приходилось ждать. Рабочие толпились в мастерской и во дворе, топтались на морозе, дуя в кулаки. Поглядывали на проходную: не несут ли конторщики деньги из банка?

— Лучше бы работать, чем зря болтаться, все лишнее выработаешь, — ворчали рабочие.

Наконец на крыльце конторы появился управляющий в полушубке из белой овчины. Толпа хлынула к крыльцу.

— Нынче денег нет, завтра будем платить, — объявил управляющий.

И все. Иди домой под праздник с пустыми карманами. Напрасно ждут ребятишки гостинца — баранку или пряник. А у кого и на хлеб ни копейки нет дома.

— Нам шиш, а у капиталиста за день процент на деньги нарос, — сказал Бабушкин.

О таких случаях, какой произошел с ними сегодня, говорил Владимир Ильич на кружке. Объяснял: капиталисту выгодно подольше капитал в банке держать, нарастают проценты. Капиталисту каждый день лишнюю прибыль приносит. А рабочие пускай подождут.

На другое утро вместо отдыха пришлось идти к заводу за жалованьем. Денег опять не платили. Время текло, короткий зимний день шел к концу, а конторщики с деньгами не показывались.

— Братцы, обманули нас! — раздался чей-то гневный голос. Как сигнал.

Люди закричали, кинулись с улицы к проходным.

В проходных образовалась давка. Рабочие в ярости рвали двери с петель, били стекла:

— Получку пла-а-ти!

Просвистел камень, двуглавый орел над заводскими воротами закачался. Полетели камни, палки, куски каменного угля. Разбили фонарь. Толпы рабо-

чих бросились к хозяйской лавке возле завода. Выбили дверь. Ворвались. Топорами и кольями крушили товар.

— Жечь управляющего! — послышался зов.

Толпу понесло к флигелю управляющего.

Флигель притаился, наглухо закрыл ставни. Рабочие навалили к запертому крыльцу поленьев и щепок, плеснули керосину. Пламя вспыхнуло, вскинулся к крыше столб черного дыма и искр.

— Так его, так его, не будет обманывать! — кричали рабочие.

Но издали донесся звук медной трубы. Мчалась пожарная часть. Вестовой на жеребце подскакал к горящему крыльцу.

— Пшел вон! — заорал на рабочих.

Примчались пожарные. Оцепили флигель, наставили лестницу, нацелили на огонь брезентовые рукава, — скоро пожар угас.

— Расходись по домам! — распоряжался брандмейстер в пожарной каске.

Народ стоял.

Брандмейстер махнул рукавицей. Поднялся пожарный рукав и принялся стегать по толпе ледяной струей. Люди побежали. Ледяной ливень гнал их, хлестал. Одежда лубянела на морозе.

Только к вечеру привезли деньги из банка. Хозяева побоялись дольше задерживать выплату. За получкой выстроились очереди измученных, угрюмых людей. Платили до ночи. К ночи завод утих.

ЧЕТЫРЕ ЛИСТОВКИ

Жандармы ходили по квартирам, хватали бунтовщиков-семянниковцев. Выкручивали за спину руки, вели в полицейский участок.

— Лавку хозяйскую бил? Садись в тюрьму, за решетку.

— Крыльцо управляющему жег? В тюрьму, за решетку.

Бабушкин ждал: „Придут и за мной".

Поздно вечером в дверь постучали. Быстро, коротко. Сердце упало: „За мной".

Бабушкин немного помедлил и пошел открывать дверь.

Стучался Владимир Ильич. Весь белый от инея, на бровях наморозило сугробики снега. Сбросил пальто и, потирая озябшие руки, зашагал по горнице:

— Ну, говорите! Выкладывайте. Как началось? Что пережили рабочие?

Бабушкину хотелось всю душу вылить Владимиру Ильичу. В памяти стоял вчерашний бунт на заводе, разгром хозяйской лавки, костер на крыльце управляющего. За лавку да за костер жандармы и хватали сегодня рабочих.

— Нет, сознательному рабочему не кулаками надо бороться, — сказал Владимир Ильич. — Напишем об этом листовку.

Они сели рядом за стол. Шепотом, чтобы не услыхала хозяйка, обсуждали, о чем будут писать в листовке. О том, что настало время борьбы. Никто не освободит от рабства рабочего. Никто. Только он сам. Не кулаками надо бороться, а организацией.

Товарищи рабочие, объединяйтесь, требуйте свои права у хозяев! — призывала листовка.

Была поздняя ночь. Опершись щекой на кулак, Бабушкин следил за быстрым пером Владимира Ильича. И вдруг клюнул носом:

— Я ничего, ничего, просто так.

— Просто так, сидя уснул! — засмеялся Владимир Ильич. — Ложитесь-ка, ведь завтра чуть свет на работу.

Бабушкин послушался, лег, а Владимир Ильич стал переписывать листовку. Надо переписывать крупными печатными буквами, чтобы рабочие могли легко разобрать. Владимир Ильич усердно выписывал каждую букву. Одна листовка, вторая, третья, четвертая.

Внезапно загудел фабричный гудок, заполнил небо, улицы и бился в замороженное оконце Бабушкина. Это Семянниковский завод звал рабочих к утренней смене. Загудели заводы и фабрики. Невская застава проснулась.

— Бабушкин, вставайте, — будил Владимир Ильич.

Бабушкин вскочил.

— Что? А? Где? Почему? — не понимал он со сна.

Тер глаза. Никак сообразить не мог: откуда в его комнатушке раным-рано Владимир Ильич? Как он здесь очутился? Но увидел на столе переписанные печатными буквами четыре листовки и все вспомнил.

— Надо распространить их среди рабочих, — сказал Владимир Ильич. — Жалко, больше не успел переписать. А как надо бы, эх, жаль, не успели...

Они вышли из дому. В небе еще не погасли ночные звезды. Тихо мерцали голубоватыми лучиками. Белые столбы дыма поднимались из труб.

Улица была залита темными толпами рабочего люда. Владимир Ильич и Бабушкин смешались с народом.

Бабушкин нащупал в кармане четыре листовки. Сейчас потихоньку раздаст их знакомым рабочим. Те прочитают и передадут дальше. И много рабочих узнают о том, как надо лучше устраивать стачки.

— Наш первый агитационный листок. В добрый час, Бабушкин! — сказал Владимир Ильич.

„МИНОГА"

Узкая длинная рыба. Непонятно, почему Надежде Константиновне Крупской, такой привлекательной девушке, дали кличку „Минога". Впрочем, членам „Союза борьбы" сплошь и рядом давали самые странные клички. Например, кличка Глеба Кржижановского — „Суслик". Чем он на суслика похож? Да ничем. Невысокий, живой, глаза яркие, черные. Он был близким другом Владимира Ильича. Учился на инженера и был хорошим марксистом. Великолепно вел кружки на рабочих окраинах. Очень его Владимир Ильич за это ценил!

А вот нижегородцев Анатолия Ванеева и Михаила Сильвина звали „Мининым" и „Пожарским". Вроде подходит. Что касается Владимира Ильича, прозвище у него было „Старик". За ум и образованность его так прозвали.

В один ноябрьский день, когда деревья Александринского сквера стояли уже по-зимнему белые, как в сказке о деде-морозе, „Минога", то есть Надежда Константиновна Крупская, не спеша прогуливалась по скверу против Публичной библиотеки. На ней была короткая шубка. Меховая шапочка не закрывала косы. В маленькой муфте пальцы крепко сжимали тетрадку. Тетрадка содержала сведения об ужасающей жизни рабочих.

Надежда Константиновна служила в Управлении железных дорог, а еще была учительницей вечерне-воскресной школы рабочих за Невской заставой. Эту тетрадку Надежде Константиновне принес рабочий фабрики, ее ученик. Сведения были нужны для листовки.

Год прошел, как Владимир Ильич сочинял вместе с Бабушкиным первую листовку и четыре раза переписывал ночью. Теперь петербургский „Союз борьбы" выпускал сотни экземпляров листовок, тайно

перепечатывал их на мимеографах и распространял по всему Петербургу.

...Вот наконец он, Владимир Ильич! Он появился в подъезде Публичной библиотеки. Надежда Константиновна, увидев его, заспешила на Невский. Они встретились на Невском и пошли вниз к Неве. Владимир Ильич взял ее под руку.

— Успешно работалось в библиотеке? — спросила Надежда Константиновна, а сама всунула в рукав ему из муфты тетрадку.

— Отлично! — ответил Владимир Ильич, глубже засовывая тетрадку в рукав. — Точные сведения?

— Да.

— Спасибо! — сказал Владимир Ильич.

Она обернула к нему розовое от мороза лицо. У нее сияли глаза. Как хорошо было Владимиру Ильичу с этой простой и серьезной девушкой! Они познакомились вскоре после приезда Владимира Ильича в Петербург. Неужели только тогда? Владимиру Ильичу ка-

залось он всю жизнь ее знал. Он любил делиться с ней мыслями. Она охотно и радостно помогала ему. У них были общие взгляды, общая цель, одно дело.

Вдруг Надежда Константиновна почувствовала, Владимир Ильич предостерегающе сжал ее локоть. Сзади следовал за ними человек. Неприятнейший тип, с поднятым воротником. Плечи сгорблены, руки в карманах.

Владимир Ильич мгновенно перевел разговор. Громко стал толковать о самых житейских вопросах. О том, что на Лиговке, слышал, есть магазинчик, где дешевы зимние шапки. Надо бы съездить купить...

А сам все быстрее вел Надежду Константиновну по Невскому проспекту.

Пересекли, свернули на какую-то улицу. Шпик, не отступая, шел по пятам.

— Разойдемся, — шепнул Владимир Ильич.

Они простились. Надежда Константиновна вернулась назад, на Невский, ждать конку. Владимир Ильич пошагал дальше случайной улицей. Шпик увязался за ним. Несколько минут Владимир Ильич быстро шел вперед. Вдруг круто повернул в переулок. Шпик не рассчитал, проскочил дальше по улице.

А Владимир Ильич увидел в переулке роскошный подъезд богатого дома. С коврами и пальмами. И пустое кресло швейцара в подъезде. Мигом вошел, сел в кресло, схватил газету со столика, загородился.

Шпик прибежал в переулок. „Где человек, за которым шпионил? Сквозь землю, что ли, провалился?" Шпик рот от удивления разинул. Побегал по переулку и побрел восвояси ни с чем.

Такой у него жалкий был вид, что невольно Владимир Ильич не удержался от смеха. Но скорей домой, нельзя тянуть время — как бы не явился швейцар! Владимир Ильич пощупал в рукаве тетрадку. Здесь. Опасность позади. Скорей домой, за работу.

НЕ УБЬЕШЬ НАШЕ ДЕЛО

Восьмого декабря 1895 года в квартире Надежды Константиновны Крупской было собрание членов „Союза борьбы". „Союз борьбы" решил выпускать нелегальную газету „Рабочее Дело". И вот собрались обсудить статьи для первого номера. Четыре статьи написал Владимир Ильич. Боевые и смелые, они всем очень понравились!

Печатать газету „Рабочее Дело" решили в подпольной типографии. Была такая типография на берегу Финского залива в питерском пригороде.

— Там и будем печатать, — договорились члены „Союза борьбы".

Передали статьи Анатолию Ванееву. Анатолий Ванеев, двадцатитрехлетний студент, был стойким человеком. Всей душой предан был революционной работе. Владимир Ильич ему поручал самые ответственные и опасные дела. Завтра Анатолий Ванеев отвезет статьи в типографию, и скоро рабочие будут читать свою первую газету.

Расходились члены „Союза борьбы" с собрания поздно, довольные сделанным делом.

Владимир Ильич задержался. Они говорили с Надеждой Константиновной и не могли наговориться. О товарищах. Владимир Ильич откопает в человеке интересную черточку и пойдет хвалить — не нахвалится. Любил он людей! Надежде Константиновне очень было дорого это. Говорили о рабочих. Как рвутся рабочие к знаниям! Возьмите Бабушкина, яркий, талантливый...

— До свидания, Надя, — сказал Владимир Ильич. — Завтра прибегу к вам сломя голову...

Улицы были пусты. Горели редкие фонари. Тусклый свет фонарей не заглушал света звезд. Владимир Ильич дошел до Публичной библиотеки. Здесь тоже было пусто. Он был один. Липы Александринского сада наклонили сучья под тяжестью снега. Треснул сучок. С ветки хлынул снежный дождь. Хорошо было у Владимира Ильича на душе!

Он пришел домой на Гороховую улицу, где недавно снял комнату. Слишком уж за ним охотились шпики: из осторожности приходилось часто менять адреса.

Вошел на цыпочках, чтобы не разбудить хозяйку. Спать не хотелось. Решил почитать. Владимир Ильич подбирал материал для своей новой будущей книги. И сейчас, только сел, зачитался, увлекся. Взглянул на часы: скоро два.

— Надо ложиться, — сказал он себе и еще зачитался.

В два часа позвонили.

Владимир Ильич не сразу понял, удивленно прислушиваясь. Звонок повторился, резко, грубо. Зашлепали в коридоре ночные туфли хозяйки.

— Кто там? Кто там? — слышен был голос хозяйки у двери.

Вошел дворник, в дубленом полушубке и фартуке. За ним бесшумно прошмыгнули в комнату Владимира Ильича двое штатских. Позади жандармский офицер.

— Предписание на арест.

Двое штатских бросились делать обыск. Рылись в книгах, ощупывали постель, осматривали печь и печную отдушину.

Владимир Ильич без слов стоял у стены.

Он думал о товарищах. Что с ними? Один он взят или товарищи тоже? А Надя? Что с Надей? Неужели наше дело пропало? ,,Нет. Нас уже не погубишь, —думал Владимир Ильич. — Не убьешь наше дело. Встанут новые сотни тысяч рабочих. Поднимется на Руси весь рабочий народ''.

КАМЕРА № 193

Узенькое решетчатое окошко под потолком. Сквозь грязное стекло слабо льется серый свет. Железный откидной стол у стены. Железный стул. В углу прямо на пол свалены книги. Читать разрешается. Сестра Аня и Надя натаскали Владимиру Ильичу уйму нужных книг. Надю не арестовали в ту ночь. А сестра

Аня с мамой приехали из Москвы, как только Владимира Ильича посадили в тюрьму.

Сегодня четверг — день свиданий. Владимир Ильич отложил в сторону книги. Надо заняться другими делами. Пошагал для разминки и стал у стола спиной к двери. В двери круглый глазок, надзиратель поминутно глядит. Стоя спиной к глазку, Владимир Ильич скатал из хлебного мякиша катышек, продавил пальцем углубление.

Зачем? Вот зачем. Такая у Владимира Ильича из хлеба чернильница. Вместо чернил молоко. Он взял книгу и принялся выводить между строк молочными чернилами слова. Напишет слово, молоко просохнет — слова не видно. Сегодня передаст книгу домой. Надя или Аня нагреют страницу над лампой, и вот чудеса-то: медленно, постепенно слова начнут оживать, проявляться, как негатив на пластинке. Пожалуйста, читайте письмо. Владимир Ильич писал на волю не письмо, а листовку.

В ту ночь с 8 на 9 декабря вместе с ним арестовали сто шестьдесят членов „Союза борьбы". Но „Союз"

не распался. Там, на воле, поднятые „Союзом" продолжались забастовки и стачки. Владимир Ильич посылал листовки для стачечников.

За дверью громыхнули ключи, взвизгнул замок. Дверь отворилась. Вошел надзиратель. Владимир Ильич вмиг схватил хлебную чернильницу с молоком. И в рот. Проглотил.

Надзиратель приблизился. Ничего не увидал подозрительного: заключенный читает. Бренча ключами на железном кольце, надзиратель удалился из камеры.

А Владимир Ильич слепил новую чернильницу и продолжал писать дальше. Потом и эту чернильницу съел. Так надзиратель и остался с носом, не узнал ничего.

Через час снова загремели ключи — Ульянова повели на свидание с невестой. Надежда Константиновна дожидалась по ту сторону двойной решетки. Руки нельзя пожать. Можно только кивнуть. Улыбнуться. Надежда Константиновна улыбнулась, хотя горько ей было видеть Владимира Ильича за решеткой. Молодец он! Нисколько не падает духом. Даже в тюрьме бодрый, веселый.

Надежда Константиновна передала приветы от мамы и сестры. Здоровы. Помнят. Любят.

— Любят очень! — повторила она, и Владимир Ильич увидел: лицо ее вспыхнуло, милое, такое родное...

Потом перешли к делам. Как говорить о делах, когда жандарм разгуливает между двойной решеткой и прислушивается к каждому слову?

— Сегодня отослал Анюте прочитанные библиотечные книги, — сказал Владимир Ильич. — Да еще Маняшину книгу, — добавил он после коротенькой паузы. И очень внимательно поглядел на Надежду Константиновну.

„Маняшину, — отметила про себя Надежда Константиновна. — Он выделил: Маняшину. Что он хочет сказать? Никак не догадаюсь... А! Догадалась! Письмо или листовку надо искать в Маняшиной книге. Ему прислали какую-то Маняшину книгу, там и надо искать".

Надежда Константиновна закивала, раскраснелась от радости, что поняла. А Владимир Ильич продолжал дальше загадывать ребусы.

— Номер моей камеры знаете?

— Еще бы не знать! Конечно. Сто девяносто три!

„Зачем он спрашивает? Не зря же он спрашивает. Ах вот что! — сообразила она. — Листовка на странице сто девяносто три. Ну, разумеется, он намекает на это!"

— Вы в театрах, Надюша, бываете? — вдруг спросил Владимир Ильич.

Она подумала и ответила:

— Да.

— И со знакомыми видитесь?

— Частенько, — лукаво улыбнулась она. — Со всеми знакомыми вижусь.

Ловко же они обводили вокруг пальца жандарма! Владимир Ильич получал важнейшие сведения. Надя посещает театры. Это значит, держит связь с рабочими. Со всеми знакомыми видится. Значит, „Союз борьбы" действует. Новых арестов нет.

Жандарм поглядел на стенные часы.

— Свидание окончено.

Как быстро пролетел час! Не хочется расставаться.

— Скорее расскажите что-нибудь о себе!.. — торопил Владимир Ильич.

— Свидание окончено, — непреклонно перебил жандарм.

— До встречи, Володя! Будь здоров. Не скучай.

Владимира Ильича уводили. Он шел и оглядывался. Она стояла, пока его не увели.

Повернулся в замочной скважине ключ. Снова он в камере. Все в нем было полно впечатлением встречи. Он представил, вот Надя выходит из тюрьмы. Вот, может быть, сейчас направляется к Летнему саду.

Владимир Ильич долго шагал в полумраке и с нежностью думал о ней.

ЗЕЛЕНАЯ ЛАМПА

Ровно год Владимир Ильич жил в далекой ссылке, в неведомом никому селе Шушенском. Да в тюрьме отсидел перед ссылкой четырнадцать месяцев. Да осталось еще ссылки почти два года.

Далеко затерялось сибирское глухое село! Шестьсот верст от железной дороги. Железную дорогу недавно провели по Сибири, ехать поездом из Москвы в Красноярск десять суток. Потом пароходом суток пять вверх по реке Енисею. Потом лошадьми. Тогда уж и Шушенское.

В этот день 7 мая 1898 года Владимир Ильич нарушил обыкновение, не сел писать книгу „Развитие

капитализма в России". Книгу о том, что в русских деревнях и городах все больше силы набирают капиталисты и кулаки и все беднее и тяжелее жить под властью капитала народу.

После обеда постучал в окошко крестьянин, бедняк Сосипатыч, щуплый, проворный, в треухе и худеньком зипунишке, с ружьем через плечо:

— Слышь, Владимир Ильич, идем, однако, уток стрелять.

Сосипатыч опасался, не стал бы Владимир Ильич отказываться, а он тотчас согласился. Владимир Ильич был неспокоен. Пора Надежде Константиновне приехать из Питера, а она все не едет. Надежда Константиновна за революционную работу позднее товарищей тоже отсидела в петербургской тюрьме. После тюрьмы присудили ссылку. Выхлопотала, чтобы в Шушенское, к Владимиру Ильичу. Теперь вот добиралась, да что-то долго уж очень. Может, в Красноярске ждет парохода?..

Чтобы заглушить неспокойные мысли, Владимир Ильич снял с гвоздя берданку — и вон из избы.

— Сапоги подходящи, однако, — одобрил Сосипатыч.

Сапоги у Владимира Ильича и верно подходили для лазанья по топям за утками. Болотные сапоги, выше колен. Старенькая берданка заряжена утиной дробью. Они отправлялись верст за десять, на Перово озеро. Уток там водилась такая масса, что берега были усыпаны утиным пером. Оттого и называлось озеро Перовым.

А денек удался чудесный. Солнце грело нежарко, и каждый листик и травка насквозь светились под веселым лучом. Как умытые, свежо зеленели луга. Синие и лиловые ирисы пышно раскрылись в траве. И вдали, по всему горизонту, на голубом небе, высилось громадное, слепящее, яркое. Это были одетые снегом Саяны.

Версты три отшагали, и Владимир Ильич почувствовал бодрость и свежесть во всем теле. Хоть двадцать, хоть сорок верст готов так идти. Да слушать истории Сосипатыча. Сосипатыч знал, чего Владимиру Ильичу надо. Рассказывай ему о деревне, о своей жизни бедняцкой. Описывай ему всю деревню подряд.

В том дворе такой-то хозяин. В этом такой-то. Сколько едоков? Скотины? Земли?

В том дворе, в третьем и в пятом, по всему селу Шушенскому. Да не приври ни полслова...

— Стой. Вон и озеро. Гляди не промажь, Владимир Ильич. Первый-то выстрел не промажь, постарайся, примета такая, — захлопотал Сосипатыч, когда подошли к месту охоты. — Ты уж первым-то выстрелом не подпорти, Владимир Ильич!

Владимир Ильич стал с ружьем. Удивительная радость стоять с ружьем и внимать жизни леса! Птичьему свисту и трелям. Озорному кукованию кукушки. Шелесту ветра в ветвях. Наступлению вечера.

В густых камышах Перова озера что-то зашевелилось, шумнуло: большая сизо-темная кряква поднялась и тяжело пролетела в десяти шагах от Владимира Ильича. Он выстретил. Мимо!

Засмотрелся, опоздал спустить курок.

— Эхма, Владимир Ильич, воронишь, однако! — рассердился Сосипатыч.

Впрочем, несмотря на примету, дальше охота пошла удачно. Настреляли уток. Развели костерик. Вскипятили в закопченном чайнике чай.

Сосипатыч в счастливом расположении духа принялся подзадоривать Владимира Ильича остаться на

ночь. К ночи утки поднимутся из камышей на жировку, что тут будет! Тучи неоглядные!

Сильно задорил, но Владимира Ильича какое-то предчувствие звало домой.

Стемнело. Пригнали стадо в село. Во дворах доили коров, слышалось дзеньканье молока о подойник. Да журавли колодцев скрипели, поднимая воду. Где-то блеяла заблудившаяся овца.

— Гляди, Владимир Ильич, свет у тебя, — заметил Сосипатыч.

Владимир Ильич и сам видел. В его двух оконцах в избе, крайней по проулку, горел свет. Зеленый. Горячее, радостное поднялось в груди Владимира Ильича.

На крыльце, в темном платье, тоненькая и легкая, держась за перила, стояла Надежда Константиновна. Владимир Ильич взбежал на крыльцо.

— Здравствуй, Надя!

— Володя, — отозвалась она.

— Идите-ка, идите показывайтесь, какой вы здесь стали? — весело звала из комнаты Надина мать, Елизавета Васильевна. — Невеста приехала, а он, гуляка, на охоту закатился до ночи!

В комнате горела лампа под зеленым абажуром.

— Тебе для работы. От зеленого света спокойней глазам, — сказала Надежда Константиновна.

Она везла эту лампу из Москвы десять суток в поезде. Потом на пароходе. Потом на тряской телеге. Крепко держала в руках. Боялась, не довезет зеленую лампу до Шушенского! Вот, довезла.

УВАЖЬ, ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

Надежда Константиновна приехала в Шушенское невестой Владимира Ильича. Назначили венчание, а для венчания нужны были кольца. Где их добыть? В Шушенском, кроме Владимира Ильича, жили ссыльные: поляк Ян Проминский с семьей и финн Оскар Энгберг. До ссылки Оскар работал на Путиловском заводе в Петербурге. Да еще знал ювелирное дело.

Когда Надежда Константиновна собралась в ссылку, Владимир Ильич написал в письме: привези, пожалуйста, Оскару инструменты, а то заскучал без работы парень. И на жизнь зарабатывать надо.

Надежда Константиновна привезла Оскару целую корзину инструментов. Оскар Энгберг и выковал Владимиру Ильичу с Надеждой Константиновной из

медных пятаков кольца. Надежда Константиновна всю жизнь их берегла.

Зажили по-семейному. Переехали на квартиру в новый дом на самом берегу реки Шуши. Дом отличался ото всех. С высокими окнами. И особенно выделялся двумя колоннами на парадном крыльце. Откуда он такой, необычный, взялся? Вот откуда. Власти издавна ссылали в Шушенское, дальнее сибирское село, политических. В сороковых годах здесь в ссылке жили два декабриста. Один декабрист знал архитектурное дело. Он и сочинил проект дома с колоннами, в котором теперь поселились Ульяновы и Елизавета Васильевна.

Соорудили Владимиру Ильичу рабочий уголок в новой квартире. Поставили полку с книгами. И конторку. Конторка была высокая, с покатой, как у парты, крышкой и перильцами. Лампа на конторке с зеленым абажуром. Зимними вечерами рано гаснут в Шушенском окна, а зеленый огонек Владимира Ильича все горит...

Он любил писать стоя. Книгу „Развитие капитализма в России", очень большую книгу, почти всю написал, стоя у конторки. Много работал Владимир Ильич! И книга, и статьи, и переводы с английского! Переводы с английского они делали вместе с Надеждой Константиновной для заработка и отсылали в Петербург в редакцию. Надежда Константиновна была усердной помощницей Владимира Ильича. Было у нее и свое дело — писала брошюру о женщине-работнице. Ведь она хорошо знала рабочую жизнь.

Им нравилось вместе трудиться: он за конторкой, она за столом. И отдыхали неразлучно. В лесу и на Шуше или далеко уйдут к Енисею. Хоть и трудно в ссылке, а хорошо было им, молодым и влюбленным.

Полдень. Елизавета Васильевна стукнула в дверь: пришел посетитель. Очень занят Владимир Ильич, не хочется отрываться от рукописи, так уж не хочется! Но если пришел за советом бедный крестьянин — все дела в сторону! Елизавета Васильевна впустила крестьянина. Он был весь выцветший, со впалыми щеками, в морщинах, хотя и не очень глубокий старик. Поискал икону в углу, не нашел, покрестился на окно.

— Садитесь, пожалуйста, — пригласил Владимир Ильич.

Крестьянин сел, поставил у ног кринку, завязанную в кумачовый платок.

— С бедой я, уважь, Владимир Ильич, дай совет.

— Говорите, говорите, пожалуйста, — живо отозвался Владимир Ильич и приготовился слушать, заложив пальцы за проймы жилета.

Крестьянин был дальний, долго рассказывал, кто таков да откуда, пока, наконец, добрался до беды. Вот какая случилась у него беда. От нужды послал старшую дочь в работницы к богатому мужику на год за двадцать целковых. Отработала девка одиннадцать месяцев, а тут заболела мать, да шибко, с печки от хворобы не слазит. А изба малых ребятишек полна. Пришлось старшей дочери домой ворочаться, за хворой матерью и ребятишками ходить. А хозяин за работу платить отказался, говорит, договор нарушен, месяц до года не дожила, не стану платить!

— Неужто задаром почти полный год девка работала? — сокрушался мужик. — Так и оставить?

— Нет, так оставить нельзя! — решительно воскликнул Владимир Ильич. Зашагал по комнате, быстро, гневно.

Мужик следил за ним слезящимися глазами. Вздыхал. И Надежда Константиновна, кутая плечи в платок, ждала, что решит Владимир Ильич.

— Вот что, напишем в волостное управление, потребуем закона, а кулака судом припугнем, — сказал Владимир Ильич.

Остановился у конторки, минуту подумал, и через полчаса бумага готова. Убедительная получилась бумага. Подробно объяснил Владимир Ильич мужику, куда отнести бумагу, что говорить, с кем говорить.

— Правда за вами, — втолковывал Владимир Ильич. — Не сдавайтесь. Откажут по первому прошению, еще приходите. Дальше будем писать. Правда за вами.

Мужик теребил и мял шапку в руках, качал головой, благодарил. Поднял с пола кринку в кумачовом платке и Надежде Константиновне:

— Прими маслица в благодарность, хозяюшка.

— Что вы! Что вы! — воскликнула Надежда Константиновна. — Да разве можно! Да что вы надумали-то?

— Нет уж, масла не надо, — решительно отказался Владимир Ильич.

Никак было мужику невдомек, почему они отказываются от благодарности, чудные люди! Ведь бумагу-то писал Владимир Ильич? За спасибо, выходит?

Ушел. Унес в сердце добрую память о политическом ссыльном Ульянове. Во многих крестьянских сердцах за свою жизнь в Шушенском оставил Владимир Ильич по себе добрую память.

ЧТО БЫЛО В МАЕ

В прошлом году Владимир Ильич встретил Первое мая без семьи. Настал новый май, теперь Надежда Константиновна с ним. Надумали шушенские ссыльные по-революционному отпраздновать Первое мая.

Утром позавтракали, принарядились — в дверь Проминский. Тоже нарядный, в галстуке.

— С Первым маем вас!

Владимир Ильич завел охотничью собаку, совсем еще молоденькую и резвую, назвал Женькой. Женька с веселым лаем кинулась навстречу Проминскому, думает, пришел звать на охоту.

Все собрались. И отправились к Энгбергу. И Женьку с собой взяли.

Весна в этом году была поздняя. По реке Шуше шел лед. Льдины толкались, спешили и уходили в Енисей. Над рекой слышалось шуршание льда. Хоть и прохладный был день, а праздничный, яркий. И настроение у всех было праздничное.

Пришли к Энгбергу, уселись на лавке, запели:

День настал веселый мая,
Прочь с дороги, горя тень!
Песнь раздайся удалая!
Забастуем в этот день!
Полицейские до пота
Правят подлую работу,
Нас хотят изловить,
За решетку посадить.
Мы плюем на это дело,
Май отпразднуем мы смело,
Вместе разом,
Гоп-га! Гоп-га!

Спели одну песню, принялись за другую. Весь этот день полон был пения.

Попраздновали у Энгберга, пошли на луг. Там, вдали от села, под синим шатром неба, загремела „Варшавянка":

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут.

Революционную гордую песню „Варшавянку" привез из Польши Проминский. Когда его гнали в сибирскую ссылку, попал в московской пересыльной тюрьме в одну камеру с русскими марксистами, членами „Союза борьбы". Там был Глеб Кржижановский. А Глеб Кржижановский был не только инженер и марксист. Он еще и стихи сочинял. Проминский в тюрьме тихонько пел „Варшавянку" по-польски. Глеб Кржижановский переводил на русский.

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

Неслись зажигающие слова над шушенским лугом в этот день Первого мая.

Счастливый был день! Вечером Владимир Ильич и Надежда Константиновна долго не могли заснуть. Говорили, мечтали о будущем. Придет ли время, когда

в свободной России рабочие и весь народ свободно будут праздновать Первое мая с красными флагами?

А назавтра... Пыль по дороге столбом. Топот копыт. В Шушенское прискакали жандармы. Тарантас подкатил под окошко Владимира Ильича. Тпрру-у! Лошади стали. Спрыгнули с тарантаса двое жандармов при шашках. С заднего сиденья сошел жандармский офицер, коротенький, плотный, перехваченный поясом, с револьверной кобурой.

— Обыск! — бросил офицер. И прямо в рабочую комнату Владимира Ильича, к книжному шкафу.

А там на нижней полке запрещенная литература, нелегальная переписка, химические средства для шифрованных писем. Найдут жандармы — годы ссылки набавятся. Много, может быть, лет.

— Пожалуйста! — сказал Владимир Ильич, подставляя стул к шкафу.

Поразилась Надежда Константиновна его выдержке.

— Пожалуйста. Отсюда начнете?

Владимир Ильич, спрашивая, кивнул на верхнюю полку. Коротенький офицер, поддержанный жандармами под локти, пыхтя забрался на стул. Начал обыск сверху. А книг масса. И научные тут были книги. И Пушкин был. И Тургенев.

Офицер полистал полчаса, час. Уморился. Велел жандармам продолжать обыск. Сам сел. Глаза скучные. Попробуй перелистай сотни страниц. Жандармскому офицеру и смотреть-то на эту уймищу книг было скучно. Медленно ползло время.

Владимир Ильич изредка давал объяснения, какие, где расположены книги. Спокойно, уверенным тоном.

И вот добрались до нижней полки. И вот судьба ссыльных Ульяновых висит на волоске.

Надежда Константиновна выступила вперед и улыбчиво:

— А здесь моя педагогическая литература о школах. Я ведь учительница.

— Довольно! — махнул рукой жандарм.

Он хотел есть. Рюмочку водки выпить хотел. Умаялся он. „Ну их, этих ссыльных! Учены уж больно".

И обыск закончился. Как раз перед нижней полкой закончился. А там нелегальная литература, химические средства...

Жандармы уехали.

Елизавета Васильевна вошла. Все время обыска она просидела в соседней комнате, нервно куря папироски, одну за другой.

— Пронесло? — спросила Елизавета Васильевна.

— Пронесло! — засмеялся Владимир Ильич и добавил сибирское словечко: — Однако...

У ПОСТЕЛИ ВАНЕЕВА

Два раза в неделю почтарь приносил почту. Иногда чуть не полмешка притащит писем и книг.

Шмякнет об пол:

— Читайте!

Писали родные, писали товарищи. На пятьдесят и сто верст в округе жили ссыльные члены „Союза борьбы". Жили и дальше, совсем далеко, в самых гиблых ледовых местах.

Один раз Владимир Ильич получил из дома пакет — от Анны Ильиничны. Секретный, это он распознал по условной крохотной метке. Значит, в пакете есть что-то важное. Так и было. Проявил тайнопись: перед ним сочинение.

Сестра писала в письме: вот, мол, познакомься, какие в Питере пошли взгляды вместо марксизма.

Владимир Ильич стал читать. Сдвинул брови, нахмурился. Не понравилось ему сочинение, какое прислала Анна Ильинична. Сестра назвала его нерусским названием: „Кредо". На русский перевести, — значит: верование, взгляды.

Анна Ильинична писала в письме, что собралась группа людей и стала высказываться против марксизма. Небольшая группка, а бойкая. Что же она проповедует? Вот что. Рабочим неинтересна политика. Рабочим не нужна революция. Рабочие хотят одного: чтобы повыше был заработок. А для этого надо мирно жить с хозяевами и фабрикантами.

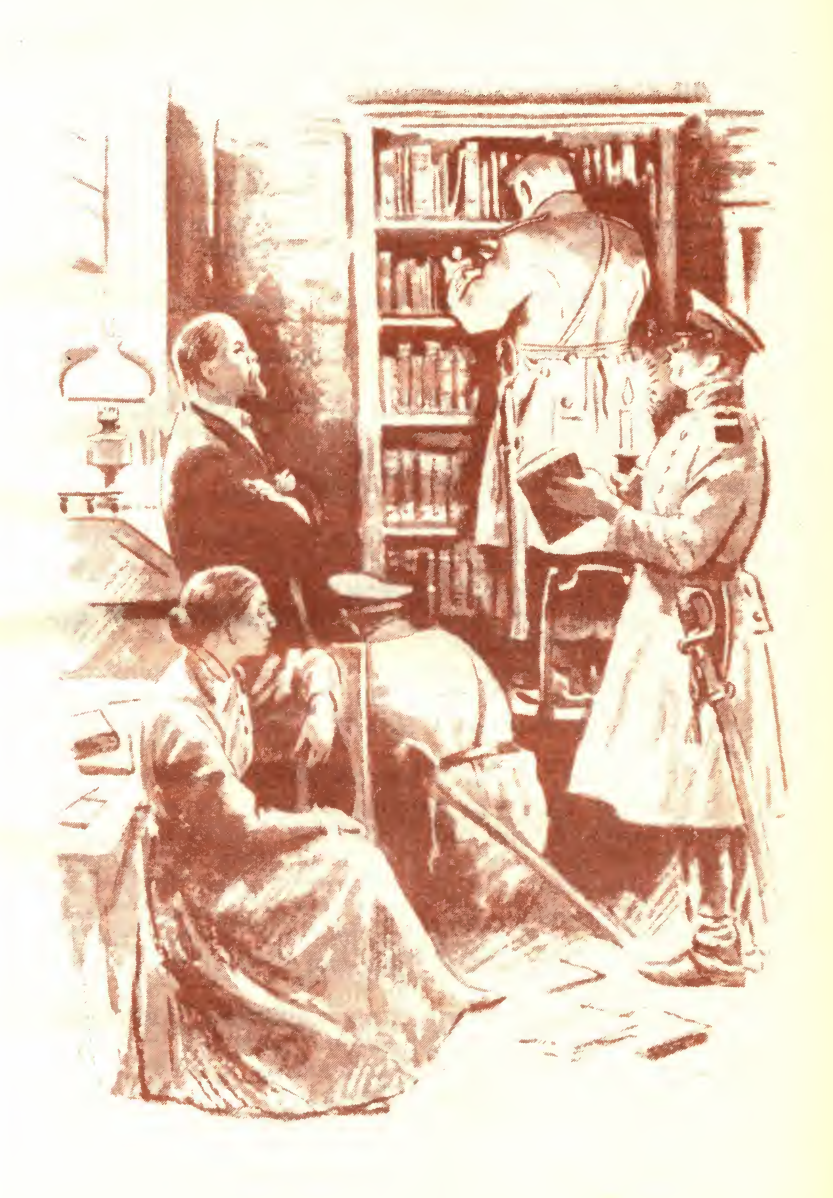
Такие взгляды назывались „экономизмом". Владимир Ильич и его товарищи-революционеры были марксистами. А то появились „экономисты".

— Что делать? — вслух раздумывал Владимир Ильич, шагая по комнате. — Ведь они уводят рабочих от революционных задач!

Надежда Константиновна знала привычку Владимира Ильича иногда думать вслух. Не надо мешать. Сейчас он найдет решение.

И верно. Пошагал-пошагал, подумал и нашел:

— Созовем товарищей. Обсудим „Кредо". Напи-

шем „Протест". Подпишемся под „Протестом" и разошлем тайно по заводам и фабрикам.

Тут же они с Надеждой Константиновной принялись писать письма всем ссыльным друзьям, чтобы придумали причину, отпросились бы у властей и приезжали на сбор. А где назначить сбор? Самое подходящее — в Шушенском. Но Владимир Ильич выбрал село Ермаковское, шестьдесят верст за Шушенским. Там жил в ссылке друг и помощник Владимира Ильича по „Союзу борьбы" Анатолий Ванеев. В тюрьме он тяжело заболел. Вцепилась чахотка и грызла. Грызла все злее. С постели подняться не мог.

Вот почему Владимир Ильич назначил сбор в селе Ермаковском.

Политические ссыльные собрались из разных мест.

Ванеев лежал на белых подушках. Сам белее подушки, исхудалый, с лихорадочным блеском в огромных глазах. И счастливый. Как он был рад! Он участвовал в общем деле. Хочется жить! Работать! Приносить людям пользу.

Обсудили „Кредо". Подписали „Протест". Полетит в рабочие кружки по всем городам революционный призыв из далекой Сибири:

„Товарищи, не слушайте „экономистов". У нас один путь — революция!"

После обсуждения Владимир Ильич не ушел, сел у постели Ванеева. Ванеев устал. Холодный пот крупными каплями выступил на лбу. Глаза провалились, как в ямы.

— Не уходи, — слабо выговорили бледные губы.

Владимир Ильич не уходил. Бедный Ванеев, замученный царской тюрьмой и неволей! Владимир Ильич поправил на нем одеяло, погладил плечо. И говорил, делился планами. Скоро ссылке конец. Владимир Ильич рассказывал, что будет после ссылки. Создадим рабочую марксистскую партию. Будем выпускать газету, нашу, пролетарскую газету. Будем бороться с царизмом.

Ванеев слушал жадно, восторженно. Августовский вечер за окном потемнел. Издалека долетали щемящие грустные звуки гармоники. А Ванеев шептал пересохшими от жара губами:

— Спасибо, Владимир. Ты вдохнул в меня жизнь. Я верю...

Это был последний счастливый вечер Ванеева.

Не прошло и трех недель, Владимир Ильич и На-

дежда Константиновна снова приехали в село Ермаковское хоронить Анатолия.

— Прощай, Анатолий, — говорил над гробом Владимир Ильич. — Клянемся тебе, мы будем верны революционному делу.

Летели первые снежинки, падали и не таяли на мертвом лице Анатолия.

Владимир Ильич заказал чугунную плиту на могилу.

,,Анатолий Александрович Ванеев.
Политический ссыльный.
Умер 8 сентября 1899 г. 27 лет от роду.
Мир праху твоему, товарищ''.

НА ВОЛЮ!

Непонятное происходило в доме. Непривычное. Чемоданы, узлы, связки книг во всех комнатах. Обычный порядок странно нарушен, — Женьку с каждым часом все больше разбирало беспокойство. Она ходила по дому, открывая носом двери. Всюду сваленные на пол книги, клочки бумаг, обрывки веревок. Женька тыкалась в плечо Владимира Ильича, присевшего на корточки перед кипами книг. Владимир Ильич связывал книги, а Женька, жалобно ласкаясь, поскуливала: да объясните же, что тут у вас?

— Время пришло расставаться, — сказал Владимир Ильич. Потрепал Женьку. С каким восторгом сопровождала она его на охоту! — Настала, Женька, пора расставания. Передадим тебя в надежные руки.

Помощница Елизаветы Васильевны по хозяйству, синеглазая Паша, проливала горючие слезы, утираясь фартуком. Уезжают из Сибири Ульяновы, кончилась ссылка, отжили срок. Скучно будет Паше, однако, без них! А Минька, шестилетний соседский мальчонка, азартно подбирал брошенные в суматохе тетрадку, карандаш, коробку из-под монпансье и тому подобные ценности:

— Тетенька Надежда Константиновна, можно?

Пришел Оскар Энгберг. Надежда Константиновна с ним занималась — читали ,,Капитал'' Карла Маркса. Оскар на прощание принес подарок. Из крышки часов сделал брошку в виде книжечки, старательно вырезал надпись: ,,Капитал'' Маркса, том I — на память о наших занятиях''.

— До свидания, дорогой товарищ Энгберг! — простились Надежда Константиновна и Владимир Ильич. — Придется ли встретиться?

— Вот революцию сделаем... — ответил Оскар.

Двадцать девятого января до рассвета, когда в Шушенском еще сонно глядели темные окна, дымы еще не поднимались над трубами и за околицей склонилось к земле предутреннее мглистое небо, у крыльца остановились двое саней. Утирая фартуком слезы, забегала туда-сюда Паша. Владимир Ильич принялся грузить книги и вещи. Все помогали, суетились.

— Сядьте, да сядьте же, посидеть перед дорогой надо, — уговаривала Елизавета Васильевна.

Посидели молча.

— Едем! В путь! — вскочил Владимир Ильич.

Мороз стоял основательный. Владимир Ильич помог женщинам надеть в дорогу дохи. Укутал, подоткнул с боков сено, чтобы не дуло.

— Владимир Ильич, а вы-то без дохи, обморозитесь! — забеспокоилась Елизавета Васильевна.

— Меня радость греет, что едем на волю, никакой мороз не прошибет, — ответил Владимир Ильич.

— Ну хоть муфту мою возьмите, руки-то спрятать!

Он засмеялся, взял муфту, залез в сани. И кони рванулись.

Вот и Шушенское позади, навсегда. Вот и небо заяснелось. Вспыхнуло облачко. Полился на востоке из-за края земли розовый свет. И торжественно поднялось дневное светило.

И на душе у Владимира Ильича было торжественно. Первое утро свободы! За последние месяцы он похудел в ожидании конца ссылки, опасался все, не придрались бы власти, не прибавили бы срок.

Владимир Ильич думал, думал. Все об одном. О возобновлении партии. Когда Владимир Ильич был в ссылке, в Минске созвали I съезд партии в 1898 году. Но тут же власти арестовали почти всех организаторов партии. Надо восстанавливать партию. Газета — первый для этого шаг. Нелегальная, марксистская газета. Она соберет и объединит все передовые силы России. Вот о чем думал Владимир Ильич.

А дорога бежала. Останавливались на почтовых станциях только затем, чтобы поменять лошадей да поесть. Эх, позабыли пельмени! Вкусны мороженые, стукающие в мешке, как орехи, пельмени, с луком и перцем, особенно в дальней дороге, когда надышишься досыта чистейшим воздухом, нажжет щеки колючий мороз! Досадно, забыли!

Далеко ехать до города Минусинска. Да от Минусинска больше трехсот верст до станции Ачинск. День и ночь ехали. Дни стояли яркие, солнечные, с синевой небес, разрисованными жемчужным инеем ветками, блистанием снега. Ночи лунные. Огромная луна в просторном небе плыла как корабль между редкими звездами. В ночи звонче перекликались бубенчики.

Прискакали на станцию Ачинск на пятый день, на рассвете. Станционный колокол пробил: близится поезд.

Громко дыша, черный, в саже и масле, паровоз подтащил пассажирский состав. Минута остановки. Колокол пробил отправление. Долгожданное сбывалось. Впереди новая жизнь.

ИЗ ИСКРЫ — ПЛАМЯ!

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Так писал Пушкин декабристам в Нерчинские рудники. Поэт-декабрист Одоевский ответил Пушкину:

Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя!

Владимир Ильич решил дать газете название „Искра".

В Шушенском он обдумал газету от первой до последней строки. Теперь надо было ее создавать. Вернувшись из Сибири, Владимир Ильич поселился в Пскове. Один. Без Надежды Константиновны. У Надежды Константиновны не кончилась ссылка, — ведь она позднее попала в тюрьму и Сибирь, — поэтому теперь ей назначено было доживать срок в Уфе. А Владимиру Ильичу разрешили жить в Пскове. Трудно расставаться с Надюшей. Но даже в мыслях ни ему, ни ей не пришло, что можно бы подождать, помедлить, пока кончится срок ее ссылки. А тогда уж... Нет, Владимир Ильич не мог медлить и ждать. Революционная работа неотложна. Самое главное дело, смысл жизни. „До свиданья, Надюша. До встречи".

В Пскове Владимир Ильич развернул подготовку „Искры" вовсю. Выезжал в разные города. Всюду искал товарищей для работы в „Искре". Надо было подготовить авторов, которые писали бы в газету статьи. Надо найти агентов-распространителей. Ведь „Искру" нельзя продавать обыкновенным способом. Живо засадят в тюрьму. Значит, распространять надо будет тайно. Надо раздобыть денег на выпуск газеты. И денег Владимир Ильич раздобыл.

На первое время деньги для „Искры" дала учительница вечерней рабочей школы Александра Михайловна Калмыкова. Она хоть и была владелицей петербургского книжного склада, а дружила с марксистами, особенно с Владимиром Ильичем.

Все подготовлено. За четыре месяца Владимир Ильич, как говорится, гору своротил.

Но где же выпускать „Искру"? Разве можно было в России печатать такую газету? Против царя. Против помещиков и фабрикантов. Против полицейских чиновников. Конечно, нельзя выпускать в России такую газету! Где же?

Владимир Ильич посоветовался с товарищами. Обсудили со всех сторон и решили выпускать газету за границей. Конечно, и там выпускать такую газету можно было только в глубокой тайне. Но там все же не так много было русских полицейских ищеек, не сразу угодишь за решетку.

Решено. Владимир Ильич съездил попрощаться с Надеждой Константиновной — у нее только через девять месяцев кончится ссылка, — и поезд помчал его в далекие чужие края. Надолго ли? Оказалось, надолго.

В немецком городе Лейпциге, с узкими улицами, островерхими домами и кирками, было много фабрик и еще больше типографий и всевозможных книжных лавочек. Жил в Лейпциге один немец, лет тридцати пяти, по имени Герман Рау, веселый, усатый, подстриженный бобриком. Он был хозяином маленькой типографии в деревушке Пробстхейд, неподалеку от Лейпцига. В типографии Германа Рау всего-то и стоял один-единственный станок. Правда, большущий. На этом большущем допотопном станке печаталась спортивная рабочая газета, разные объявления и брошюрки.

Герман Рау был социал-демократом и состоял членом немецкой социал-демократической партии. Однажды лейпцигские социал-демократы сказали Герману Рау, что приехал из России марксист. Приехал в Женеву. Затем поселился в Мюнхене. Задача у русских марксистов: выпускать революционную газету. С этим делом обратился приезжий к русским эмигрантам и немецким социал-демократам. Решили: первый номер „Искры" выпустить в немецком городе Лейпциге.

— Надо помочь русским товарищам, — сказали Герману Рау лейпцигские социал-демократы, когда получили из Мюнхена весть о приезжем.

Герман Рау рад помочь, да вот беда: в типографии и в помине не было русского шрифта. Был немецкий шрифт, а русского не было.

Думали день, думали два, на третий надумали, вернее, договорились с надежным товарищем. В одной лейпцигской типографии печатались для России на русском языке церковные книги. К этой-то типографии и подкатил однажды наборщик, помощник Германа Рау, ручную тележку. Подкатил, стал в сторонке, закурил сигарету. Стоит. Люди мимо идут, ничего не видят особенного. Через некоторое время кто-то махнул рукой из окна. А еще погодя вышел товарищ, рабочий с подвязанным фартуком. Видно, в фартуке тяжесть. Да, там был русский шрифт, свинцовые русские буковки. Товарищ ссыпал шрифт в тележку. Наборщик прикрыл старой курткой и повез. Теперь скоро будет печататься „Искра"!

Приехал Владимир Ильич. Привез статьи для газеты, свои и товарищей. Владимир Ильич снял комнатенку на окраине Лейпцига. Каждое утро вставал до рассвета. И нынче рано проснулся. За окном темнота. Тихо. Даже фабричных гудков еще не слыхать. В комнате зябко. На улице стоял сырой холодный декабрь.

Владимир Ильич вскипятил на спиртовке чай. Выпил, обжигаясь, из жестяной кружки и, как обычно, вышел из дома. Идти далеко — до деревни Пробстхейд, до типографии Германа Рау. Наверное, километров пять-шесть надо идти. Конки туда не было, шагай на своих на двоих. Навстречу шли пешие или ехали на велосипедах рабочие. Тарахтели повозки: крестьяне везли продукты на рынок. Вот город кончился. Началось снежное поле. Вдалеке чернел лес. Засветились огоньки окрестных селений. И в типографии Германа Рау, в деревне Пробстхейд, светились окошки. Горела керосиновая лампа.

Вся типография состояла всего из одной большой комнаты. Половину комнаты занимал громоздкий старый станок. Были еще две наборные кассы. В чугунной печке жарко трещали дрова, качалось пламя, качались тени на стенах. В типографии был хозяин Герман Рау, да наборщик, да один ученик. И никого больше.

— Сегодня важный день, — сказал Владимиру Ильичу по-немецки Герман Рау.

Владимир Ильич кивнул. Да, сегодня был

важный день. Владимир Ильич волновался. До сих пор все велась подготовка, а сегодня...

Наборщик тяжело поднял раму с набором. Перенес к станку. Герман Рау встал за станок. Взялся за ручку. Станок зашумел. Валик завертелся. И газетный лист сполз с машины, еще влажный лист! Первый номер „Искры" был напечатан.

Владимир Ильич взял газету. Как долго и страстно мечтал он об этой минуте!

„У нас есть газета, наша, рабочая, революционная газета! Лети же наша газета на родину. Буди мысли и сердца, зови к революции".

Владимир Ильич вслух прочитал заголовок:

— „Искра".

В правом верхнем углу было напечатано крупно:

„Из искры возгорится пламя!"

ЛЕНИН

Пассажирский поезд шел по Германии к Кенигсбергу.

В вагоне третьего класса в уголке у окна сидел молодой человек. Он ехал из Мюнхена и всю дорогу дремал. Во всяком случае, ни с кем не промолвил ни слова. Довольно большой чемодан стоял у его ног.

Приехали в Кенигсберг, старинный город, с каменной крепостью, кирками, красными черепичными крышами. Там шумливое Балтийское море и порт. В порту стояли пароходы. Среди них один под названием „Святая Маргарита". Немец из Мюнхена довольно свистнул и не стал толкаться в порту, а отправился в ближний пивной погребок. В погребке было людно, воздух был сизый и горький от табачного дыма. Немец из Мюнхена занял свободное место, а чемодан запихнул под столик. Спросил сосисок с капустой и стал медленно есть, запивая пивком. Очень медленно. Можно подумать, времени свободного у него было пропасть. А может быть, он кого-нибудь ждал? Да, именно так. Он ждал матроса с парохода „Святая Маргарита". Для встречи с ним немец приехал из Мюнхена, хотя ни разу до сих пор его не видал. Когда новый посетитель входил в погребок, мюнхенец в упор глядел на него, энергично приглаживая волосы к правому уху правой рукой. Конечно, никто не обращал на это внимания. В самом деле, что такого особенного, что человек приглаживает волосы? Между тем это был условный знак.

Вот вошел матрос, крепкий, невысокий, коричневый от морского загара. С порога оглядел людей, заметил человека, приглаживающего волосы, направился прямо к нему. Сел за столик, нащупал ногой чемодан:

— Дьявольский ветер.

— Не беда, если попутный, — ответил немец из Мюнхена.

— Угадал, братишка, попутный.

Это был пароль. После пароля они сразу почувствовали друг друга товарищами. У них было общее опасное дело, для которого они сошлись в пивном погребке.

Скоро они кончили разговор, поднялись и вышли из пивной. Теперь не приезжий нес чемодан, а матрос. Никто не заметил перемены. Кому какое дело? Идут два приятеля, о чем-то толкуют. На перекрестке попрощались. И немец из Мюнхена, засунув руки в карманы, довольный, что сделано дело, посвистывая, направился к поезду, обратно домой. А чемодан поехал через Балтийское море на пароходе „Святая Маргарита" в шведскую столицу Стокгольм.

К ночи разревелся ветер, забушевали волны, налетел страшный шторм. Буря трепала „Святую Маргариту", обшивка бортов трещала, гнулась мачта, волны окатывали палубу, темь была на море, хоть выколи глаз.

В Стокгольм опоздали на шесть часов. Наверное, финское судно „Суоми" давно на пути в Гельсингфорс. По расписанию часа уже четыре в пути. А матросу как раз „Суоми" и надо.

— Не поспел! — с досадой думал матрос. — Как теперь быть? Подвел шторм проклятый!

Вдруг он увидел „Суоми". Финское судно стояло в стокгольмском порту и разводило пары. Должно быть, шторм его задержал, и только теперь оно собиралось отчаливать. А „Святая Маргарита" почти рядом причаливала. К счастью, наш матрос сменился с вахты. Тут же схватил чемодан — и опрометью на берег. „Суоми" близко, но „Суоми" отходит.

— Тихий вперед! — скомандовал капитан.

Закипела вода под винтом. Тронулся пароход. Поздно.

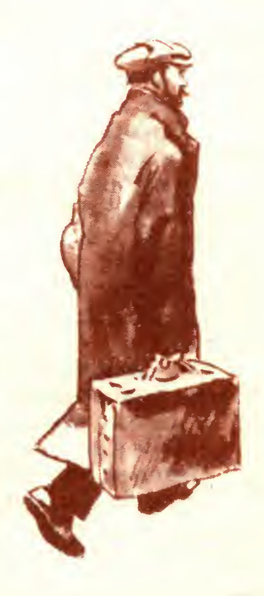
— Господин помощник капитана! — кричал матрос, таща чемодан. — Вам посылка из Кенигсберга от тетушки.

Матрос запыхался от бега. Чемодан был тяжелый. А „Суоми" уходит. Напрасны усилия.

Но нет, не напрасны. Случилось чудо. Капитан услыхал и...

— Тихий задний, — раздалась на „Суоми" команда. — Стоп. Спускай трап.

— Господин помощник капитана! — во все горло кричал матрос. — Вам теплые фуфайки тетушка посылает. Да новый костюм.

В кучке людей, стоявших у причала, послышался смех. Все почему-то были довольны, что „Суоми" вернулась за посылкой для помощника капитана. А он, молодой, с розовыми щеками, подхватил чемодан, благодарно махнул матросу и потащил посылку в каюту. Запер каюту на ключ. Ключ спрятал в карман.

— Показывайте подарки, тетушкин баловень, — пошутил капитан, когда вышли в море. — Поглядим, какие ему наряды прислали.

— Боюсь, они старомодны, как сама моя тетушка, — отшутился помощник.

И чемодан продолжал долгий путь.

В финском городе Гельсингфорсе шел дождь. Проливной. Из водосточных труб, с крыш, хлестала вода. Бурные потоки неслись вдоль тротуаров. Крупными пузырями надувались лужи, предвещая ненастье. Люди попрятались по домам. Улицы были пустынны.

Помощник капитана с парохода „Суоми", в черном плаще, торопливо шагал по направлению к конке. Он был озабочен. Что за ливень! Не промок бы чемодан под таким ливнем. Настоящий потоп. Даже для дождливой Финляндии слишком. Помощник капитана поглядывал по сторонам, ища того рабочего, который должен был встречать его у остановки. Но „Суоми" опоздала на несколько часов. И этот потоп! Улицы пусты. Неужели рабочий из Питера не дождался? Ах какая досада! Вон и конка... А питерца нет. Но в эту минуту из-под арки дома напротив вынырнул человек лет сорока, ничем не приметный. Огляделся, подошел. Это был петербуржец.

— Чертовски не повезло, — проворчал он. — Пять часов болтаюсь здесь под дождем. Весь иззяб...

— Шторм задержал. Когда едете? — спросил помощник капитана.

— Сегодня.

— Зер гут, немедля извещу телеграммой.

Рабочий кивнул, взял чемодан и взобрался на подошедшую конку.

Через несколько часов чемодан ехал поездом по Финляндской железной дороге в Петербург.

Поезд шел мимо голых весенних полей. Мимо мокрых деревенек и нарядных, но еще необжитых, заколоченных дач. Питерец хорошо знал эти места и в окно не глядел. Читал газету, ждал Белоостров.

От станции Белоостров начиналась Россия. Там всегда бывал таможенный осмотр.

В вагоне появился чиновник:

— Пра-ашу открыть чемоданы.

Питерец не спеша открыл.

Пара белья, старенький клетчатый плед, коробка дешевых конфет. А фуфайки, о которых кричал кенигсбергский матрос? Фуфаек не было. Впрочем, чи-

новник о фуфайках не слышал. Постукал по стенкам чемодана, ничего не нашел подозрительного.

В тот же день рабочий был в Петербурге и поднимался по лестнице на второй этаж каменного, украшенного скульптурами дома на Васильевском острове. Над дверью медная дощечка: „Зубной врач".

Приезжий позвонил: два долгих звонка, третий короткий. Это значило: пришел свой человек.

Зубной врач открыл:

— Проходите, вас ждут.

Дело в том, что тут была явка. Так называлась квартира для тайных встреч революционеров.

В зубном кабинете рабочего дожидалась девушка.

— Давайте, — сказала она.

И взялась за чемодан. Чего только он, бедняга, не натерпелся в дороге! Были и шторм, и ливень, и обыск.

Девушка живо выкинула из чемодана клетчатый плед и другие вещички. И что это? Приезжий хитрым движением нажал на дно. Дно открылось, как крышка. Чемодан был с двойным дном. Плотно-плотно там были набиты газеты. Девушка взяла одну. „Искра"!

Так вот что с таким трудом, в такой тайне везли из Мюнхена разные люди! Через Кенигсберг, Стокгольм, Гельсингфорс в Петербург...

Девушка принялась перекладывать газеты „Искра" из чемодана в деревянную коробку для шляп — тогда дамы носили большие широченные шляпы. И коробка для шляп была пребольшущей! Девушка полным-полно напихала в нее газет, перевязала ремнями. Подняла — тяжело:

— Ничего, донесу.

И понесла рабочим, в рабочие кружки, на окраины Питера. Она была агентом „Искры". Во всех больших городах России тайно работали агенты „Искры".

„Искру" везли по морям. Везли на поездах. Тайно переправляли в разных местах через границу.

„Искра" раскрывала рабочим и крестьянам глаза на их жизнь.

„Искра" учила: „Боритесь с царизмом! Боритесь с хозяевами!"

„Искра" звала к созданию партии. Звала к революции. К борьбе против царя.

Поднималось в России могучее рабочее движение, разбуженное „Искрой".

Во главе всего этого большого движения, руководителем его и основным редактором „Искры" был Владимир Ильич.

Много писем получал Владимир Ильич из России от рабочих и агентов „Искры". Сотни шифрованных писем шли из России. Шли из России с заводов и фабрик статьи и заметки. Владимир Ильич печатал их в „Искре". Писал рабочим в Россию ответы. Писал статьи для „Искры". Писал книги о политике и революционной борьбе.

Свои статьи и книги с декабря 1901 года Владимир Ильич стал подписывать: Ленин. Почему Владимир Ильич взял такую фамилию? Может быть, назвался именем суровой и мощной сибирской реки? Может быть.

Появилось новое имя: Ленин. О нем узнает весь мир.

БОЛЬШЕВИКИ

В горной Швейцарии, у берегов синего-синего Женевского озера, раскинулся красивый город Женева. В предместье Женевы, неподалеку от озера, в рабочем поселке Сешерон был один дом. Двухэтажный, но совсем небольшой. Как у всех домов, черепичная крыша. На окнах голубые ставни. Под окнами садик, крошечный, а все-таки зелень.

В домике жили „Ильичи". Так ласково называли товарищи Владимира Ильича с Надеждой Константиновной.

Сначала Ильичи жили в Мюнхене. Мюнхенская полиция пронюхала про „Искру", пришлось уезжать. Перебрались в столицу Англии — Лондон, на много верст протянувшийся город, дождливый, туманный. Целый год выпускали в Лондоне „Искру". И там стало опасно. Надо новое пристанище искать для „Искры". Так Ильичи очутились в Женеве, в рабочем поселке Сешерон.

— Отлично! — сказал Владимир Ильич, в минуту обежав двухэтажный домик: внизу довольно просторная кухня, наверху небольшие светлые комнатки. — Отлично. Тихо. Спокойно будет работать.

Работы у Владимира Ильича уйма, но тишина скоро кончилась. Жители поселка заметили: к русским и вообще-то приходило много людей, а в июле 1903 года посетителям вовсе не стало счета. Приезжали по одному, по двое, по трое. Нездешние люди — это не трудно было понять: от местных отличались и одеждой и речью. Речь была русская. Приезжали русские люди. Видно, в Женеву они попадали впервые, все было им внове. Солнечное небо им нравилось, и веселенькие ставни у окон, и цветы в палисадниках.

Может быть, жители поселка Сешерон удивлялись, что летом 1903 года так много понаехало русских в Женеву. Никто, конечно, не знал, что это из разных местностей России съезжались делегаты на II съезд партии. Все непременно заходили к Ильичам,

а некоторые так прямо с поезда к ним, в Сешерон. На кухне с утра до ночи кипел и фырчал эмалированный чайник. Со стола не убиралась посуда. Каждого встречали приветом и горячим чаем с мягкой булкой. Ведь были некоторые делегаты, что в России жили в ссылке. Смельчаки! Выбрали делегатами, так они из ссылки бежали на съезд. У иных на еду даже не было денег. Но все полны были жизни и веры. Все были веселы.

Иногда вечерами соседи Ильичей примолкали, слушая пение из домика русских, где в эти дни так много толпилось приезжих. Удивительное пение, такого еще не слыхивали в рабочем поселке Сешерон. Широкое, вольное, то заунывное, трогающее душу печалью, то залихватские и удалые мотивы лились из окон.

— Видно, хорошие люди эти русские. Только хорошие люди могут петь так задушевно! — говорили соседи.

Делегаты приезжали к Ленину поговорить о вопросах съезда, поделиться мыслями. Делегаты знали, он больше всех подготавливал съезд. Владимира Ильича очень ценили и уважали все делегаты. Ведь это он писал в „Искру" так много статей. Это он написал замечательную книгу „Что делать?" о том, как строить партию. Подготавливал для партии Устав и боевую Программу.

„Мы хотим добиться нового, лучшего устройства общества: в этом новом, лучшем обществе все должны принимать участие в работе".

Владимир Ильич еще в ссылке обдумывал Программу, не оставлял о ней мыслей до самого съезда.

И хотел договориться на съезде, как правильнее бороться за новое общество. Как к нему скорее прийти.

Из Женевы делегаты поехали в столицу Бельгии — Брюссель. В Брюсселе открылся II съезд. Не в просторном, светлом зале проходил съезд, как теперь бывает у нас. Нет, никакого не было зала, а был огромный мучной склад, неуютный и темный. Пахло сыростью. Ночью, наверное, в темноте бегали крысы.

Склад проветрили, подмели. Сколотили деревянную трибуну. Большое окно завесили красной материей. Поставили лавки. И делегаты заняли места. На трибуну поднялся Плеханов. Плеханов был первым русским марксистом. Он был ученым. Еще до Ленина написал много книг, объясняющих революционное учение Маркса. Плеханов торжественно открыл II съезд партии, сказал хорошую речь.

Все слушали с замиранием сердца. Как волновался Владимир Ильич! Даже побледнел. Только ярко горели глаза. Давно мечтал он о партийном съезде, о восстановлении партии. Наконец-то сбылось!

Началась работа съезда. И почти с первых же дней началась на съезде борьба.

Что же это была за борьба? Кто против кого боролся?

Дело в том, что нашлись делегаты, которые не соглашались с боевой Программой Ленина.

Слишком она казалась им новой и смелой. Новизна их пугала. И эти делегаты стали спорить с Лениным. Но Ленин был прав и так страстно и горячо защищал свою правоту, что большинство делегатов стало на его сторону. На съезде обсуждали Программу и Устав партии. Были выборы в Центральный Комитет и редакцию газеты „Искра". И по всем вопросам разгоралась борьба. Ленин сделал на съезде доклад, очень ясный и убедительный, все слушали с необыкновенным вниманием. На съезде было тридцать семь заседаний. Ленин выступил сто двадцать раз с речами и репликами. Захватывающе он говорил. Большинство делегатов было за Ленина. Их стали называть большевиками. Кто за рабочую революцию, за счастье народа, за ленинскую Программу, за Ленина — тот большевик. А тех, кто на II съезде откололся от Ленина, назвали меньшевиками, их было меньше. Меньшевики отошли от революционной борьбы. Большевики, напротив, теснее собрались вокруг Ленина.

Съезд работал, заседания шли одно за другим, а возле мучного склада стали появляться подозрительные личности. Шныряли, подсматривали. Оказывается, бельгийская полиция распознала, что съехались русские революционеры, целую толпу шпиков подослала следить. Надвигалась опасность. Пришлось всему съезду перекочевать в новое место. Переехали в Лондон. Там продолжалась работа. Тоже тайно. Каждый день приходилось менять адрес, искать для заседаний пристанище. Вот в каких трудных и опасных условиях шел второй съезд.

Ленин победил. Большевики были с ним, неустрашимые и пламенные соратники Ленина!

...В Лондоне часты дожди. И тут долго сеял меленький дождичек, лондонцы ходили под большими зонтами. Прямо-таки запружены были улицы зонти-

ками. На час прилетит ветер с Ла-Манша, разметет в небе плотные тучи, блеснет голубизна, засветит солнце. И снова дождь.

В один такой сырой день после съезда, когда сверкнул ненадолго луч солнца и скрылся за тучами, Ленин сказал:

— Товарищи! Двадцать лет назад здесь, в Лондоне, умер Карл Маркс. Поедем поклониться могиле великого Маркса.

— Поедем, — согласились большевики.

И они отправились все вместе на кладбище. Кладбище было в парке, расположенном в северной части Лондона на высоком холме. С холма далеко виден Лондон. Темные от копоти здания, темные крыши, дымные трубы заводов.

На могиле Маркса лежала плита из белого мрамора, словно в раме из ярко-зеленой травы.

Куст роз в изголовье. Лепестки печально поникли. Сеял дождь. Черные зонтики медленно двигались улицами.

— Товарищи, — негромко сказал Ленин, сняв шляпу. — Великий Маркс — наш учитель. Поклянемся над могилой Маркса, что будем верны его учению. — И добавил: — Никогда не оставим борьбы. Вперед, товарищи. Только вперед.

ЗЛОДЕЙСТВО

В Петербурге на Путиловском заводе уволили троих рабочих. Ни за что. Не понравились мастеру — и все тут, уволены. Буря поднялась на заводе.

— Нет у нас прав. Давайте нам права. Долой мастеров-живодеров! — требовали путиловцы.

Вспыхнула стачка. Все путиловцы, все до единого, отказались работать. Завод стал. В тот же день остановились еще два завода. А через день бастовало уже 360 заводов и фабрик. Затихли станки. Петербург оцепенел, притаился. Все ждали, что будет.

В воскресенье 9 января 1905 года тысячи рабочих вышли на улицы.

— Идем к царю милости просить, — говорили рабочие. — Царь-батюшка, заступись за правду, не дай пропасть с голоду.

Большевики отговаривали: не ходите, не послушает вас царь.

Рабочие шли: царь не знает, как бедует народ. Узнает, так вступится. Припугнет лихих мастеров и хозяев. А то уж совсем житья не стало рабочим.

Рабочие несли царю петицию со своими просьбами. Утром в воскресенье со всех концов Петербурга двигались, двигались к Зимнему дворцу рабочие шествия. Текли вдоль улиц, выливались на площади. Качались над головами церковные хоругви, поблескивая золоченым шитьем. Плыли на вышитых полотенцах иконы. Шли и дети и женщины. С верой, мольбой.

Но что это? На перекрестках построены отряды солдат. Ружья у ноги. Офицеры перед строем в белых перчатках.

В это время на Дальнем Востоке шла война. На суше и на море были жестокие бои. Почти год назад напали на Россию японцы. Русские генералы оказались совсем не готовы. Русские войска терпели изо дня в день поражения. Тысячи солдат погибали где-то далеко...

А здесь, в Питере, царские офицеры вывели солдат против своих безоружных рабочих. Расставили по всей столице. Зачем?

— Для порядку, — объяснял один рабочий, держа у груди икону пресвятой божьей матери. — Толчеи, стало быть, опасаются.

Рабочий этот вышел на улицы вместе с женой. Огромные, как черные ямы, глаза мрачно блестели на ее истомленном лице.

— Воротилась бы домой, — поглядев на жену, сказал рабочий. — Лица нет на тебе. Ребятишки одни в каморе заперты. Не сотворили бы чего... Вернись, Татьяна, домой.

— Нет, нет! — исступленно заговорила она. — Выйдет к народу царь, кинусь в ноги. Царь-батюшка, пожалей ребятишек! Сердце-то царское и помягчеет. У самого, чай, дети.

Каменная громада Зимнего дворца неприступно высилась в глубине площади. Сотни окон немо глядели. Снег перед дворцом был нетоптаный, белый. Плотная цепь солдат с угрюмыми лицами охраняла дворец. При виде толпы офицер поднял руку в перчатке. Ружья вскинулись к плечу.

— Братцы, не стращайте, солдатики! — закричали рабочие. — Свои ведь идем. С добрым словом к царю.

— Неужто он один в таком дворце громадном живет? — изумлялась Татьяна, дивясь величественному, как крепость, дворцу.

— Стой! Не ходи дальше! — прокричал офицер. — Нельзя. Не сметь дальше!

Рабочие смешались. На минуту произошла заминка. Но задние, не видя солдат, напирали.

— Боже, царя храни! — разносилось по площади.

Рабочие в передних рядах подняли белые платки и махали ими.

— Мы — мирные! Царю просьбу несем! — кричали рабочие и шли с хоругвями, иконами, белыми платками.

— Пли! — приказал офицер.

Раздался треск. Непонятный, негромкий. Вспышка. Человек двадцать из толпы рабочих рухнули наземь.

Татьяна охнула, схватилась за мужа и медленно сползла к его ногам.

— Татьяна!.. — не веря, крикнул он.

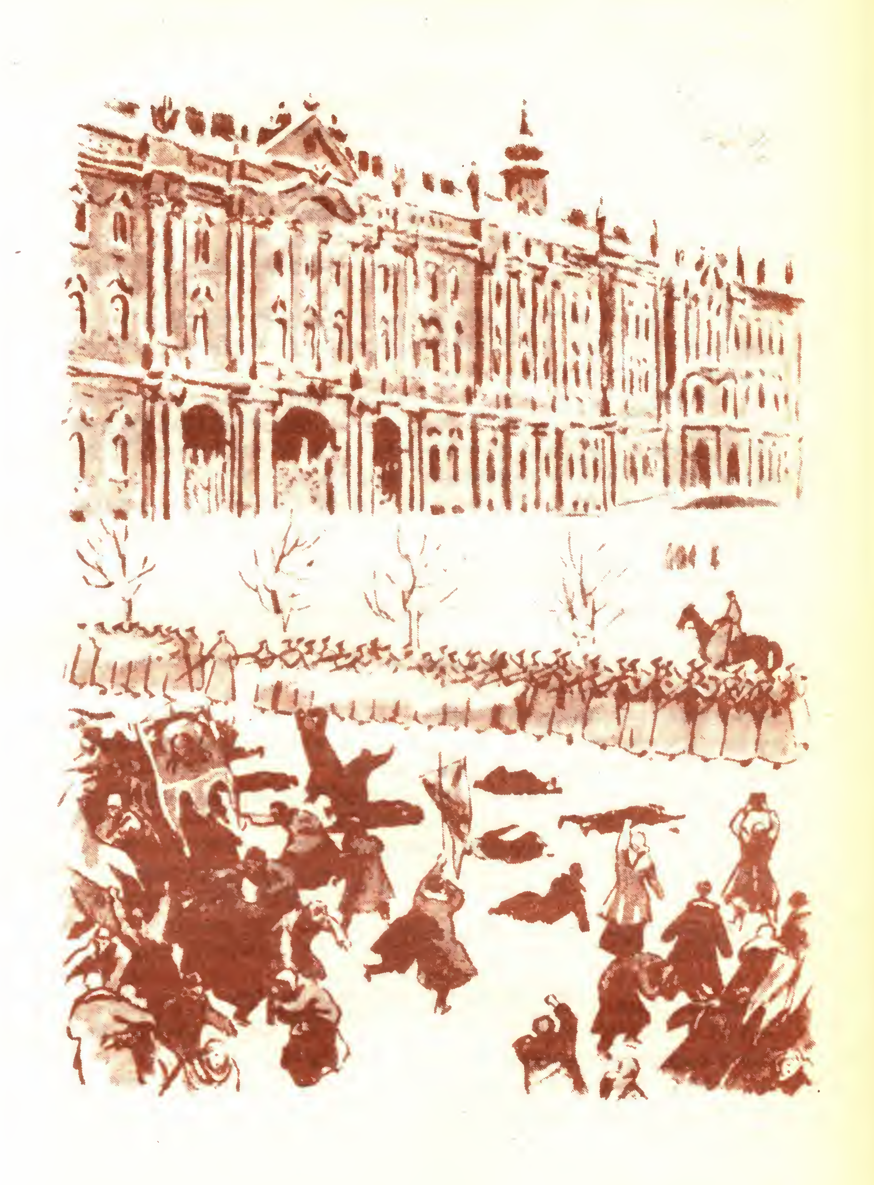
Она лежала на боку, уткнувшись в снег мертвым лицом.

— Пли! — повторилась команда.

— Пли! Пли! Пли!

— Убили нас! — страшно охнул рабочий. Дикими глазами он глядел на жену. Обезумел. Замахнулся иконой, швырнул в солдата, кинулся пулям навстречу: — Злодеи! Проклятые... Ребятишки-то. Трое. В каморе запертые...

Люди бежали с площади. Прятались в подъездах домов. Падали замертво. Снежная площадь перед

Зимним дворцом почернела от тел убитых. Выскакал конный отряд, с шашками наголо.

— Бра-атцы! Пропали! — поднялся над толпой страшный вопль.

— Проклятые, проклятые!

— Вот он, ваш царь! — яростно агитировал молодой большевик. — Вот в кого вы верили. В зверя жестокого верили!

Рабочие поняли. Царь их расстрелял. Навсегда была расстреляна народная вера в царя.

В это Кровавое воскресенье 9 января 1905 года в Петербурге было убито больше тысячи рабочих. Пять тысяч ранено.

К вечеру на петербургских улицах валились фонарные столбы, строились баррикады. Рабочие поднимались против царской власти.

На окраине Женевы, вблизи реки Арвы, была улица Каруж. Русские эмигранты называли ее Каружкой. На Каружке преимущественно они и селились. Здесь была столовая товарищей Владимира Ильича по сибирской ссылке. Столовую знали все русские эмигранты. Просторная комната на первом этаже, две витрины вместо окон. Длинные дощатые столы, очень чистые. И пианино. Это была не только столовая, а вроде бы клуб большевиков. Здесь читали лекции, играли в шахматы, обсуждали политику...

Когда телеграф принес в Женеву весть о Кровавом воскресенье, все эмигранты без зова собрались в столовой. Говорили мало. Было тихо. Лица были серьезны и строги. Большевики понимали: в России начиналось большое, небывалое.

„Домой, домой, на родину!" — думал Владимир Ильич.

Чей-то голос скорбно запел:

Вы жертвою пали в борьбе роковой...

Все поднялись и подхватили:

Любви беззаветной к народу.
Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу!

У многих на глазах были слезы.

— В России революция, — сказал Владимир Ильич.

Горячо прозвучало это великое слово. В тот же вечер Ленин написал призывную статью для газеты „Вперед". Это была новая газета большевиков. „Искру" захватили меньшевики. А большевики теперь выпускали газету „Вперед".

Ленин писал: „Начинается восстание. Сила против силы. Кипит уличный бой, воздвигаются баррикады, трещат залпы, и грохочут пушки. Льются ручьи крови, разгорается гражданская война за свободу...

Да здравствует революция!

Да здравствует восставший пролетариат!”

КРАСНЫЙ ФЛАГ В МОРЕ

Однажды в конце лета у двери женевской квартиры Ульяновых зазвенел колокольчик.

— Володя, к тебе, — сказала Надежда Константиновна, впуская в дом незнакомого молодого человека.

У него было круглое, открытое мальчишечье лицо. Ясные, светлые глаза любопытно и чуть удивленно глядели из-под черных бровей.

— Проходите, очень рады вам, — сказала Надежда Константиновна. „Экий славный паренек. Так на лице и написано, что прямой да хороший. Должно быть, приезжий”.

В России шли непрерывные забастовки и стачки, к Владимиру Ильичу часто приезжали с родины большевики за советом.

Молодой человек вошел вслед за Надеждой Константиновной к Ленину. Вытянулся у порога, слегка выкатив грудь, — чувствовалась военная выправка.

— Откуда вы? — улыбнулся Владимир Ильич.

— Матрос Афанасий Матюшенко с броненосца „Потемкин”, — отрапортовал незнакомец. И стоял как на службе — руки по швам.

Владимир Ильич стремительно к нему шагнул. Схватил руку. Пожал.

— Руководитель команды революционного броненосца „Потемкин”! Надюша, взгляни, совсем молодой...

Через полчаса кипел на спиртовке эмалированный чайник. На столе высилась горка ломтей пышного хлеба. Аппетитно желтело свежее масло в масленке.

— Ну, рассказывайте, милый Матюшенко, пожалуйста! — нетерпеливо сказал Владимир Ильич, когда тот умял несколько ломтей хлеба с чаем.

И матрос Афанасий Матюшенко рассказал историю эскадренного броненосца „Потемкин”.

Это был недавно отстроенный, самый мощный военный корабль. Он стоял в Севастополе. Какие огромные орудия были на нем! Семьсот сорок матросов составляли команду.

В России бушевали восстания. В деревне крестьяне бунтовали против помещиков. Не утихала русско-японская война. Японцы побеждали, страшные потери несли русские войска. Погибла целая наша эскадра в Цусимском проливе. Все было гнило и плохо у царских правителей. Народ презирал и ненавидел царя Николая II.

Командир броненосца, лютый и безжалостный человек, боялся, как бы революционный дух не проник на броненосец „Потемкин", и увел броненосец из Севастополя на военные учения в море. Подальше от родных берегов, от рабочих забастовок и стачек.

Рано утром в открытом море матросы поднялись по сигналу. Назначены были наряды. Большой группе матросов велели мыть палубу.

Ветер доносил какой-то противный запах с верхней палубы. Матросы-мойщики поднялись наверх. И что же? Там на крюках было подвешено мясо. Жирные белые черви ползали в нем, червей было так много, что казалось, мясо шевелится. Мерзко стало матросам от этого зрелища.

— Вот чем запасли нас кормить!

— Не будем есть червей, пусть офицеры сами лопают!

— Так офицеры и станут. У них свой харч, офицерский. Им что до нас.

Подошло время обеда. Дали сигнал. Матросы спустились в камбуз. Кок собрался раздавать борщ, а в нем черви.

— Не будем есть, — отказались матросы.

Настала тишина. Что-то страшное наступало. Кок испугался. Позвал офицера. Офицер прибежал, набросился на команду с бранью и... осекся. Увидел бледные, суровые лица. Офицер пошел к командиру с докладом. Скоро послышалась барабанная дробь — барабанщик играл сбор. Матросы сбежались на палубу, выстроились по бортам броненосца, застыли. Синее море было вокруг, лучезарное небо. Невысокие волны ходили по морю. Стая дельфинов резвилась в волнах.

— Бунтовщики! — топая сапогами, орал командир. — Черви им привиделись! Бунтовать вздумали? Я вам покажу, как на военном корабле бунтовать! Говори, кто зачинщики?

Матросы молчали. Стояли как вкопанные. Офицеры вывели на палубу караул с винтовками. Выстроили против матросов.

— Кто зачинщики?

Матросы молчали.

— Принести брезент! — отдал приказание командир.

Что это значило? Это значило, командир выбрал жертвы на казнь. Ткнет пальцем: вы зачинщики. И конец.

Брезент принесли, раскатали на палубе. Сейчас им накроют матросов. Кого накроют — под расстрел без суда.

Все замерли. Сейчас, сейчас смерть... Спасения нет. А вокруг синее море, небо, полное горячего света, веет вольный ветер.

Вдруг один круглолицый, ясноглазый матрос выскочил из строя.

— Братцы! Доколе будем терпеть? Издеваются над нами. К оружию, братцы!

И кинулся за ружьем в батареи. Это был Афанасий Матюшенко. Неугомонной душой называли его товарищи.

— Долой командира-дракона! — призывал Матюшенко. — Долой царя! Да здравствует свобода, товарищи!

Строй сломался, тишина сломалась. Матросы расхватали винтовки.

Старший офицер отступил за башню, в упор прицелился, спустил курок револьвера. Насмерть раненный, рухнул матрос, вожак команды, стойкий, смелый большевик, товарищ Вакулинчук.

— Вот вы как? Получайте же! — бешено закричал Матюшенко и наповал убил офицера.

Ярость обуяла команду. Еще несколько, особенно ненавистных, офицеров застрелили и выкинули в море. Командир-дракон спрятался. Матросы нашли, выволокли из каюты — туда же, за борт.

И броненосец „Потемкин" свободен. Броненосец „Потемкин" во власти команды.

А дальше что? Кому управлять кораблем? Куда идти кораблю?

Выбрали судовую комиссию, главным Афанасия Матюшенко. Идти решили в Одессу. И на мачту, где до того дня висел царский флаг, подняли свой, революционный. Это было 14 июня 1905 года.

Броненосец „Потемкин" на всех парах шел под красным флагом в Одессу.

Флаг полоскался на ветру. Горел как огонь. Светил как маяк. Звал и вел матросов на борьбу за свободу.

Пришли к Одессе, стали на рейд. Спустилась ночь. Прожекторы броненосца щупали тьму. Слепящие пучки света обшаривали Черное море и затаившиеся ночные улицы города. Дула орудий нацелились на Одессу. А там полыхали рабочие стачки, там рабочие бастовали против хозяев. Что бы броненосцу „Потемкин" сразу, без промедлений, выступить на помощь рабочим! Открыть огонь, разбить дворцы вельмож и начальников. Но вожак команды, большевик, раненный офицером, скончался. А остальные были так молоды и неопытны!

Между тем царь слал из Петербурга в Севастополь приказы командиру Черноморского флота:

„Немедля подавить восстание!"

Всю севастопольскую эскадру двинули в Одессу против мятежного броненосца „Потемкин".

И вот на четвертый день утром часовые „Потемкина" увидали на горизонте мачты и трубы. Один корабль, второй, третий. А за ними еще корабли двигались на окружение броненосца „Потемкин". Тринадцать против одного.

На „Потемкине" сыграли боевую тревогу. Матросы заняли места на постах. Что будет?

Броненосец молча пошел навстречу эскадре. В

гробовой тишине, только медленно поворачивая башни, нацеливая дула орудий. Сигнальщик, по приказу Матюшенко, сигналил: „Команда „Потемкина” просит комендоров не стрелять”.

И вдруг тысячное „ура” разнеслось по морю со всех тринадцати кораблей, приведенных усмирять броненосец „Потемкин”. С одного корабля просигналили: „Присоединяемся к вам”.

И корабль понесся, как птица, на сближение с „Потемкиным”.

— Ура! — гремело над морем.

Начальник эскадры испугался: вдруг взбунтуются все? И отдал приказ:

— Эскадре уходить в Севастополь.

Теперь два мятежных корабля под красными флагами стояли у тревожных берегов Одессы. Стояли и... не брали Одессу. Ждали чего-то. Колебались. Не знали, как поступить.

А на „Потемкине” шло к концу топливо. Была на исходе пресная вода. Скоро без пресной воды станут машины. Матросы волновались. Надо действовать. Как?

Соседнему кораблю ненадолго хватило мужества. Скорбно пополз вниз по мачте красный флаг революции. Корабль сдался властям.

Потемкинцы снялись с якоря и ушли из Одессы в открытое море.

А в это время посланец Ленина спешил из Женевы на помощь восставшим потемкинцам. Ленин наказывал: „Убедите матросов действовать решительно и быстро. Добейтесь, чтоб немедленно был послан десант... Город надо захватить в наши руки..."

Посланец Ленина приехал в Одессу, а красного флага на рейде нет. Красный флаг далеко.

Совсем мало на броненосце оставалось пресной воды. Скорее, скорее надо найти выход. Пришли в Феодосию:

— Дайте воды.

Власти отказали:

— Не желаем снабжать бунтовщиков.

Снова красный флаг в море. Непобежденный и бесприютный. Неспокойно было на корабле, неуверенно. Дни и ночи Матюшенко не спал. Где выход?

На одиннадцатый день вечером броненосец стал на рейд в румынском порту. Чужие берега, чужие дома, чужие огни.

— Дайте воды.

Румынские власти не дали. Нет больше сил у броненосца „Потемкин". Нет воды, нет угля, нет хлеба.

Румынское правительство предложило:

— Сдавайте нам броненосец, а мы дадим вам приют. Не выдадим вас царю.

И наступила последняя ночь для матросов на броненосце „Потемкин". Свободный броненосец „Потемкин", прощай! Одиннадцать дней ты наводил трепет на генералов и офицеров, на царя и богачей. Ты верен был революционному знамени. Слава тебе!

ТАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ

С Николаевского вокзала из Москвы уходил в Петербург скорый поезд. До отправления оставалось четыре минуты. Пассажиры заняли места. Небольшие группки провожающих толпились у подножек вагонов. Возле последнего вагона стояли два шпика.

— Нет и нет... — со вздохом сказал один, у которого русые усики закручивались крутыми колечками.

— В последний момент, должно, прибежит, углядим, — ответил другой.

Они зорко глядели из-под низко нахлобученных шапок. На платформе появились еще пассажиры. Один, довольно коренастый, в круглых синих очках, с чемоданом и дорожной желтой коробкой — такие

коробки модны были в Финляндии. Второй — щеголь, в клетчатом пальто.

— Чудесно сегодня утром пробежались на лыжах! — проходя мимо шпиков, оживленно говорил щеголь в клетчатом пальто. — Весь день силушка по жилушкам так и играет, а день-то снежный, морозный!

Пассажир в синих очках что-то ответил. Шпики не расслышали. Шпики нервничали: тот, кого они ловили, не показывался. А этот, в синих очках, кто такой? Должно, не тот, кого они поджидали, а подозрительно... не упустить бы. Шпики кинулись вслед за пассажиром в синих очках.

Но поезд тронулся. Пассажир в синих очках, с чемоданом и желтой коробкой, вскочил на подножку. Щеголь остался. Оказалось, был провожающим.

— Так и нет, — огорченно сказал один шпик. — Начальству донесли, что нынче в Петербург собирался. Ан нет. Вот его карточка, вроде никого на вокзале похожего не было.

Он вынул из кармана фотографию. Лицо, чуть скуластое, с громадным лбом и резко сломанными бровями, насмешливо щурясь, глядело с фотографии.

— Ленин-Ульянов. Из Женевы в Россию на рабочие восстания прибыл. Главнейший у них. Непременно поймать его велено. Завтра опять придем сторожить, — сказал шпик, пряча карточку.

А скорый поезд мчался сквозь звездную ночь, раскидывая по макушкам деревьев хлопья едкого дыма. Лес, заваленный снегом, безмолвный и глухой, тянулся вдоль рельсов.

Поезд мчался. Горели глаза паровоза. Громыхали на стыках колеса...

Рано утром в Петербурге человек в синих очках взял извозчика и довольно скоро был дома — на углу Бассейной и Надеждинской улиц, почти в центре столицы. Был ли это его дом? Небольшая комнатенка. Необжито, пусто. Стол дощатый, без скатерти, да табурет, как на кухне.

Человек снял очки, сунул в чемодан. Вынул из желтой коробки бумагу, без промедления сел за стол и, не поднимая головы, стал писать.

Через час за дверью что-то тихо заскреблось. Повернулся снаружи в скважине ключ. Дверь отворилась. Вошла Надежда Константиновна, с муфтой, в шапочке, отороченной мехом.

Владимир Ильич вскочил:

— Надюша, родная!

— Охотились в Москве за тобой? — в тревоге спросила Надежда Константиновна.

— Еще как! — усмехнулся Владимир Ильич.

Пряча беспокойство, Надежда Константиновна стала разбирать чемодан. Синие очки! Зачем?

— Маскарад! — ответил Владимир Ильич. — При помощи этих синих очков оставили господ сыщиков с носом, Надюша!

Владимир Ильич и Надежда Константиновна нелегально вернулись из Женевы на родину. Жили в Петербурге врозь, по чужим паспортам. Виделись тайно. Свидания были кратки и спешны.

Сейчас Владимир Ильич торопился рассказать о московских небывалых событиях! Он ездил в Москву обсудить их с товарищами.

События начались в октябре. Забастовал Московский железнодорожный узел. Забастовали московские фабрики. Остановились трамваи и конки. Погасло электричество. Выключили водопровод. Вся рабочая Москва бастовала. Перекинулось на другие города. Охватило деревни. Вспыхнула Всероссийская всеобщая политическая стачка.

Чтобы притушить революцию, царь выпустил манифест. Обещал в манифесте рабочим свободу. Но это было обманом. Рабочие знали: нельзя верить царю. Рабочие помнили январский расстрел у Зимнего дворца в Петербурге.

И вот 7 декабря 1905 года днем, в 12 часов, вновь объявлена была в Москве забастовка. Правительство послало войска усмирять забастовщиков. И тогда вступили в действие рабочие боевые дружины. На улицах, площадях и бульварах, у заводов и фабрик поднялись баррикады.

Главные силы восставших рабочих обосновались на Пресне. Это рабочий район. Там много фабрик и заводов. Образовался Совет рабочих депутатов. Установилась рабочая власть.

А царское правительство спешно сгоняло к Москве пехотные, кавалерийские, артиллерийские полки и батареи, казацкие части. Царские пушки палили по Пресне. Как спичечные коробки, вспыхивали деревянные рабочие дома и бараки. Десять дней длились бои. Рабочие и большевики сражались геройски. Но царские пушки жестоко подавили восстание.

Нужно ли было рабочим браться за оружие?

— Нет! — говорили меньшевики.

— Не надо, — утверждал Плеханов.

Он был первым русским марксистом, а когда в России забушевали революционные битвы, Плеханов ушел от Ленина и все дальше уходил от большевиков.

— Нужно было восстание, — твердо заявил Ленин. — Надо было рабочим браться за оружие. Рабочий класс получил боевое крещение.

Сейчас, запершись в бедной, пустой комнатенке, Владимир Ильич шепотом рассказывал обо всем этом Надежде Константиновне. Ведь Надежда Константиновна была секретарем Центрального Комитета партии, ведала явками, партийными связями, большевистскими встречами, была самым близким помощником Ленина.

И вспомнился им, горько вспомнился дорогой их товарищ Николай Бауман. Вместе с Лениным Бауман подготавливал выпуск „Искры". Переправлял „Искру" из-за границы в Россию. Жандармы ловили его, сажали в тюрьму. Он бежал. И снова, и снова неустрашимо и вдохновенно работал для партии. И снова его сажали в тюрьму.

В октябре 1905 года Баумана выпустили из заключения. А через несколько дней, во время демонстрации, наемный убийца обломком чугунной трубы ударил Баумана. Насмерть.

Тысячи московских рабочих провожали гроб большевика. Мужественного, красивого...

— Такими людьми сильна наша партия, — сказал Владимир Ильич.

Встал, подошел к окну. Надежда Константиновна стала с ним рядом.

— Погляди, Володя.

Против окна, на той стороне улицы, виднелся человек в меховой шапке, в пестром кашне, приличный по внешности, но странно неподвижный. Другой частыми шажками ходил по тротуару. Некоторое время Владимир Ильич с Надеждой Константиновной наблюдали за ним.

— Придется менять адрес, — сказал Владимир Ильич.

Взял со стола только что написанную статью, отдал Надежде Константиновне. Она молча спрятала в сумочку. Владимир Ильич затолкнул желтую коробку под кровать.

— Унести бы ноги, — проговорила Надежда Константиновна.

Болела у нее душа за Владимира Ильича!

Каждый день, каждый час, каждую минуту подстерегала опасность. Схватят, запрут под тюремный замок. Сошлют на вечную каторгу.

Но она не сказала о своем беспокойстве ни слова, а сказала, что товарищи ждут Владимира Ильича в условленном месте. Что за этим она и пришла к нему на Бассейную. И что надо отсюда поскорей уезжать, а то вон каких молодчиков выставили...

Они вышли из дома под руку и пошли не налево, как было им нужно, а в обратную сторону. Владимир Ильич с любезным видом завел разговор о концерте. Хорошо бы сегодня послушать концерт. Надежда Константиновна кивала, соглашаясь. А сама косилась: что шпики? Один, в пестром кашне, как раньше, стоял неподвижно. Другой от нетерпеливости характера бегал.

— Извозчик! — подозвал Владимир Ильич.

Проезжавший мимо извозчик остановился. В нескольких шагах от шпиков Владимир Ильич подсадил в санки свою спутницу, сел сам.

— Садовая! — велел наобум. А Надежде Константиновне по-немецки вполголоса: — Желал бы я хорошего морозца этим олухам, да с вьюгой, пускай бы померзли.

Не доезжая Садовой, они отпустили извозчика, нырнули в проходной двор, знакомый Владимиру Ильичу по старым питерским годам.

И поехали на Васильевский остров. Если за ними следят, надо запутать следы, сбить с толку. Они ехали куда глаза глядят. Январский день, необычно для Петербурга, был ясный и солнечный. Все было бело. Искрился снег. Мороз щипал щеки.

— Соскучился я по этой снежной белизне! — с чувством вырвалось у Владимира Ильича.

— Зимушка наша. Зимушка русская! — отозвалась Надежда Константиновна.

Они были счастливы хоть нечаянно побыть немного вдвоем.

А под вечер в точно назначенный час, уверившись, что шпик за ним не крадется, Владимир Ильич шагал по указанному Надеждой Константиновной адресу. Собрались питерские большевики и передовые рабочие, дожидались выступления товарища Ленина.

СНОВА ЧУЖБИНА

Два года вспыхивали и горели по всей России костры рабочих и крестьянских восстаний. Два года царские правители душили революцию в России. И началась расправа. Аресты. Ссылки. Казни, казни...

Владимир Ильич жил недалеко от Петербурга, в Финляндии. Здесь редактировал и выпускал большевистскую нелегальную газету „Пролетарий". Отсюда держал постоянную связь с Петербургским большевистским центром. А Надежда Константиновна почти ежедневно ездила в Петербург с партийными поручениями Ленина.

Однажды вернулась из Петербурга сильно расстроенная. Уж очень злобствовали против Владимира Ильича царские власти! Одну книжку его запретили, постановили отдать Ленина за эту книжку под суд. Другую книжку конфисковали. Разослали по всем жандармским управлениям приказ:

„Разыскать большевистского вождя Ленина!"

— Доберутся они до тебя, вся полиция на ноги поставлена, — с грустью сказала Надежда Константиновна.

В те времена Финляндия была под властью русского царя, царские полицейские без препятствий шныряли по княжеству Финскому. Вот-вот выследят Ленина.

Большевистский центр постановил: Ленину надо эмигрировать за границу. Газету „Пролетарий" издавать за границей.

— До свидания, родной мой, — простилась Надежда Константиновна. — Встретимся в Швеции.

Надежда Константиновна в Стокгольм, столицу Швеции, приедет позднее. Сейчас Владимир Ильич поехал один.

Был декабрь 1907 года. Поезд шел из Гельсингфорса в портовый финляндский город Або. В купе ехали финны. Финны — народ молчаливый. Да Владимиру Ильичу и не хотелось разговаривать. Снова покидает он родину! Много пережито за два революционных года на родине. Революцию подавили. Но рабочий класс закалился, научился опыту революционной борьбы...

Занятый мыслями, Владимир Ильич не сразу заметил сквозь стеклянную дверь купе в коридорчике человека. А когда заметил, по виду и шныряющему взгляду моментально определил полицейского шпика. Владимир Ильич научился их узнавать. Шпик за ним наблюдал, и давно, — это ясно. Наверное, на вокзале в Або Владимира Ильича ожидают жандармы. Конечно, шпик известил телеграммой жандармов: мол, встречайте добычу.

Плохи дела. Последнюю остановку перед Або проехали. Больше остановок не будет. Сойти не удастся. Поезд вез Владимира Ильича прямо в лапы жандармов. Положение создавалось пренеприятное. Владимир Ильич взглянул на стеклянную дверь. Шпика не видно. Очевидно, уверен, что добыча надежно в руках. Ушел в свое купе отдохнуть. Скверны дела: через час Владимира Ильича посадят в тюрьму.

Он поднялся. Чемоданчик у него был небольшой. С чемоданчиком в руке Владимир Ильич не спеша направился в тамбур. Только бы не выскочил шпик. Упаси бог! Владимир Ильич отворил дверь из тамбура. Ледяной ветер хлестнул в лицо. Как быстро несется поезд! Вагон качает: не устоишь на ногах. Владимир Ильич несколько минут выжидал. Не решался. Слушал торопливый перестук колес. Может, ему показалось, а может, и верно поезд замедлил на повороте — все равно другого выхода не было. Владимир Ильич прыгнул. Дух захватило. Невольно он зажмурил глаза и провалился во что-то пушистое.

Он упал в глубокий сугроб, удивительно удачно упал! Снег насыпался за воротник и в ботинки, залепил лицо, но кости целы. Цел, жив! Поезд прогромыхал мимо сугроба. Помигал красный фонарь на площадке последнего вагона и исчез. Вдалеке замерли

звуки. Тишина. Ночь. Мохнатые звезды в холодном небе.

Владимир Ильич выбрался из сугроба. Отряхнулся от снега. И пешком зашагал вдоль рельсов по направлению к Або. Далеко ли идти? Двенадцать верст, по чужой дороге, в зимнюю ночь, — далеко! Зато спасся от жандармов. А шпик? Владимир Ильич представил, как ошарашенно мечется перепуганный шпик, разыскивая его по вагонам, и засмеялся: „Проворонил, голубчик, намылят тебе голову!"

Теперь оставалось дошагать по рельсам до Або, сесть на шведский пароход — и опасности позади.

Но на пароход Владимир Ильич опоздал. И опасности были не позади, а рядом. И слева, и справа, и всюду. Порт набит русскими жандармами и сыщиками, туда и носу нельзя показать. Так сказал один финский товарищ. Этому товарищу большевистский центр поручил устроить Владимиру Ильичу переезд из Або в Стокгольм. Что делать?

Уезжать из чужого города Або — вот что надо делать. И скорее, немедленно.

Финский товарищ переправил Владимира Ильича в рыбацкий поселок на скалистом берегу моря. Здесь были шхеры, то есть сотни островов, полуостровов, бухт и заливов. Острова, большие и маленькие, далеко уходили в глубь моря, и все это было покрыто снегом и льдом. Ведь стоял декабрь, стояла зима.

Двое рыбаков согласились проводить Владимира Ильича на один островок. Шведские пароходы приставали к этому острову в шхерах.

Как?! Разве пассажирские пароходы ходили по льду?

Да, ходили. Ледоколы разрезали льды, образуя фарватер. Мимо того острова, к которому рыбаки повели Владимира Ильича, как раз и был проложен фарватер.

Была темная, немного вьюжная ночь. Вышли ночью, чтобы не заметили люди. Всякому показалось бы странным, куда и зачем отправляются путники по такому ненадежному льду. Лед был ненадежен. Кое-где змеились по нему коварные трещины. Иногда поднималась поверху вода. Рыбаки знали, что русский, которого они согласились вести к пароходу по шхерам, борется против царя. Финны ненавидели царя. Если русский против царя, они сделают для него все, что надо.

Путники молча шли, нащупывая длинными шестами дорогу. Тихо шли. Шаг, еще шаг. Колючий снег

резал щеки. Ветер усилился. Вздымал тучами снег. С моря долетали гудки. Там пароходы пробивались сквозь снежную вьюгу и мглу.

„Спасибо рыбакам, в такую непогожую ночь взялись меня проводить, — думал Владимир Ильич. — Спасибо, товарищи".

Он не знал, как рискованно, почти невозможно было идти в эту непогожую ночь. Шагал, проверял на ощупь дорогу шестом, старался не упускать из виду рыбаков впереди. Вдруг... лед пошатнулся. Раздался треск, будто выстрел. Льдина накренилась и плавно стала уходить из-под ног. Из трещины хлынула вода. Шест Владимира Ильича шарил, дна не было. Конец. Все.

Он не помнил точно, как удалось ему выбраться. Кто-то протянул руку. Он схватился, прыгнул.

Проводники хлопали его по спине, говорили по-фински.

И по-немецки:

— Геноссе, геноссе... товарищ.

Они радовались. Как они радовались, что русский геноссе, товарищ, который борется против царя за народную долю, не утонул подо льдом!

Владимир Ильич добрался до острова. Шведский пароход его захватил и доставил в Стокгольм. Там Владимир Ильич дождался Надежду Константиновну.

И вот они снова в Женеве. Снова чужбина.

Неприглядна была Женева в тот декабрьский день, когда Владимир Ильич со своим верным другом, родной и любимой Надюшей, очутились там после революционной России.

Зима, а снега нет. Только ветер, резкий и жесткий, несет вдоль тротуаров холодную пыль.

Женевцы попрятались по домам. Не видно людей на улицах. Одиноко, неприютно в Женеве.

СВИДАНИЕ В СТОКГОЛЬМЕ

Владимир Ильич вышел из библиотеки. В каких только библиотеках не приходилось ему работать! В мюнхенской, женевской, цюрихской, и лондонской, и парижской, и копенгагенской! Теперь вот в этой, стокгольмской. Шел 1910 год, и опять Владимир Ильич в столице Швеции — Стокгольме. Он жил во Франции, а сюда приехал на время. По особому, совершенно особому поводу.

Быстрый и радостный, он шагал осенними стокгольмскими улицами.

Куда же он шел? Предстояло выступить с докладом в шведском Народном доме. Он шел на доклад. Десятки раз приходилось Владимиру Ильичу делать доклады в самых различных городах перед рабочими и членами партии. Отчего он сегодня так весел? Он кидал вокруг дружелюбные взгляды, всматриваясь на ходу в чужую, шведскую жизнь. Негромкий, чистый и прибранный город, с кривыми узкими улицами. Королевские дворцы, мосты через каналы, скверы, клумбы, стаи галок вокруг колоколен, медлительные экипажи на площадях — все это Владимиру Ильичу давно знакомо. А сегодня вызывало улыбку.

Он увидел продавщицу цветов. Корзина красных, желтых и розовых роз стояла у ног молоденькой девушки.

— Пожалуйста, вот эти красные розы. Мерси. Благодарю вас.

Владимир Ильич шел на партийный доклад с цветами. Не странно ли?

Однако вот и Народный дом. Сегодня здесь, в одной из комнат, собрались русские большевики-эмигранты.

— Ленин! Ленин! — встретили Владимира Ильича дружные возгласы.

Его обступили, жали руку. Это были политические эмигранты из России. Все знали Ленина. По книгам и статьям. По большевистским газетам: сначала „Искра", потом „Вперед", „Новая жизнь", „Пролетарий". Знали по съездам партии.

В глубине комнаты сидели две женщины. Одна совсем пожилая. На ней было черное платье с глухим воротничком и кружевная наколка на белых, совершенно белых, как снег, волосах. Черты лица ее были тонки. Она вся помолодела и оживилась, когда раздались одобрительные возгласы:

— Ленин!

Рядом с ней молодая, темноглазая, чуть скуластая, строгая. Она тоже расцвела при появлении Ленина. Владимир Ильич к ним подошел, положил на колени старой женщины розы.

— Мама и сестра приехали из России меня навестить, — просто объяснил он окружающим.

— Спасибо, что приехали, — сказал матери один большевик. — Вы можете гордиться таким сыном.

А Ленин стал за небольшой, вместо кафедры, столик и начал доклад. Необычный доклад. Впервые его

слушала мать. Он говорил товарищам, большевикам. И матери, маме. Мать была другом своих детей. А ведь все ее дети были революционерами. Она навещала их в тюрьмах. Носила передачи. Когда в 1895 году Владимира Ильича заключили в тюрьму, мама приехала в Петербург. „Мамочка, помню, как ты глядела на меня через решетку. Губы дрожали у тебя, а ты улыбалась".

Владимир Ильич говорил в своем докладе о положении в партии. О том, что надо бороться со всеми неверными течениями.

Революция 1905 года потерпела поражение, но надо не падать духом. Надо смело идти вперед. Одна у нас дорога...

Владимир Ильич говорил о дороге революционной борьбы.

После доклада опять его окружили. Насилу Владимир Ильич выбрался из Народного дома.

Был вечер. Из окон домов лился мягкий свет, оранжевый и голубой от абажуров. Тянуло морской прохладой из порта. Где-то звучала музыка.

Мама и Маняша ждали Владимира Ильича на улице.

— Мама, Маняша, как я рад, что вы здесь! — воскликнул он.

Ему хотелось услышать, что думает мать о сегодняшнем вечере. Вспомнилось Владимиру Ильичу детство и мама из его счастливого детства. Она всегда была непоспешна. Ровна. Справедлива. За всю жизнь Владимир Ильич не знал ни единого случая, когда в чем-нибудь не согласился бы с матерью.

— Ты знаешь, Володя, — сказала она, — я читала многие твои книги и статьи и очень ценю твой ум и твои задачи. А сегодня я убедилась, как горячо тебя любят люди.

Десять дней прожили в Стокгольме Мария Александровна и Маняша. Владимир Ильич приехал из Парижа увидеться с ними. Быстро промелькнули дни!

Русский пароход уходил из Стокгольма утром. Осень сумрачно надвинулась на город, завесила плотными тучами небо. Ветер срывал листья с деревьев. Беспорядочно гнал по заливу мелкие волны. Лодки громко плюхали днищами по воде. Было неспокойно, нерадостно.

Владимир Ильич обнял мать.

Они мало говорили. У Владимира Ильича сердце разрывалось от горечи, когда мать, обняв его еще и еще, пошла по трапу на пароход. И все оборачивалась и махала платком. Пароход довольно долго стоял, а

Владимир Ильич не мог туда подняться. На пароходе — русская территория, русские законы. Только Владимир Ильич туда ступит ногой, в тот же миг его арестуют. Мама махала платком. Низкий гудок протяжно разнесся над заливом. Пронзительно прокричала чайка. Пароход отошел.

Прощай, мама!

Он больше ее не увидел...

В ЛОНЖЮМО

Тысячи русских революционеров-эмигрантов жили во Франции. Владимир Ильич тоже жил и работал в Париже. А весной 1911 года они с Надеждой Константиновной выехали на все лето в Лонжюмо — местечко в километрах пятнадцати от Парижа.

Ночами по улице тарахтели колеса возов, крестьяне везли на парижский рынок продукты.

Дома в Лонжюмо каменные, невзрачные, насквозь прокопченные. Копоть валила из трубы небольшого кожевенного заводика. Даже листья и трава были от копоти тусклые и скучные в этой деревне. Правда, вокруг зеленели поля. Но Владимир Ильич с Надеждой Константиновной приехали сюда не для отдыха. Напротив, для трудной работы.

Был ранний час. На дворе во все горло запел петух. Владимир Ильич проснулся. Комната была темной и сырой даже в это яркое летнее утро. Казалось, и солнце еще не взошло — так было сумрачно в комнате.

Между тем Надежда Константиновна уже несла завтрак, состряпанный на керосинке.

— Изволили проспать, милостивый государь? За поведение — кол.

Такую отметку выставил себе Владимир Ильич, живо поднимаясь с постели. И скорей помогать по хозяйству. Чашки, тарелки на стол. Сахарница...

— Ой! — вскрикнула Надежда Константиновна.

Сахарница вырвалась у него из руки. Владимир Ильич изловчился, подхватил:

— Чем не жонглер?

— На троечку, — ответила Надежда Константиновна.

Что-то колы да тройки у них на языке! Уж не заделались ли учителями Владимир Ильич с Надеждой Константиновной?

Нестерпимая жарища стояла в то лето во Франции! С утра нещадно пекло и жгло солнце. Лохматая дворняга лежала в тени под забором на улице. Высунула язык и часто-часто дышала.

— Жарко, псина? — дружески потрепал дворнягу Владимир Ильич. — Доброе утро! — поздоровался с рабочим-кожевником.

Ильичи снимали у него две темные комнаты в сумрачном доме с черепичной крышей.

Было воскресенье. Рабочий сидел в тени забора, положив на колени жилистые руки. У него было узкое, худое лицо. Пепельного цвета усы опускались вниз. Таким усталым он казался и изможденным!

Мимо по улице проезжал экипаж на рессорах, с лакированными крыльями. Под кружевным зонтиком ехала дама с миловидными, нарядными детьми. Рабочий торопливо вскочил, низко поклонился. Дама кивнула.

— Супруга хозяина, — почтительно сказал кожевник.

— Вот у кого отдых в полное удовольствие, — с насмешкой заявил Владимир Ильич.

Рабочий помолчал, погладил опущенные усы и смиренно ответил:

— Бог создал богатых и бедных. Значит, так надо.

Через улицу, наискосок, зазвонили колокола. Отворились для воскресной службы двери храма. Рабочий перекрестился и направился в храм, бормоча:

— Господь создал мир, нам ли судить?

— Да-а... — в раздумье протянул Владимир Ильич.

— Мосье, — спросил соседский французский мальчишка, — вы, наверное, на Сену купаться?

— Нет, дружок, не купаться.

— А, знаю, знаю, — закивал французский мальчишка, — вы в свою школу. Вы и в праздники учите.

Школа Ленина на другом краю длинной улицы в Лонжюмо была необычной школой. И по виду она не походила на школу. Раньше когда-то тут был постоялый двор. В глубине двора стоял просторный сарай. На пути в Париж останавливались в нем дилижансы. Кучера отдыхали, курили. Кормили лошадей. Но это было давно...

Весной 1911 года Владимир Ильич снял сарай под школу. Ученики выгребли мусор. Сколотили из досок стол на восемнадцать человек. Раздобыли у со-

седей старенькие табуретки и стулья — и школа открыта.

Какие же ученики в ней учились? Учениками были русские рабочие. Тайно от царских жандармов они приехали сюда из разных городов России учиться. А учителями были Владимир Ильич и Надежда Константиновна и некоторые другие товарищи.

Ученики сидели за столом, когда Владимир Ильич пришел на урок. Честь по чести встали при входе учителя. Но вот что смешно: все босые. Жара в Лонжюмо была нестерпимая, вот они и ходили босые.

Это были молодые ребята, любопытные и способные. Они любили уроки и лекции Владимира Ильича! Всегда он умел заинтересовать с первого слова.

— Бог создал богатых и бедных. Значит, так надо, — начал неожиданно Владимир Ильич сегодня урок.

Лукавая улыбка играла у него на губах, смеялись глаза. Все в удивлении молчали. Прямо-таки мертвая тишина воцарилась в ответ.

— Так мне сказал один французский рабочий-кожевник, — после паузы объяснил Владимир Ильич.

Ученики зашумели:

— А! Вон оно что! Э! Это какой-то слизняк проповедует, это не борец.

— Отсталый ваш француз, Владимир Ильич! Ведите его в нашу школу, живо проветрим мозги.

А один ученик поднялся и сказал:

— Я тоже рабочий-кожевник, только, думаю, божьи законы нам не подходят. Надавать надо богатеям по шее да и строить новое общество.

— Правильно! — закричали вокруг.

Шумный получился урок. Но Владимиру Ильичу это и нравилось.

— Значит, не обязательно, чтобы были богатые и бедные, — подхватил Владимир Ильич.

И незаметно и просто перешел к уроку по политической экономии. Так называется очень важная наука о развитии общественного производства.

Владимир Ильич учил рабочих марксизму. Рабочий должен быть образованным, умным и сведущим. И превосходно должен разбираться в политике.

Разве будет бороться за революцию такой человек, как тот французский кожевник, который бормочет: „Господи помилуй!" — и знать ничего больше не знает? И у нас в России немало таких отсталых рабочих. Отсталость — не подмога революционной борьбе.

— Учиться надо рабочим! — говорил Владимир Ильич.

Потому и организовал он в Лонжюмо партийную школу. Ученики проучились в ней почти три месяца и поехали домой, понесли русскому рабочему классу свою революционную веру и знания. А Лонжюмо, ничем не приметное местечко под Парижем, сейчас известно стало всем людям оттого, что там была первая партийная школа Ленина.

ВОЙНА ВОЙНЕ

— Батюшки мои, не верится, что из такой беды страшной вырвались!

Надежда Константиновна глядела на Владимира Ильича. Здесь, с ней, не в тюрьме! Живой, в глазах искры, морщинки смеха у губ. Беда миновала, а в глубине души было ей все еще страшно.

— Дурное сновидение. Вон из головы! — ответил Владимир Ильич. — Полюбуйся, Надюша, на осенний Берн.

И распахнул окно. Оранжевый свет осенних листьев полился в окно. Они были в столице Швейцарии Берне. На свободе. А совсем недавно Владимир Ильич сидел за тюремной решеткой. Случилось это в Поронине.

Поронин, польский городок, или, скорее, поселок, находился в то время под властью австрийцев. 1 августа 1914 года Германия объявила России войну. И ее союзница Австро-Венгрия объявила России войну. А Франция и Англия объявили войну Австро-Венгрии и Германии.

Началась мировая война.

Тысячи женщин — русских, немецких, французских, английских, австрийских, венгерских — с плачем обнимали сыновей и мужей. В последний, может быть, раз. По железным дорогам России везли орудия и мужиков из Рязанской, Тульской, Ярославской губерний. На позиции, в бой. Зачем, для чего эта война? Никому не известно. Известно правителям. Но сынков правителей не гнали в теплушках на убой, как скотину. Гнали крестьян и рабочих.

В первые же дни войны австрийские жандармы в Поронине арестовали Ленина. Русский. Все что-то пишет. Что-то посылает в Россию. Значит, шпион. Доказательства? Какие там доказательства! Жандармы постановили — значит, шпион.

За это грозила смертная казнь. Сколько муки, отчаяния пережила Надежда Константиновна! Был Владимир Ильич две недели на волосок от смерти. Нашлись товарищи. Хлопотали, боролись за Ленина. Удалось вырвать из тюрьмы. Надежда Константиновна, словно не веря, что он на свободе, трогала его плечи и грудь. Пронесло напасть.

— И забудем, — сказал Владимир Ильич. И отрезал рукой.

Всего лишь вчера они приехали из Поронина в Берн, столицу нейтральной Швейцарии. Швейцария не воевала. Здесь шла обычная жизнь. Не плакали матери, не ломали в ужасе рук.

— Быстрее, Надюша, дружок! — торопил утром Владимир Ильич.

Они наспех позавтракали, убрали посуду и вышли из дому. В кирках еще служили обедню, когда они вышли. Колокольный звон мелодично разносился над Берном. Берн — просторный, неторопливый город, с древними зданиями, мостами через реку Аару и памятниками. На гербе Берна изображен медведь. И на многих домах нарисован добродушный коричневый зверь, вставший на задние лапы. Мало

того — в Берне есть ров, так там и вовсе живые медведи. Вечно там толпится народ.

В Берне Владимир Ильич и Надежда Константиновна поселились, как всегда, на самой окраинной, короткой и узкой улочке под названием Дистельвег. Что значит по-русски: дорога в чертополохе. Ясно, не роскошная улица.

Минут десять Владимир Ильич и Надежда Константиновна прошагали по улице Дистельвег, и город окончился. И начался лес, золотистый и пестрый, сентябрьский лес, сразу за городом. Привольно шагать извилистой горной тропой среди могучих буков и лиственниц, с холма на холм, все выше и круче.

Стоп. Владимир Ильич остановился.

— Здесь, Надюша? — спросил он, узнавая приметы, по которым в этом месте нужно было с тропки свернуть. Перепрыгнуть канавку. Еще два десятка шагов. Развести рукой кусты — и перед глазами поляна. Несколько человек расположились на поляне, подстелив пиджаки и плащи.

— Здравствуйте, товарищи! — сказал Владимир Ильич.

Позади треснул сучок. Закачались еловые ветви. Высунулась голова. Из чащи вышел человек, с плетеной корзиночкой, в каких бернцы носят завтраки, идя на пикник.

Может, эти люди собрались на пикник? День чудесен. Ясное небо нежарко. Лес так покоен и тих!

Но на поляне был не пикник. Вчера, приехав в Берн, прямо с поезда, Владимир Ильич дал весть знакомому русскому большевику-эмигранту. Тот сообщил другому. В один вечер передалось по цепочке:

— Товарищи, завтра утром в Бернском лесу.

Большевики сошлись точно в назначенный час. Все хотели слышать, что скажет Ленин.

— На русский народ и на другие народы обрушилась война, — сказал Владимир Ильич. — Кому выгодна война? Капиталистам. Капиталисты наживают на войне миллиарды. Рвутся захватить все новые рынки, чтобы больше и больше получать прибылей. А солдат и рабочих обманывают: мол, защищайте отечество. На самом деле это не защита отечества, а защита капиталистической выгоды. Надо объяснить солдатам, рабочим, крестьянам: к вам в руки попало оружие. Солдаты и пролетарии всех стран, обратите оружие против своих царей и капиталистов. Делайте революцию. Долой несправедливую войну. Война войне!

Вот о чем говорил Ленин в Бернском лесу. И писал об этом статьи и заметки. И посылал их в Россию, большевикам. А большевики тайно распространяли на фронте среди солдат и рабочих. Война войне.

Солдаты читали, задумывались. „А не пальнуть ли из этих винтовок по своим фабрикантам да помещикам? Сбросить царя. Да и начать жить по-новому".

ДОМОЙ НАВСЕГДА

В Берне Ленин писал книгу об империализме. О том, что капиталисты не могут жить без грабительских войн. Захватывают чужие страны. Превращают в колонии. Все больше за чужой счет богатеют. И уже не могут остановиться. Рвутся весь мир разделить меж собой. Отхватить покрупнее кусок. Чем дальше, тем больше будет таких захватнических войн. Тем хуже будет при империализме народу. Но силы и разум рабочего класса растут. Время социалистической революции близится.

Надо знать всю жизнь, всю историю, чтобы написать эту книгу. Владимиру Ильичу много приходилось читать.

И они поехали с Надеждой Константиновной в город Цюрих. Думали недельки две пожить в Цюрихе, а задержались на целый год. Работа задержала Владимира Ильича. Библиотеки для работы были там богатейшие. Да и город неплох. Большой, оживленный. Много заводов, рабочих.

Ильичи сняли комнатенку у одного сапожника. Окошко выходило во двор, там была колбасная фабрика. Тяжелый, жирный запах стоял во дворе, приходилось весь день держать окошко закрытым. Но Владимиру Ильичу нравилось жить у сапожника. Сапожник был революционно настроен и вообще хороший был человек.

Владимир Ильич до вечера пропадал в библиотеке. Прибежит домой пообедать — и снова за работу.

Узкий тротуар под каштанами вел к библиотеке. Круглый год четыре раза в день шагал Владимир Ильич под каштанами, мимо ратуши с башенкой, древнего собора, старых домов. На стенах домов написаны изображения разных ремесел: часовщик чинит часы величиною с колесо или башмачник шьет башмаки по ноге великану.

А недалеко прелестное переменчивое Цюрихское озеро. Разбушуются сердитые волны, озеро с громом

бьется о набережную, тогда не подступись. Утихнет, засинеет, засияет на солнце — и не оторвешь глаз, не наглядишься! Владимир Ильич восхищался швейцарской природой. Но как тосковал он о родине! Все сильнее тосковал о России.

Однажды после обеда Владимир Ильич только собрался в обычный путь — в библиотеку, в дверь застучали. Громко, резко. Вошел знакомый эмигрант. Не вошел, а ворвался. На лице и испуг и восторг:

— Слышали? Нет? Не слыхали? В России революция.

Владимир Ильич схватил шляпу. Надежда Константиновна пальто надевала на ходу. Помчались к озеру. Озеро все серебрилось и сияло на солнце. Белые лебеди, горделиво выгнув шеи, плавно плыли по озеру.

Владимир Ильич подбежал к навесу. Здесь, на берегу озера, под навесом, всегда вывешивались свежие газеты.

Владимир Ильич жадно читал телеграммы в газетах. 1917 год. Февраль. В России революция.

— Наконец! — воскликнул Владимир Ильич.

Он был тесно связан с Россией, руководил нарастающей революционной борьбой, знал, что революция близка. И все же весть, прилетевшая с родины, взволновала необычайно.

Нет сомнений: дома совершается что-то огромное. Скорее на родину! Нельзя дольше здесь оставаться. Скорее в Россию! Вся его жизнь была отдана тому, что там сейчас совершается. Весь его труд! „Союз борьбы за освобождение рабочего класса", газета „Искра", партия — все звало к свержению царизма.

Но как уехать? Продолжалась война. Английские и французские власти не желали кончать войну. А большевики агитировали против войны. Все пути из Швейцарии в Россию были в руках английских и французских властей. Разве они пропустят большевиков в Россию?

Владимир Ильич потерял покой. Перестал спать. Похудел. Глаза ввалились, горели упрямым огнем.

Наконец после долгих хлопот и тревог пришло разрешение. Швейцарские товарищи выхлопотали для русских революционеров-эмигрантов пропуска домой.

Поезд отходил через два часа. Ни одной лишней минуты не хотел жить Владимир Ильич на чужбине. За два часа собраться? Уложить вещи, сдать в библиотеку книги, расплатиться с хозяевами? Бегом, бегом.

Успели. Через два часа выезжали из Цюриха в Берн. Из Берна домой. Тридцать русских эмигрантов вместе с Лениным возвращались в Россию.

„Спасибо за доброту и приют!" — послал Ленин прощальное письмо швейцарским товарищам.

А поезд шел. Громыхали колеса. Мчались мимо ослепительные озера и величественные горы Швейцарии. Потом потянулись аккуратные немецкие города и поля.

Пересекли Германию, глазам открылось Балтийское море. По усеянному минами Балтийскому морю на грузовом пароходе добирались до Швеции. Оттуда в Финляндию. Долгая, опасная дорога! Но вот скоро и Петроград.

В окно виднелся низкорослый лесок из тонкоствольных сосенок и елей. Белел недотаявший снег. Черными лужами разлились торфяные болота, уставленные мшистыми кочками. Был поздний вечер, наступала ночь.

— Ночью в Петроград приедем, спят, наверное, все, — сказала Надежда Константиновна.

В тусклом свете фонарей неясно выступили громады каменных зданий. Склады, депо... Поезд замедлил ход, приближаясь к Финляндскому вокзалу. Мощный паровозный гудок разорвал ночное безмолвие. Поезд подходил к перрону. Шумно дышал паровоз... Но что это? На перроне играли „Марсельезу".

— На караул! — донеслась команда.

Перрон был битком набит народом. Рабочие. Отряды Красной гвардии. Как вылитые из бронзы, плечом к плечу, кронштадтские матросы.

— На караул!

Все замерло, стихло. Красногвардейцы, матросы взяли на караул.

Ленин вышел на площадку вагона. Он был потрясен этой встречей.

— Товарищи!..

— Да здравствует Ленин! Долой войну! Да здравствует революция! — загремело в ответ.

Там, за вокзалом, на площади тысячи голосов подхватили. Море людей на площади. Как языки пламени, пылали освещенные прожекторами знамена. Человек кинулся к Ленину. Ученик из школы Лонжюмо. Через шесть лет повстречались на родине.

— Владимир Ильич, приветствую вас от имени большевиков Петрограда.

У вокзала стоял броневик. Башня была неподвижна, пулеметы молчали. Броневик тоже встречал вож-

дя партии и рабочего класса. Рабочие и солдаты подняли Ленина на броневик. Руки дружески тянулись к нему. Улыбались глаза. Светились истомленные лица.

Ленину хотелось обнять их всех, родных рабочих людей, измученных войной и разрухой.

— Товарищи! — сказал Ленин. — Вы сделали революцию, свергли царя. Но власть захватили капиталисты и хотят править нами. А нам нужна власть трудящихся. Восьмичасовой рабочий день нужен нам. Земля крестьянам. Хлеб голодным. Мир народу. Социалистическая революция нам нужна!

— Ура! Да здравствует Ленин! — кричала площадь.

Как будто не ночь была, а радостное, весеннее утро.

Броневик тронулся. Торжественно тронулся броневик. Ленин возвратился домой навсегда.

РАССТАННАЯ УЛИЦА

Владимир Ильич приподнял голову от подушки. Огляделся с улыбкой. Чистенькая скромная комната со светлыми обоями.

Небольшой письменный стол. На столе газеты. Цветочный горшок на окне. В углу кресло, обитое темно-красным вышитым шелком.

„Где я? Снится мне?"

Нет, Владимиру Ильичу не снилось. Он был у сестры Анны Ильиничны и ее мужа Марка Тимофеевича Елизарова, на их петроградской квартире.

В памяти вспыхнул вчерашний день, полный счастья и удивительных встреч! С вокзала броневик повез Владимира Ильича в бывший дворец балерины Кшесинской, фаворитки царя Николая II. Теперь там располагались Центральный Комитет и городской комитет партии большевиков.

Медленно двигался броневик прямыми, стройными петроградскими улицами.

Была поздняя ночь, но во многих окнах горел свет. На улицах толпился народ.

— Ленин! — кричали люди.

Броневик останавливался. Владимир Ильич видел, как народ ждет его слов.

Он старался просто и ясно говорить о социалистической революции, нашей, рабочей. Сердце его полно было пламенных слов.

А рабочие все прибывали.

Сотни людей окружили дворец Кшесинской, недалеко от Невы и Петропавловской крепости.

— Пусть Ленин выйдет! Пусть Ленин скажет! Да здравствует Ленин!

Владимир Ильич несколько раз выходил на балкон. Если бы не ночь, с балкона был бы виден позолоченный шпиль Петропавловской крепости и тяжелые неприступные стены. Много лучших светлых людей загублено в ее казематах, сырых и ледяных, как колодцы! Ты не страшна нам больше, проклятая крепость. Не грозись, не пугай.

„Старое не вернется, — говорил Владимир Ильич. — Вперед, товарищи! Да здравствует социалистическая революция!"

Во дворце собрались большевики со всего Петрограда. Не расходились. Не отпускали Ленина. Необыкновенная была эта ночь!

Только утром, в пять часов, Владимир Ильич с Надеждой Константиновной, усталые и счастливые, добрались домой. Наконец-то на родине. Сколько всего пережито! Великий в жизни России произошел перелом...

От волнений, переживаний Владимир Ильич почти не спал. Может, какой-нибудь час. Чуть задремал, открылись глаза.

Тихо в квартире, ни звука.

Квартира похожа на плывущий корабль. Так подумал Владимир Ильич, бесшумно идя вдоль коридора. По сторонам комнаты, будто каюты. В конце треугольная столовая и треугольник балкончика, как нос корабля. В столовой пианино. Во всех квартирах Ульяновых всегда бывало пианино, всегда была музыка.

Владимир Ильич взял ноты. Мамины ноты. Семь месяцев не дожила мама до этого дня. И Надина мама не дожила.

Владимир Ильич с грустью оглядывал комнату, похожую на нос корабля. В этой качалке мама сидела с книжкой, куталась в шаль. Старенькая, было ей зябко, и вечно болела душой за детей. Кто-то в ссылке. Кто-то в тюрьме. Мамочка! В какие только тюрьмы не носила ты передачи! Петербургскую, московскую, киевскую, саратовскую... По каким городам не мотала тебя судьба! Митя выслан в Подольск. Ты в Подольске. Маняшу выслали в Вологду. Без жалобы, без слова упрека, немедля начинаешь собирать чемодан, и поезд увозит тебя в незнакомую Вологду. А дальше где будет твой дом? Где надо детям.

Владимир Ильич положил ноты на пианино и тихо вернулся в комнату, в которой сестра поселила их с Надей. Раньше здесь жила мама. Последнее мамино жилье. Мамино темно-красное кресло. Вышила своими руками: разбросала по шелку цветы... Мама! Хоть на мгновение увидать бы тебя, поцеловать твои нежные, терпеливые, твои материнские руки!

Скоро в доме проснулись. Но сегодняшнее утро было не то, что вчера. Вчера были все радостны, оживлены. Сегодня говорили негромко.

Сестра Анюта спросила:

— Сразу поедем туда?

Всю дорогу Владимир Ильич молчал.

От Лиговки к Волкову кладбищу вела Расстанная улица. Скорбная улица. Последний путь. Расстаемся.

На кладбище еще лежал снег. Там и тут между могилами белели сугробы. Сосновая ветка на могиле у мамы. Рядом холмик поменьше, Олин холмик. Понуро свесили неодетые ветви осины.

Ленин снял шапку. Низко опустил голову. Долго стоял над могилой.

Картины детства пронеслись перед глазами. Симбирский дом. Уютная лампа зажжена в столовой. Дети уселись за стол. Мама раскрыла книгу. Что-то интересное, необыкновенное ожидает детей. Какой хороший у мамы голос, звучный и легкий!

Или вот совсем другое. Громыхает на двери камеры тюремный замок:

„Заключенный Ульянов, на свидание с матерью!"

Он спешит тюремным коридором, боясь упустить хоть одну минуту свидания. Сумрачный зал с низкими сводами. Двойная решетка.

К решетке прильнуло мамино светлое от ласки лицо. „Здоров ли? Володя! Молока тебе принесла, гостинцы. Книжки, какие просил..."

Милая мама! Не дожила ты до нашей новой жизни, не увидишь. Как горько, как больно! Мама, родная, не забуду твой ум, твою доброту.

ВЛАСТЬ СОВЕТАМ

Ленин поклонился могиле матери и с Волкова кладбища поехал на собрание большевиков делать доклад. Было 4 апреля 1917 года, поэтому доклад Ленина после назвали „Апрельские тезисы". Он писал их в вагоне, когда возвращался на родину. Крат-

ко нарисовал точный план, как после свержения царя действовать в России большевикам и народу.

Временное правительство взяло власть. А кто во Временное правительство входит? Помещики да капиталисты, богач к богачу. Охота ли богачам заботиться о рабочих и крестьянах? Совсем неохота. Они о своих богатствах заботятся. Для чего же тогда большевикам поддерживать Временное правительство? Не будем. Будем Советы поддерживать. Советы рабочих и крестьянских депутатов в ту пору уже создались, да не очень еще были сильны. Много меньшевиков в них засело и других несогласных с большевиками людей.

— Усиливать надо Советы! — говорил Ленин.

Что это значит? Значит, сделать их большевистскими. И тогда с помощью Советов отобрать у помещиков землю, у капиталистов заводы. Земли и заводы станут народными. И кончим войну.

Вот к чему звал Ленин большевиков и рабочих.

Он был тверд. Великая задача была перед ним. Ленин был верен великой задаче.

Рабочие понимали, что путь их с большевиками. Но не все. И крестьяне не все понимали. Меньшевики и буржуи всячески сбивали крестьян и рабочих. Писали в своих газетах разные небылицы про большевиков. Агитировали за войну. За буржуйскую власть. А у большевиков была своя газета под названием „Правда". Помещалась она в одном большом доме на набережной реки Мойки, занимала три комнаты. Газета действительно открывала народу правду.

Ленин сразу приехал в свою большевистскую газету. Написал статью. На другой день еще. Каждый день одну или две, даже три статьи писал в „Правду". Выступал на заводах и фабриках по всему Петрограду. И так понятно объяснял народу программу борьбы большевиков за счастье трудящихся, что все больше и больше склонялось рабочих и крестьян на сторону Ленина.

Солдаты писали с фронта: „Товарищ, друг Ленин. Помни, что мы, солдаты... все, как один, готовы идти за тобой".

Только три месяца, как Ленин приехал в Россию, и как все переменилось. Ленин был не один. У него были товарищи. Вместе добивались нового. Солдаты не хотят воевать. Рабочие не хотят работать на капиталистов. Крестьяне требуют землю.

В один летний день рабочие и солдаты Петрограда вышли сами на улицы. Слишком тяжко им было. Большевики не призывали их к этому, но, уж раз так случилось, возглавили демонстрацию и старались, чтобы она была мирной. Шли по городу с лозунгами: „Вся власть Советам!", „Долой министров-капиталистов!", „Хлеба, мира, свободы!"

Шли уверенно, строго — могучие силы чувствовались в этом народном движении.

И министры Временного правительства струсили. Что делать? Как остановить демонстрацию? Хоть называли они себя революционным правительством, а поступили подло, как царь. Открыли по демонстрантам огонь. Приказали войскам стрелять в безоружных людей.

Это было 4 июля 1917 года.

На другой день утром Владимир Ильич поехал на набережную реки Мойки в редакцию „Правды". Проверить, как идет выпуск газеты, дать советы товарищам. Владимир Ильич понимал: наступает опасное время.

...Военный автомобиль с визгом затормозил у здания „Правды". Послышался топот ног. Рывком рас-

пахнулась дверь. Несколько юнкеров со штыками наперевес ворвались в редакцию „Правды":

— Где Ленин?

К счастью, Ленина не было. Владимир Ильич в это время благополучно возвращался из „Правды" домой. Надежда Константиновна и сестра дожидались его в коридоре, прислушивались у двери, безмолвные и застывшие. Надежда Константиновна, несмотря на жару, нервно кутала плечи шарфом.

— Володя! Временное правительство объявило тебя вне закона.

И тут зазвенел длинный звонок. Все вздрогнули, затаили дыхание.

— Неужели за тобой? — шепотом спросила Надежда Константиновна.

Владимир Ильич неслышно шагнул к своей комнате. Порвать адреса и документы. Быстро! Не дать сыщикам в руки.

— Откройте! — раздался за дверью приглушенный голос.

— Свердлов! — узнала Анна Ильинична. — Да это Свердлов!

Отлегло от сердца: не арестовывать пришли, не с обыском. Все обнимать готовы были Свердлова.

— Яков Михайлович, голубчик, входите! — наперебой звали сестра и Надежда Константиновна худощавого, темноглазого человека в пенсне.

Он был совсем еще молодой. С юных лет вся его жизнь отдана была партии. Царское правительство сослало революционера Свердлова в далекий Нарымский край. Четыре раза Свердлов пытался бежать, и все неудачно. И снова бежал.

Но недолго побыл на воле. Опять схватили жандармы. Теперь ссылку назначили в дикие, гибельные места Туруханского края. Зимами там выше крыш наметает сугробы. Беснуются вьюги. Мчатся снежные вихри вдоль Енисея. Долгие месяцы не видно румяных утренних зорь. Дня нет. Полярная ночь.

Только революция освободила из тяжелой ссылки Свердлова. Умный, талантливый, он был страстным большевиком и помощником Ленина.

Вот какой человек утром 5 июля пришел к Елизаровым.

Юнкера разгромили редакцию „Правды". Выбили стекла. Все искололи штыками. По городу аресты, обыски. Юнкера бесчинствуют. С минуты на минуту могут нагрянуть сюда. Надо уходить, Владимир Ильич!

Владимир Ильич в раздумье молчал. Снова охота за революционерами. Слежки, тюрьмы. Снова скрываться. Как при царизме.

Владимир Ильич колебался. Но слишком серьезна угроза. Человека, объявленного вне закона, может всякий убить без суда. Временное правительство решило его уничтожить.

— Надо уходить, Владимир Ильич! — твердо повторил Свердлов.

Снял пальто, накинул Владимиру Ильичу на плечи:

— Наденьте. В чужом не сразу узнают. Поднимите воротник.

Владимир Ильич поднял воротник. Обнял сестру и жену. Прощальным взглядом окинул свой трехмесячный приют, квартиру сестры, похожую на плывущий корабль.

И ушел неизвестно куда. У революционеров называлось это: в подполье.

ЛЕСНОЙ КАБИНЕТ

Под Петроградом, недалеко от финской границы, в поселке Сестрорецке был большой оружейный завод. Рабочий Николай Александрович Емельянов работал на Сестрорецком заводе лет тридцать. А жил на станции Разлив, оттуда до завода пешком всего полчаса. Станция называлась по озеру Разливом. Озеро здесь начиналось и тянулось верст семь; в солнечные дни голубое, как небо. По берегам черноствольная ольха, да кусты, да болота.

Однажды к Емельянову приехал человек. Емельянов его знал: это был доверенный ЦК. По важному делу приехал доверенный. Центральный Комитет партии большевиков постановил: скорее укрыть вождя партии Ленина от преследований контрреволюционного Временного правительства.

— Поручено тебе, товарищ Емельянов. Сумеешь ли?

— Затем я и большевик, чтоб суметь, — ответил Емельянов.

На первое время он решил спрятать Владимира Ильича на сеновале у себя во дворе.

Но скоро понял: нет, не годится, опасно. Кругом соседи. Чужие ребятишки забегают во двор. У Емельянова своих детей семеро — по товарищу на каждого, считайте, малая ли команда составится? Нет, другое надо искать убежище.

Ранним утром Емельянов разбудил Владимира Ильича. Солнце еще не взошло. Над прудом висел сизый тонкий туман. Пруд был сразу за домом. Емельянов отвязал лодку. Тихо плеснулась вода под веслом. Сонные дома бесшумно стояли вдоль пруда. Мимо сонных домов вывел Емельянов лодку по пруду в озеро Разлив. Озеро светлое, большое, безлюдное. Ночь только ушла. Люди спят. Птицы спят. Чуть заалела заря на востоке.

Емельянов торопился переправить Ленина на другой берег Разлива. Версты четыре туда. Волновался: не увидел бы кто из соседей, что раным-рано везет чужого человека неизвестно куда, неизвестно зачем. Во всех газетах было напечатано, что власти ищут Ленина. Разные люди встречаются... Поэтому Емельянов спешил.

Владимир Ильич молча сидел за рулем. Утренний ветерок налетел, и седые туманы тронулись над Разливом. Яснее стали видны берега. Розового света зари прибывало.

В этот тихий час вспомнились Владимиру Ильичу давние годы, дорогие друзья. Вспомнился питерский рабочий Бабушкин. Вместе с Бабушкиным написал Владимир Ильич первую листовку „Союза борьбы". Твердым революционером и большевиком стал питерский пролетарий Иван Васильевич Бабушкин. Власти казнили его без суда в 1906 году.

И матрос Афанасий Матюшенко с броненосца „Потемкин", который приезжал к Владимиру Ильичу в Женеву рассказать о восстании! После вернулся на родину, власти казнили его.

Еще один товарищ вспомнился Владимиру Ильичу — молодой уфимский рабочий Иван Якутов. В революцию 1905 года Иван Якутов образовал в Уфе рабочую республику. Революцию подавили, Ивана Якутова казнили на тюремном дворе. Тысячи павших за революцию рабочих бойцов! Вечная память вам.

Владимир Ильич подумал, что сестрорецкий рабочий Емельянов тоже сильно рискует, укрывая его от буржуазных властей. Попадется — не помилуют. А ведь семеро ребятишек останутся.

— Спасибо, Николай Александрович, — сказал Владимир Ильич.

Емельянов быстро взглянул на него, понял:

— Чего там, Владимир Ильич! Это честь для меня.

И повел лодку к берегу. В осоку. Осока шуршала, раздвигаясь под лодкой.

Прямо у берега стоял лес. Не лес, а лесок из голенастых осинок, ольхи, тонкоствольных берез. Невысокий, частый лесок.

Разгрузили лодку, оттащили провизию да одеяла с подушками в глубь леска, с полверсты. Да еще Владимир Ильич нес под мышкой кипу бумаг и синюю тетрадь.

Почти год работал в Цюрихе, в библиотеке, делал разные необходимые записи. Сейчас была кладом для Владимира Ильича эта синяя тетрадь с записями.

Однако куда же Емельянов ведет? А вот куда. Прошагали леском, и открылась поляна. Большая зеленая поляна. На поляне шалаш. Возле шалаша врыты колышки в землю, подвешен на колышках котелок. Понимайте, что кухня.

— Ба! — воскликнул Владимир Ильич. — Знатное жилье, Николай Александрович! Лучше и вообразить невозможно.

— Это видали? — спросил Емельянов.

И показал косу, приставленную к шалашу. И брусок — косу точить.

— Владимир Ильич, я в косцы вас нанял. Поляну эту заарендовал, скосить, стало быть, надо. В случае, если ягодники или грибники на шалаш набредут, вы, Владимир Ильич, ни полслова. Финна я в косцы подыскал. Ничегошеньки по-русски финн не кумекает. Ни словечка не смыслит.

— А похож я на финна? — спросил Владимир Ильич.

Емельянов внимательно, в который уж раз, Владимира Ильича с ног до головы оглядел. Владимир Ильич бороду сбрил, подстриг усы. В косоворотке, поношенном пиджачке — рабочий, да и только.

— Здорово на финна-рабочего смахиваете, — одобрил Емельянов. И дальше: — Провизию будем возить на заре или ночью.

— Непременно газеты, все, какие выходят! — сказал Владимир Ильич.

— Будет исполнено. Мальчишек своих мобилизую. Одного-то нельзя. Заметят, что больно много один газет набирает. Распределю, какие кому доставать. Да на лодку. Да к вам.

Солнце поднялось. На траве засверкала роса. Казалось, вся поляна обрызнута была драгоценными камушками.

— Вот что еще, — сказал Владимир Ильич. — Косцу вашему необходимо много писать. Где бы пристроиться?

— Гляньте, — с удовольствием заявил Емельянов.

Раздвинул вблизи шалаша густые кусты, развел в стороны ветви, и Владимир Ильич увидал вырубленную в кустах уютную площадку. И два чурбана. Один пониже, другой повыше. Пониже табурет, а этот будет стол.

— Лесной кабинет ваш, — сказал Емельянов. — И не видно. И тишь, чтобы мысли не спугивать.

Через некоторое время, наладив в шалаше порядок, Емельянов уехал. Владимир Ильич пошел к озеру проводить. Постоял, пока лодка скрылась в голубом просторе Разлива. Где-то вдали запоздалая кукушка вздохнула: „ку-ку". Смолкла. Лето шло к середине, птицы не пели — кормили птенцов.

Владимир Ильич помахал невидной уже лодке и быстрым шагом направился в свой „кабинет". Раскрыл синюю тетрадь. Он писал книгу о том, как надо рабочим бороться за диктатуру пролетариата — как строить свое государство.

КОЧЕГАР ПАРОВОЗА № 293

Хорошо, что Центральный Комитет партии постановил укрыть Ленина. На другой день, как он ушел из дому, прискакали юнкера с обыском. Перерыли все вещи. Штыками шарили под кроватями. Искали Ленина.

А Ленин жил в шалаше у Разлива. Ничего бы, да комары не давали покоя. Тучи комаров. День и ночь грызли.

— От Временного правительства спасся, а от комаров спасения нет, — говорил, весь искусанный, Владимир Ильич.

Или припустят дожди. Тогда сиди в шалаше. Костер зальет — не разожжешь, и чаю вскипятить негде, не погреешься горяченьким. Трудновато приходилось. Но Владимир Ильич голову не вешал. Работы у Владимира Ильича было без краю. Писал статьи, обдумывал книгу. Руководил съездом большевиков. В Петрограде собрался VI съезд большевистской партии. К Владимиру Ильичу тайно приезжали товарищи. С ними Владимир Ильич посылал свои советы и указания съезду.

Владимир Ильич говорил: надо готовить вооруженное восстание и пролетариату с беднейшим крестьянством брать власть. Вот какую грандиозную

задачу поставил Владимир Ильич перед съездом! Съезд согласился с Лениным и принял решение готовить восстание.

„В эту схватку наша партия идет с развернутыми знаменами... настает смертный час старого мира" — так было написано в воззвании съезда.

Буржуазное Временное правительство боялось и ненавидело Ленина. Оно понимало, что вождь партии — Ленин. Это Ленин ведет так смело и решительно партию. В погоне за Лениным буржуазное правительство поставило на ноги сотни сыщиков. Была у полиции знаменитая собака ищейка по имени Треф, так и ее пустили по следу за Лениным.

Стало рискованно жить в шалаше. Да и лето шло к осени. Ночи стали студеные, длинные. Зарядили дожди. Угрюмо супился насквозь вымокший лес.

И ЦК партии постановил перевести Ленина из шалаша в другое, более отдаленное место. Во что бы то ни стало уберечь вождя партии!

...Однажды Емельянов чуть свет явился на Оружейный завод. Прямо к начальству. Но разве сыщется такое начальство, чтобы с зарей поднялось на работу? Конечно, и в помине начальника не было. Емельянову того и надо. Знакомый караульный разрешил войти в кабинет. Для караульного Емельянов придумал причину, на самом же деле ему нужно было раздобыть пропуск для перехода границы Финляндии. Некоторые заводские рабочие жили тогда в финских местностях, так им начальник выдавал такие пропуска на проезд. Пропуска у него на столе валялись кое-как, в беспорядке. Емельянов, что под руку попалось, загреб — и в карман. И к Ленину в шалаш. Превратился Владимир Ильич в Константина Петровича Иванова. Начисто обриты усы и бородка, подрисованы брови. Надет парик. Из-под надвинутой кепки упали на лоб пряди волнистых волос. Совершенно на себя не похож сделался Ленин. Надежда Константиновна и та не сразу узнала бы.

Поздним вечером оставили шалаш у Разлива и отправились в путь, через лес, к железной дороге. Вели Владимира Ильича Емельянов да двое финских товарищей. Вначале шли благополучно, только уж очень было темно, по-осеннему. Шли гуськом узкой тропкой. Ветви бьют по лицу. Вдруг стали спотыкаться о кочки. Тропка исчезла. Деревья поредели. А кустарник разросся чаще, непроходимее. И что это?

Что это?.. Потянуло дымом. Костер или где-то пожар? С каждым шагом дым ядовитее. Трудно стало дышать. Слепли глаза. Владимир Ильич остановился, взялся за грудь. Грудь разрывалась от кашля. Идти невозможно.

— Свернем, — сказал Емельянов. — Горит торф на болоте.

Ничего нет страшнее и коварнее торфяного пожара! Огонь тлеет под землей, раскаляется, ползет дальше. И вдруг взовьется ввысь бушующий столб, все сжигая и уничтожая кругом.

„Что наделал! На пожар завел Ленина. Неужто погубим?" — думал Емельянов.

— Владимир Ильич, за мной! Товарищи...

Они задыхались. Брели в клубах белого дыма. Как слепые. На ощупь. Спотыкались. Падали. Поднимались, снова брели.

Но вот дым стал редеть. Дым оставался в стороне, позади. Под ногами не шатались больше зыбкие болотные кочки. Вырвались из горящего торфяного болота! Вырвались наконец. Убежали от пожара. Спаслись.

Измученные, они сели на землю отдохнуть. Дрожали ноги от слабости. Емельянов мучительно себя корил. Страшно подумать, что могло быть...

А назавтра ночью, в час пятнадцать минут, к станции Удельной из Петрограда подошел дачный поезд. Поезд направлялся в Финляндию. Машинистом был финн Гуго Ялава. Он был большевиком, жил в Петрограде. Он любил свой испытанный паровоз № 293, с черной, расширенной кверху трубой и круглыми горячими боками. На Удельной Гуго Ялава остановил паровоз у переезда. Выглянул на волю. Так и есть. Возле переезда стоял человек, курил; вспыхивал светляком в темноте огонек папиросы. Другой читал у фонаря газету. Так было условлено. Провожающие — один курит, другой читает. Значит, все в порядке. Сейчас покажется Ленин. „Где же он?" — забеспокоился Гуго Ялава.

В эту секунду к паровозу быстрой походкой подошел невысокий коренастый рабочий. В кепке. Каштановая прядь упала из-под кепки на лоб. Взялся за поручни, подтянулся, залез на паровоз:

— Здравствуйте. Я Константин Петрович Иванов. К вам в кочегары.

— Здравствуйте, товарищ кочегар, — приветствовал Гуго Ялава.

293

Владимир Ильич, а это был он, сбросил пальто и, как заправский кочегар, принялся укладывать возле топки в клетку дрова. Паровоз коротко свистнул, заработали шатуны. Побежал мимо лес.

До станции Белоостров доехали без забот. Станция Белоостров была пограничной. Едва поезд остановился, по вагонам началась проверка у пассажиров документов. Заверещали свистки. Вдоль поезда торопился кондуктор, раскачивая в темноте фонарем. Слышались крики, брань.

— Как бы к нам на паровоз не пожаловали, — с опаской сказал Гуго Ялава. — Хоть и с пропуском, а все от сыщиков лучше подальше.

— Какой же выход? — спросил Ленин.

— Найдем, — сказал машинист.

Спрыгнул на рельсы, живо отцепил паровоз и погнал на всех парах к водоразборной колонке. Будто надо воды набирать.

Первый звонок. Сыщики из пограничной охраны все шныряли по вагонам. Кого-то искали. Кого-то куда-то вели. Вся станция была в возбуждении.

Второй звонок. Паровоз у колонки не тронулся. Только за минуту до отправления Гуго Ялава подвел свой 293-й к вагонам. Прицепил. Третий звонок. Паровоз озорно засвистел. „Остались с носом, голубчики!" — дразнил сыщиков машинист Гуго Ялава.

И поезд помчался дальше. Ночь летела навстречу. Летело звездное августовское небо. Владимир Ильич высунулся из паровозной будки. Свежий ветер ударил в лицо.

Скоро они были в Финляндии.

СТРАННЫЙ ПРИЮТ

Финские товарищи устроили Владимира Ильича в глухой деревеньке Ялкале. В стороне от деревни у самого леса стоял небольшой финский дом. Из окон виднелись темные сосны на взгорьях. Да огромные серые валуны на лужайке обступили незатейливое жилище, где поселился Владимир Ильич. Хозяин, бывший рабочий, заботился, чтобы Ленину у него спокойно жилось и работалось. Но остановка в Ялкале получилась недолгой. Деревенька была от станции верстах в десяти, газеты прибывали с большим запозданием, а то и вовсе нет. А Владимиру Ильичу без газет все равно что без воздуха. И товарищи нашли для него новый приют.

В главном финском городе Гельсингфорсе начальником полиции был в то время молодой еще человек по имени Густав Семенович Ровио. Однажды Ровио вызвали к генерал-губернатору. Генерал-губернатор был русский. Петроградские власти назначили его наблюдать за финскими порядками. У финнов было свое управление, но приходилось петроградского начальника слушать, поскольку Финляндия входила тогда в состав Русского государства.

— Господин полицмейстер, все ли спокойно в городе Гельсингфорсе? — строго спросил генерал-губернатор.

Густаву Ровио было едва тридцать лет, но, несмотря на молодость, он, как все финны, был нетороплив и рассудителен.

— Господин генерал-губернатор, в таком большом городе иной раз без происшествия не обойдется, — рассудительно отвечал Густав Ровио.

— Что-нибудь политическое?

— Нет, всего лишь мелкая кража, господин генерал-губернатор.

Генерал-губернатор, прямой как доска, еще прямее расправил плечи и устрашающе тихо сказал:

— Из Петрограда получен секретный приказ.

— Слушаю, — ответил Густав Ровио.

— Знаете, кто такой Ленин? — спросил генерал-губернатор.

Ровио немного помешкал, пощупал бритый подбородок, потом ответил, что знает, да, знает, конечно! Ведь во всех газетах напечатано, что Временное правительство хочет Ленина арестовать, но никак не разыщет.

— Есть подозрение... — начал генерал-губернатор и с опаской огляделся, хотя в кабинете они были вдвоем, — ...есть подозрение, что Ленин может скрываться здесь, в Гельсингфорсе.

Ровио молчал и в упор, со вниманием глядел на генерал-губернатора, ожидая, что последует дальше.

— Вы должны принять самые срочные меры.

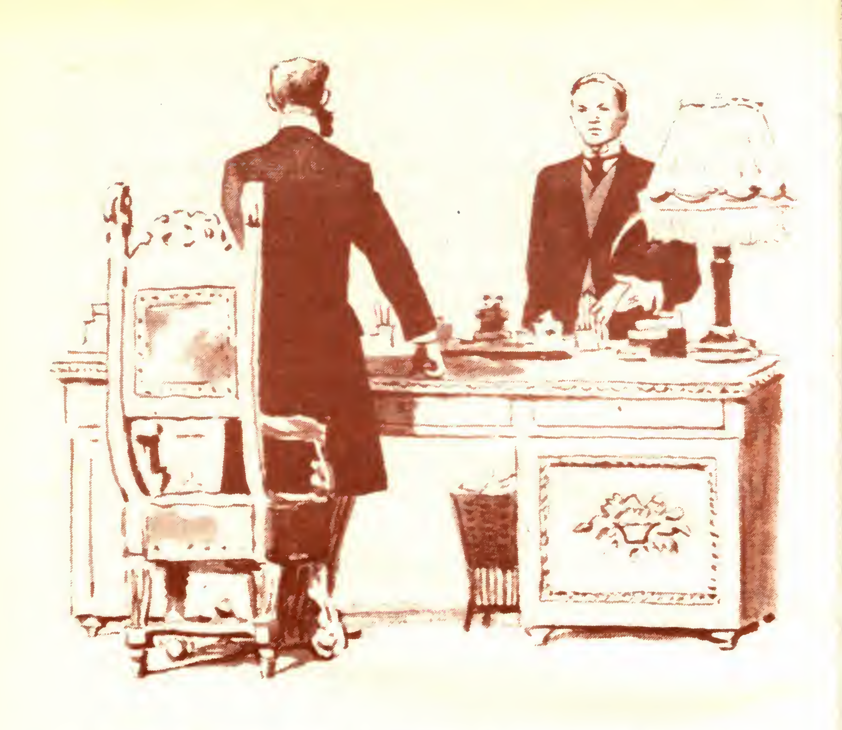
— Непременно, господин генерал-губернатор!

— Если Ленин попадется вам в руки...

— Если Ленин ко мне попадет, будет сделано все необходимое, господин генерал-губернатор!

— Имейте в виду: за поимку Ленина назначена большая награда, — милостиво поощрил генерал-губернатор. Поняли? Можете идти. И старайтесь.

Густав Ровио поклонился и оставил губернаторский кабинет. Капли пота крупно выступили у него

на висках. Большим клетчатым платком Ровио вытер виски. Затем потрогал карман и как бы с облегчением вздохнул.

От генерал-губернатора он пошел не на службу, а на вокзал. Почтовый поезд Гельсингфорс — Петроград отходил не скоро, но состав был готов, и на перроне Густава Ровио дожидался поездной почтальон, безразличный и сонный на вид. Казалось, ничто на свете не может его удивить. Они не спеша прошлись вдоль перрона. Улучив минуту, Ровио вынул из кармана пакет и передал почтальону. Почтальон с неожиданной быстротой в мгновение ока сунул его за пазуху.

— От того человека в прежний адрес, — сказал Ровио.

— Ясно, — ответил почтальон и передал Густаву другой пакет, который тот также живо спрятал. После этого они разошлись.

Но и теперь начальник полиции направился не на службу.

— Имею я право использовать обеденный час? — спросил себя Ровио. — Имею.

И пошагал в бакалейную лавочку. Купил десяток яиц, четверть фунта масла и булку.

„Теперь курс на дом", — мысленно скомандовал Ровио. Он избегал центральных улиц, шагал переулками и делал порядочный крюк. Вообще, если бы внимательно за ним понаблюдать, непонятным показались бы его некоторые действия. Но кто станет наблюдать за начальником полиции? Это его дело смотреть, чтобы в городе все шло по порядку.

„Секретный приказ, а? Скажите пожалуйста!" — вспомнил он недавний разговор, поднимаясь на пятый этаж большого дома на Хагнесской площади, где была его однокомнатная, с кухней, квартира и где сейчас сидел за столом — если бы знал генерал-губернатор! — Владимир Ильич и писал книгу „Государство и революция" — о том, как строить первую в мире страну рабочих и крестьян. И синяя тетрадь с цюрихскими выписками перекочевала сюда из шалаша. Лежала перед Владимиром Ильичем на столе. Он так был занят работой, что не сразу услышал приход Ровио.

Ровио осторожно кашлянул. Владимир Ильич вскочил:

— Почта есть?

— Почта-то есть, да сначала пообедать надо бы, Владимир Ильич.

— Нет, сначала посмотрим почту. Давайте, давайте.

Владимир Ильич потирал от нетерпения руки, пока Ровио доставал из нагрудного кармана пакет.

— В обмен на ваш получайте, Владимир Ильич.

В пакете было несколько писем. Владимир Ильич одно пробежал. Другое. А это химическое. Зажгли лампу. Исписанную страницу нагрел над лампой. Выступили между строчками буквы. Владимир Ильич читал, приговаривая:

— Так. Так. Так. Интересные новости.

Новости были о том, что в Петрограде и Москве большевики все сильнее оказывают влияние на Советы. Советы стали большевистскими, нашими. Народ потерял веру в буржуазную власть. Народ все больше верит нам, писали из Питера.

Вот какие были новости, и Владимир Ильич, то хмуря брови, то светлея лицом, прохаживался по комнате, где у стен благопристойно выстроилась обитая зеленым бархатом мебель, высокое зеркало украшало пузатый комод, а в углу ютился небольшой книжный шкафик.

Полицмейстер снял визитку, в которую обычно наряжался, идя к генерал-губернатору, засучил рукава и принялся готовить на кухне яичницу.

Странно все же: почему этот полицмейстер был в компании не с генерал-губернатором, а с Лениным?

Потому он был с Лениным, что происходил из потомственной пролетарской семьи, работал токарем и с восемнадцати лет стал участвовать в революционном движении. Это только после свержения царя рабочие выбрали Ровио начальником гельсингфорсской милиции.

По-старому должность его называлась: полицмейстер. Так именовал Густава Ровио генерал-губернатор да и многие другие, туго привыкавшие к новому.

Состряпав яичницу, Ровио снова облачился в визитку с манишкой и черным, вместо галстука, бантиком и пригласил Владимира Ильича пообедать.

У Владимира Ильича от полученных новостей было отличное настроение. Скоро вернется в Россию! Партия большевиков поднимет рабочий класс на восстание. Рабочие свергнут Временное правительство. Будет рабочая власть. Об этом Ленин писал в статьях, которые секретно посылал в Петроград. Писал в своей книге.

А Ровио уплетал яичницу и рассказывал о генерал-губернаторе. Ленин выслушал, лукаво сощурился:

— Бывают несуразности в жизни: хозяин к генерал-губернатору ходит с докладами, а кого у себя принимает?

— Как — кого? — хладнокровно возразил хозяин. — Почтенного финского пастора.

Ах и расхохотался же Владимир Ильич! Верно, он приехал в Гельсингфорс под видом пастора. В деревеньку, где Владимир Ильич жил после шалаша, финские товарищи прислали любителей-актеров. Актеры были рабочими, социал-демократами. Ловко они его загримировали. Привезли из города длинный пасторский сюртук, высокую шляпу, как полагается. Приклеили пышные брови, надели парик, нарядили и... хоть сейчас в кирку обедню служить! Богобоязненные финки при встрече с Владимиром Ильичем смиренно отвешивали низкие, в пояс, поклоны. Так прибыл он в Гельсингфорс. А теперь скоро о новом парике надо заботиться.

Да, скоро. В один прекрасный день Густав Ровио повел Владимира Ильича к парикмахеру. Парикмахер родом был петербуржец, маленький, шустрый,

как обезьянка. Он был старым театральным парикмахером и знал в столице множество графов и князей. Графам и князьям хотелось быть изящными кавалерами, он их всех подмолаживал, красил бороды, мастерил парики.

— А вы и без парика довольно еще молодой, — успокаивающе сказал Владимиру Ильичу парикмахер.

— Вот хочу постареть, — ответил Владимир Ильич.

— Да зачем? Для чего? — изумился парикмахер, всплеснув коротенькими морщинистыми ручками.

— Солиднее как-то, внушительнее, — с улыбкой сказал Владимир Ильич. — Сделайте меня с сединой, лет эдак под шестьдесят.

— Под шестьдесят? С сединой? Никогда!

— Почему?

— Чтобы я довольно молодого еще человека раньше времени превращал в старика?! Ни за что! — кипятился маленький парикмахер, размахивая руками. — Мое призвание — возвращать людям молодость.

— Благородное призвание, но сделайте для меня исключение, — с улыбкой настаивал Владимир Ильич.

Парикмахер ахал и охал. Владимир Ильич сквозь смех его убеждал, а Густав Ровио думал:

„Долго ли еще Владимир Ильич будет менять парики и одежду? Долго ли будет скитаться?"

ЕЩЕ ОДНО ПОДПОЛЬЕ

Студеный осенний ветер насквозь продувал старинные выборгские улицы.

В один такой холодный день осени из Питера в Выборг приехал Эйно Рахья.

Когда в конце лета сестрорецкий оружейник Емельянов и двое финнов выводили Владимира Ильича от озера Разлив через лес, один из тех финнов и был Эйно Рахья. Высокий, большелобый, весь веселый какой-то, он бесстрашным был человеком.

В опасные случалось попадать ему переделки! Летом 1917 года однажды стало известно: тюремные надзиратели собираются выпустить арестованных генералов, жандармов и всякую, как тогда называли в народе „старорежимную контру".

Эйно Рахья командовал в это время петроградским отрядом финнов-красногвардейцев. Собрал отряд, нагрянул в тюрьму.

— Если хоть одного жандарма отпустите!.. — револьвером пригрозил надзирателям.

Временное правительство в ответ приказало разогнать отряд финнов-красногвардейцев, арестовать Эйно Рахью. Не тут-то было! Эйно Рахьи и след простыл.

А работал он на аэропланном заводе. И большевиком стал в 1903 году, когда II съезд утвердил Устав и Программу партии. Вот этого смельчака, никогда не унывающего Эйно Рахью, ЦК партии прикрепил теперь связным к Ленину.

Рахья прибыл в Выборг за Лениным. Владимир Ильич перебрался сюда из Гельсингфорса, поближе к России. Он стремился в Россию. И вот настал этот день.

Владимир Ильич был неспокоен. А Рахья хоть бы что!

— На вокзал двинем, Владимир Ильич?

И знай себе отмеривает по аршину, благо длинные ноги. Впрочем, нет, Эйно волновался. Только не показывал виду. Владимир Ильич тоже, конечно, скрывал беспокойство. Они сели в поезд и молча доехали до одной финской станции. В вагоне бы-

ли все финны, а Владимир Ильич не знал финский язык, так что уж лучше помалкивать, чтобы не привлекать внимания.

Время от времени Владимир Ильич проверял, цел ли в кармане ключ. Цел, куда ему деться! Этот ключ Надежда Константиновна привезла Владимиру Ильичу еще в Гельсингфорс. Емельянов достал Надежде Константиновне пропуск в Финляндию. Оделась работницей, нахлобучила на брови темный платок, навела под глазами морщины. А глаза молодые. Умные, внимательные Надюшины глаза!

Ключ был от конспиративной квартиры на рабочей окраине Питера, на Сердобольской улице, недалеко от Финляндской железной дороги.

И план, как квартиру найти, Надежда Константиновна привезла. Владимир Ильич план заучил и порвал. А ключ спрятал и теперь ехал с ним в Петроград.

Поезд приближался к станции. Рахья быстро встал, пошел из вагона. Владимир Ильич за ним. На станции слезли, и у Владимира Ильича сердце так и подпрыгнуло. На путях стоял дачный питерский поезд, а у поезда паровоз № 293. „Здравствуй, старый приятель! Выручил меня раз. Еще выручай".

Из паровозного окошка выглядывал машинист Гуго Ялава. Серьезный-пресерьезный, но при виде Рахьи и знакомого кочегара заулыбался: „Что-то поседел наш кочегар!"

Словом, Владимир Ильич возвращался из Финляндии в Петроград на том же паровозе, на ту же станцию Удельная. Эйно Рахья доехал пассажиром в вагоне.

От станции Удельная до Сердобольской улицы верст пять пустырем. В тот студеный октябрьский вечер и вовсе было на улицах пусто. Только ветер гулял да свистел.

Но Надежда Константиновна дожидалась в условленном месте. В драповом полупальто, круглой фетровой шапочке. Владимир Ильич взял ее иззябшую руку. Без перчатки. Никогда не умела она о себе позаботиться! Работа, работа, работа для революции. Где велит партия, куда пошлет партия.

На углу Сердобольской улицы и Большого Сампсоньевского проспекта высился кирпичный, некрашеный дом, мрачноватый на вид. Четырехэтажный, он казался громадным посреди ветхих деревянных домишек.

Владимир Ильич решительно направился к подъезду, будто всю жизнь здесь ходил. Эйно Рахья свер-

нул на Сампсоньевский (сегодняшняя его задача исполнена), а Владимир Ильич впереди Надежды Константиновны поднялся на четвертый этаж. Открыл дверь ключом. От двери пойдет коридорчик. Его комната в конце коридорчика. Налево последняя. Владимир Ильич твердо все это усвоил из плана. В квартире не должно быть никого, кроме хозяйки, Надюшиной подруги, Маргариты Васильевны Фофановой.

Но что такое? Владимир Ильич отпер дверь: голоса. Из одной двери в коридор широко падал свет. Ярко горела над обеденным столом висячая лампа. За столом несколько женщин — по всему видно, учительницы.

— Наша педагогическая цель, дорогие друзья... — услышал Владимир Ильич.

Невероятно, но в квартире собрание! В конспиративной квартире. Именно в этот вечер приезда! Ни на миг не смешавшись, Владимир Ильич торопливо прошел в конец коридора. Немного ссутулился. Он был в седом парике. Он был старичком, быстрым и легким.

— Батюшки мои! — охнула Надежда Константиновна, когда они очутились одни в чистой, поразительно аккуратной комнате, где теперь Владимир Ильич будет жить. — Батюшки мои, как мы с Маргаритой опростоволосились-то!

— Да! — сказал Владимир Ильич.

Он не стал успокаивать Надежду Константиновну, что, мол, ничего, обойдется. Наверное, обойдется, но нельзя так рисковать в такое опасное время!

— Почти три недели ждали тебя! — сокрушалась Надежда Константиновна. — Все не едешь... А сегодня как раз я и не предупредила Маргариту.

— Последнее подполье, надеюсь, — сказал Владимир Ильич.

Открыл окно. Внизу шумел ветер в деревьях. „Должно быть, там сад".

— И птичий питомник, — сказала Надежда Константиновна, всегда угадывая его мысли.

— Смешное соседство! — улыбнулся Владимир Ильич.

Из коридора донеслись обрывки фраз.

— До свидания! — слышен был голос Фофановой: она выпроваживала учительниц.

— Последнее подполье, надеюсь, — повторил Владимир Ильич.

— Очень опасное, очень! — вырвалось у Надежды Константиновны.

Владимир Ильич увидел нескрытую тревогу у нее в глазах. Да, здесь, на Сердобольской улице, было опаснее, чем в шалаше или в Гельсингфорсе.

Сыщики Временного правительства за каждым углом, на каждом шагу.

Здесь так было опасно, что никто, даже члены ЦК партии не знали, где поселился вернувшийся из Финляндии Ленин.

Знали только Надежда Константиновна и связной Эйно Рахья.

НАКАНУНЕ

Через несколько дней Эйно Рахья пришел проводить Владимира Ильича на одно тайное собрание. Был поздний вечер. Магазины закрылись. Неподалеку от дома вывеска с позолоченным кренделем указывала булочную. Дверь на замке. Ставни на запоре. Но длинный хвост, главным образом женщин, протянулся у булочной с запертыми наглухо ставнями. Кутаясь в платки, женщины терпеливо стояли, ежась от холода. У другой булочной тоже. И у третьей. Вечерний Петроград был полон унылыми безмолвными очередями. Давно уже хлеб продавали по карточкам. Полфунта, а то и четверть фунта в день. Надо успеть захватить. Опоздал — и ни за какие деньги куска хлеба не купишь. Женщины становились в хвост у булочных на ночь. Тяжко им было! Мужья на фронте. Война с немцами все тянулась. Мужья и сыновья мучились на фронтах, ни за что пропадали.

— И дома хорошего мало, — сказал Эйно Рахья. — Хозяева закрывают заводы. Заводы стоят. Безработица.

Положение в стране было бедственное. Поезда ходили кое-как. Расписание сломалось. Поезда не везли уголь и сырье на заводы. Не везли хлеб в города.

— Чего ждать? — сказал Эйно Рахья.

— Большевик должен знать чего, — резко ответил Владимир Ильич. — Надо не ждать, а делать рабочую революцию.

С самого начала Февральской революции Ленин убеждал: необходимо добиваться, чтобы Советы стали большевистскими. Тогда рабочий класс сможет взять власть мирным путем. Но меньшевики не соглашались, мешали.

Теперь все изменилось. Мирным путем победы не добьешься. Пришло время брать власть вооруженным восстанием. Не медлить!

В тот октябрьский вечер на тайное собрание пришли члены Центрального Комитета партии. Все знали, что будет Ленин. Они давно не видели его и теперь ожидали с надеждой. Он был неузнаваем в своем седом парике. Но голос, но мысли, но призывы и воля были ленинские.

Готовить вооруженное восстание! Привлекать на сторону рабочих войска. Направить сильнейших большевиков в различные области и по другим городам. Крепче вооружить отряды Красной гвардии на заводах и фабриках. Назначить умных командиров в отряды. Распределить точно, куда двинутся отряды Красной гвардии, когда час пробьет.

Руководить восстанием должен Военно-революционный комитет.

Вот какой план намечен был Лениным. ЦК обсудил. Хороший план. Все правильно, ясно. Все согласились.

Но нашлись двое членов ЦК. Напрасно называли они себя большевиками. Яростно спорили против восстания пролетариата, не соглашались с великим замыслом Ленина, партии. Кто же они, эти предатели? Зиновьев и Каменев.

Зиновьев и Каменев умели рассуждать. Ораторами были отличными. А когда дело дошло до восстания, струсили.

— Разве способен рабочий класс управлять государством? — не верили Зиновьев и Каменев.

И вот теперь, в решающее время, они выступили против восстания. Мало того, в одной меньшевистской газете рассказали о том, что большевики готовят восстание. Где, как, когда — все выболтали Зиновьев и Каменев. Все выложили Временному правительству. А о себе: мы против восстания.

Выдали капиталистам товарищей. Нет, они не товарищи!

„Я говорю прямо, что товарищами их обоих больше не считаю... — гневно писал Владимир Ильич. — ...Трудное время. Тяжелая задача. Тяжелая измена"

Но Ленин не дрогнул. Восстание будет. ЦК вплотную приступил к подготовке восстания.

В СМОЛЬНЫЙ

На берегу реки Невы, где, круто повернув течение, она устремляет путь к устью, в давние времена был в Петербурге Смоляной двор. В огромных чанах варили смолу. Тут и хранили ее для судостроения. А судостроительные верфи расположились через Неву на той стороне.

Потом на месте Смоляного двора построили монастырь, а затем институт для благородных девиц, то есть дворянских дочерей. Вытянутое почти на четверть версты, трехэтажное строгое здание, с колоннами, мраморной лестницей и просторным входом под арками. От Смоляного двора институту пошло название Смольный.

В семнадцатом году после свержения царя институток распустили по домам, а в Смольном разместился Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. И Военно-революционный комитет тоже был в Смольном.

Военно-революционный комитет держал связи со всеми заводами. Организовал на заводах красногвардейские боевые отряды. Двадцать тысяч петроградских рабочих были вооружены и только ждали призыва начинать восстание! Военно-революционный комитет посылал большевистских комиссаров к

матросам Балтийского флота агитировать против буржуазного правительства и господ морских офицеров. Матросы рвались в бой. Целые полки солдат переходили на сторону большевиков и Военно-революционного комитета.

А Временное правительство что? Временное правительство боялось большевиков и рабочих.

„Запрещается рабочим носить оружие! — издало Временное правительство строгий приказ. — Арестовать всех членов Комитета! Найти Ленина, заточить в каземат".

И, конечно, Временное правительство не сидело сложа руки, а всячески старалось собрать силы против большевиков и рабочих, стягивало свои войска к Петрограду, окружало кольцом.

Ленин написал товарищам в ЦК, что нельзя откладывать дальше восстание! Настал час!

Двадцать четвертого октября Владимир Ильич снова послал записку в ЦК. Фофанова сходила в ЦК, принесла ответ. Ленину пока не разрешали выходить из подполья. Любой офицер мог застрелить или зарубить его шашкой, если увидит на улице.

Центральный Комитет партии под руководством Владимира Ильича вел последние приготовления к решительной схватке. Но точный срок восстания еще не был назначен.

Завтра, 25 октября, в Смольном открывается II съезд Советов. Делегаты съехались в Петроград из разных городов и сел.

„Необходимо начать восстание сегодня, до открытия съезда, — думал Владимир Ильич. — Свергнуть Временное правительство и завтра передать власть Советам".

Так Ленин думал. Но шли часы. Послал еще записку в ЦК. Беспокойно было у Владимира Ильича на душе. В этой беленькой квартирке на Сердобольской улице сейчас особенно было ему тяжело. Даже пошагать свободно нельзя: через стену услышат. Скажут: кто там у Фофановой ходит?

К вечеру Фофанова вернулась со службы. Владимир Ильич взволнованно встретил ее.

— Пожалуйста, отнесите еще письмо. Сейчас же, сразу, не раздевайтесь, пожалуйста. Я сейчас...

И он быстро ушел к себе. И написал членам ЦК:

„Товарищи!

Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно".

И дальше он написал, что надо выступить нынче же, свергнуть Временное правительство, взять власть. История не простит нам, если мы не решимся сегодня. Завтра может быть уже поздно. Сегодня последний и окончательный срок.

— Скорее несите письмо! — торопил Ленин Фофанову.

И остался один. Как неспокойно! Сел, к чему-то прислушиваясь. Чего-то будто ждал.

И вдруг и верно у входной двери раздался звонок. Пришел связной Эйно Рахья:

— Что в городе делается, Владимир Ильич!

Вот что было в городе. Был сырой, неприютный вечер. Резкий ветер рывками налетал с Невы. Тяжелый туман окутывал улицы. Падал мокрыми хлопьями снег. Или принимался сеять меленький дождь. И сеял, и сеял... Но люди группками собирались то здесь, то там под воротами. Пронесется грузовик, полный солдат или рабочих с ружьями. Где-то трахнет выстрел. Застрочит пулемет. Снова тихо, тревожно. Возле мостов горели костры, красногвардейцы несли караул. Днем Временное правительство распорядилось разводить мосты над Невой. Прискакали юнкера, согнали пешеходов, остановили движение. Но только один Николаевский мост развели. Подоспели наши. Прогнали юнкеров.

Если бы юнкерам удалось развести мосты, была бы беда: все районы оказались бы друг от друга отрезанными. Тут поодиночке юнкера и разбили бы революционных рабочих.

Вот что рассказал Владимиру Ильичу связной Эйно Рахья.

Владимир Ильич выслушал. Помолчал и стремительно поднялся со стула. Не говоря ни слова, вытащил из комода свой старый парик. „Что это он?" — встревожился Рахья. Партия поручила ему охранять Ленина, ему, рабочему-большевику Эйно Рахье.

— Куда вы, Владимир Ильич?

— Немедленно в Смольный! — твердо ответил Владимир Ильич.

— Да ведь убьют вас. На юнкеров нарвемся — застрелят!

Владимир Ильич не спорил. Знай себе налаживал перед зеркалом парик. Надел старый пиджачишко, пальто. И Рахья понял, что напрасно отговаривать, и стал сам собираться.

Придумали они еще завязать Владимиру Ильичу щеку, будто болят зубы, тогда уж и вовсе трудно будет узнать.

И вышли из дому. Владимир Ильич пошел в Смольный.

НАЧАЛОСЬ

Легко сказать — пошел. Десять верст от Сердобольской до Смольного! Трамваев не видать, не слыхать. Люди попрятались. Темь непроглядная. Под ногами чавкала грязь и растаявший снег. Ветер резал лицо.

Владимир Ильич шел, слегка нагнув голову, выставив грудь навстречу ветру. Эйно Рахья на своих длинных ногах едва за ним поспевал.

— Стой, стой! — во все горло закричал Эйно Рахья, увидев приближающийся к остановке трамвай.

Трамвай и сам стал. Вскочили на подножку. Трамвай, почти пустой, следовал в парк. Повезло. Хоть полдороги доехать.

Владимир Ильич зорко вглядывался в темноту, в глухую осеннюю ночь. Грузовик, полный вооруженных солдат, поравнялся с трамваем и умчался вперед. Еще грузовик обогнал.

— Лихо нынче буржуям придется,— сказал кто-то.

— Сворачиваем в парк, вылезайте, — объявила кондукторша.

Снова Владимир Ильич и Эйно Рахья шагали ночными пустынными улицами. На юнкеров не нарваться бы!

И вот как раз послышался цокот копыт по булыжнику. Два юнкера верхами:

— Пропуск!

Один туго натянул поводья. Конь, заломив шею, вздыбился.

— Пропуск! — требовал юнкер, тесня конем Эйно Рахью.

На старика юнкера не обратили внимания. Чего с деда взять? Держась за подвязанную щеку, дед просеменил мимо вздыбленной лошади.

— Какой такой пропуск? — притворяясь простачком, отговаривался Эйно Рахья, стараясь выиграть время, пока Ленин уйдет. — Знать не знаю, где и добывать-то его. Да зачем? Без пропуска человека рабочего видно.

Юнкер с ругательством занес над головой Рахьи нагайку.

— Брось ты его, — кинул другой.

Они ускакали. Эйно Рахья бегом поспешил догонять Владимира Ильича. Он уж револьвер в кармане нащупывал. Не снес бы нагайки.

— Спасибо, — коротко сказал Владимир Ильич.

Огромное поле перед Смольным, перерезанное мостовой, поросшее тощими деревцами и редким кустарником, было людно и шумно. Горели костры. Стреляли в небо пучками огненных искр. Солдаты топтались у костров, грелись. Один за другим подъезжали грузовики. Соскакивали с грузовиков вооруженные матросы и рабочие. Валом валили в Смольный. Господских пальто и фетровых котелков было не видно. Все простой люд.

Доносилась с поля команда:

— Отряд, стро-ойсь!

Слышались зовы:

— Путиловцы где? Откликнитесь, путиловцы!

— Братцы, семянниковцев не видели?

Толпа гудела. Все поле было в движении. Возле Смольного стояли орудия. Часовые караулили входы. Окна всех трех этажей длинного здания Смольного ярко светились. Величественно было это зрелище освещенного Смольного и возбужденных, с горящими глазами, людей. За спинами щетинились дула винтовок.

У Владимира Ильича сильно билось сердце. Настал день, ради которого он жил.

Их пропустили в Смольный. Для входа в Смольный у Эйно Рахьи нашлись пропуска.

Владимир Ильич, в распахнутом пальто, руки в карманы, забыв о дедовском парике, стремительно прошел коридором, людным и тесным от ящиков с патронами и штабелей винтовок. Взбежал на третий этаж, в комнату Военно-революционного комитета.

Члены комитета все были в сборе. Шло заседание. Кто стоял, кто сидел. Секретарь писал протокол. Вот уже полсуток шло заседание. Обсуждали план выступления.

Непрерывно вбегали связные Красной гвардии, воинских частей и заводов.

Ленин вошел. Снял кепку. Вместе с кепкой снялся парик. Навсегда. Отслужил службу.

— Ленин! — узнали все.

Председатель Военно-революционного комитета Николай Ильич Подвойский, исхудалый, с воспаленными от недосыпаний глазами, кинулся к Ленину:

— Владимир Ильич!

Как он обрадовался приходу Владимира Ильича! Будто силы и смелости прибыло с Лениным. Подвойский нетерпеливо ждал, что он скажет.

— Промедление смерти подобно! — быстро, решительно сказал Владимир Ильич. — Надо захватить телеграф, телефонную станцию, вокзалы, мосты. Без промедлений. Сейчас. В эту ночь.

Связные вбегали в комнату, где помещался Военно-революционный комитет, штаб революции, куда пришел Ленин.

— Ленин пришел! Ленин! — полетело по Смольному.

Связные входили и получали приказы. Военно-революционный комитет приказывает: занять телеграф, телефонную станцию, вокзалы, мосты. Занять все правительственные учреждения.

— Красная гвардия, строить-ся! — гремело на поле перед Смольным.

Горели костры. Грузовики, полные вооруженных рабочих, уезжали в мрак и ненастье октябрьской ночи. Уходили солдаты и матросы.

В ночь с 24 на 25 октября вооруженный пролетариат и революционные войска взяли в свои руки Петроград, столицу России.

Великая Октябрьская социалистическая революция совершилась.

ЗИМНИЙ ВЗЯТ

А Временное правительство со своими защитниками засело в Зимнем дворце. Зимний дворец одним фасадом выходит на Неву. Другой фасад смотрит на громаднейшую Дворцовую площадь. Белые колонны и статуи украшают дворец. По карнизам высятся колоссальные фигуры и вазы. Золоченый орел распахнул крылья над башней, а раньше еще развевался на мачте императорский штандарт.

Раньше в Зимнем дворце жили цари.

Ленин сказал председателю Военно-революционного комитета Подвойскому:

— Весь Петроград в наших руках, а Зимний не взят. Немедленно надо захватить Зимний и арестовать Временное правительство.

— К штурму готовы! — ответил Подвойский.

25 октября, в первое утро Октябрьской революции, люди читали обращение Ленина „К гражданам России!".

Ленин писал, что Временное правительство свергнуто, власть перешла в руки Советов. Революция победила.

Верно, все так и было. Никакой у Временного правительства власти не оставалось, но министры его заперлись и сидели в Зимнем дворце.

— Что же это получается? — строго сказал Ленин Подвойскому.

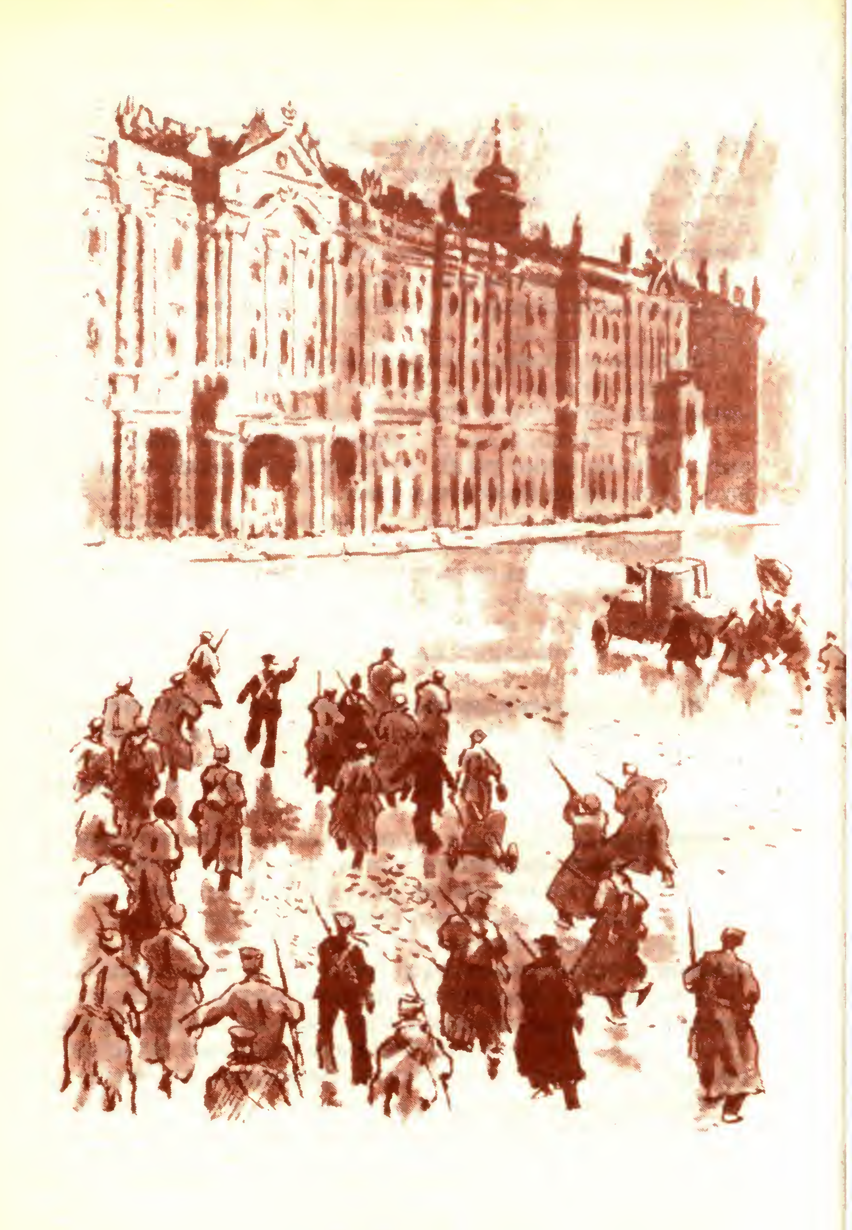
— Сегодня Зимний будет наш! — ответил председатель Военно-революционного комитета. Выбежал из Смольного и поехал на автомобиле проверять, как выполняется план взятия Зимнего.

Красногвардейским отрядам и революционным полкам отдан приказ: окружить Зимний дворец!

Рабочие и солдаты захватили возле Зимнего все проспекты и улицы. Брали Зимний в кольцо. Громыхали колесами пушки, занимая позиции. Медленно входили в Неву миноносцы. Двигались к Зимнему. Развернувшись, вставали на якорь.

И трехтрубный крейсер „Аврора", с белыми бортами, обшитыми медью, целил на Зимний жерло орудия. Зимний в осаде. Было это в ночь на 26 октября 1917 года.

А люди помнили Кровавое воскресенье 1905 года. Здесь, перед этим дворцом, на Дворцовой, обширной и праздничной, площади сошлись толпы рабочих. Со всех питерских заводов и фабрик. Мирно

шли к царю. С иконами. „Батюшка-царь, помоги, сил не стало терпеть, с голоду пухнем".

Тысячи рабочих были убиты и ранены в то воскресенье на Дворцовой площади перед Зимним дворцом.

Настал октябрь 1917 года. Теперь рабочие пришли сюда не с иконами.

— Страшись, Зимний дворец!

— Долго ли будем тянуть? — волновались и ругались солдаты. — Кто нами командует?

Комиссары и члены Военно-революционного комитета на машинах и горячих конях объезжали солдатские цепи.

— Товарищи, потерпите, вот сил побольше подтянем, чтоб наверняка бить буржуев, без промаха. Товарищ Ленин восстанием командует.

— Ленин! — летело по солдатским и рабочим цепям. — Братцы, товарищ Ленин восстанием командует.

Ленину в Смольный непрерывно сообщали как идет окружение Зимнего. Ленин с карандашом наклонялся над планом. В этих улицах размещены такие-то части. Такой-то полк здесь... Сюда надо добавить людей. Прибыли матросы из Кронштадта. Крейсер „Аврора" в готовности.

— Товарищи, время. Начинайте штурм! — сказал Ленин.

Холодный ветреный вечер опустился на город. Дома притаились с запертыми подъездами. Чуждо глядели темные окна домов. На улицах зажигали

костры. Ветер нес едкий дым. Гнал тяжелые тучи над Питером.

А Зимний тоже не спал. Тоже готовился к схватке. Юнкера и офицеры сложили из дров баррикады. Загородили дворцовые входы и выходы. Расставили между баррикад пулеметы.

Зловещая тишина была вокруг Зимнего.

Из Смольного прикатил самокатчик на мотоцикле. Снова Военно-революционному комитету посыльный от Ленина.

— Немедля идите на штурм. Кончайте с Зимним. Пора.

И вот во мраке, в ночной тишине ухнуло над Невой, разорвалось, прокатилось, сотрясая воздух от земли до небес. И долго эхо повторяло: тра-ах, тра-ах...

Это дала сигнальный выстрел „Аврора". Условный знак к штурму.

Словно поднятые волной, солдаты и красногвардейцы поднялись, кинулись к Зимнему. Цепь за цепью катились лавины бойцов. Из ближних улиц открыла стрельбу артиллерия. Трещали пулеметы. С ревом выехал на Дворцовую площадь броневик, поливая огнем дровяные баррикады, заградившие Зимний. И юнкера побросали оружие и побежали во дворец.

— Ура! — кричали, преследуя юнкеров и офицеров, красногвардейцы и солдаты.

— Ура! — Они расшвыривали поленья, карабкались на баррикады, соскакивали на ту сторону.

— Ура! Да здравствует рабочая революция!

Красные отряды ворвались во дворец. И... зарябило в глазах. Роскошь-то, богатство-то, золото, блеск! Коридоры, коридоры, комнаты.

Сотни комнат и залов. Хрустальные люстры, бархат и шелк, картины и статуи, драгоценная мебель, зеркала.

Какой-то красногвардеец пырнул штыком зеркало в золоченой оправе. С хрустом брызнули осколки стекла.

— Сдурел?! — закричали на красногвардейца. — Нынче это не царское добро. Наше, народное.

— Товарищи, соблюдайте революционный порядок! — забравшись на бархатный стул, агитировал командир отряда.

Красногвардейцы и солдаты катились дальше, дальше, из комнаты в комнату, из зала в зал. Винтовка наперевес, рука на затворе. Самые смелые и

руководители впереди: Антонов-Овсеенко, Еремеев, Подвойский... Дворцовые служители, в синих ливреях с позументами, в ужасе пятились. Министры Временного правительства сбились в одном зале. Юнкера защищали их.

— Юнкера, офицеры, сдать оружие. Господа министры, вы арестованы.

Была глубокая ночь, но в Смольном ярко сверкали огнями все окна. Люди толпились на лестницах, и в коридорах, и в комнатах. Все были возбуждены. Нетерпеливо ждали вестей. Что на Дворцовой площади? Как идет бой?

И Ленин, полный ожиданий, был в Смольном. По виду спокойный, проводил совещание.

Громко стуча каблуками, вошел председатель Военно-революционного комитета Подвойский. Лицо залубенело от октябрьской стужи и ветра. Откозырял по-военному.

— Товарищ Ленин! Докладываю, Зимний взят.

Ленин вскочил. Подошел. Обнял Подвойского крепко-крепко.

ПЕРВЫЙ ДЕКРЕТ

Вторые сутки члены Военно-революционного комитета работали без отдыха. Антонов-Овсеенко, Бубнов, Дзержинский, Подвойский, Свердлов и много других большевиков. Вторую ночь Владимир Ильич не сомкнул глаз. Надежда Константиновна поглядела на его радостное и живое, но такое осунувшееся лицо и вздохнула.

— Отдохнуть Владимиру Ильичу надо бы, а дома-то у нас нет. К нашим далеко. Ума не приложу, где его устроить, — сказала она Бонч-Бруевичу.

Бонч-Бруевич был товарищем и помощником Ильича с женевских времен. Писал в газету „Искра". Переправлял из-за границы партийную литературу русским рабочим, а в 1905 году — оружие.

— А моя квартира на что? — воскликнул Бонч-Бруевич. — И недалеко и спокойно.

И сейчас же потащил Владимира Ильича с Надеждой Константиновной к машине, которая стояла у Смольного.

Владимир Ильич как сел на заднее сиденье, так и уснул. А когда приехали через четверть часа, проснулся будто ни в чем не бывало.

— Поужинаем чем бог послал, — сказал Бонч-Бруевич.

Тихонько, чтобы никого в квартире не разбудить, они собрали на стол. Хлеба нашлось, кусочек сыра да молоко.

— Великолепный ужин! — похвалил Владимир Ильич. — А есть как хочется!

И они стали ужинать и все вспоминали, что произошло за эти дни, какие события. Рабочая социалистическая революция свершилась. Теперь навеки ей будет наименование: Великая Октябрьская социалистическая революция!

Они размечтались о будущей жизни и опять забыли про сон. Хозяин наконец воспротивился:

— Ложитесь, а то ведь свалитесь, Владимир Ильич! А вам сейчас болеть воспрещается.

И он проводил Владимира Ильича в свою комнату, где у окошка стоял письменный стол. Владимиру Ильичу без письменного стола да без пера невозможно. Надежду Константиновну положили спать у хозяйки на диване.

Владимир Ильич погасил электричество. Но уснуть не мог. Совершенно не мог! Мысли толпились в голове. С завтрашнего дня надо строить новое государство. Будет первое в мире рабоче-крестьянское государство. Не бывавшее никогда, во всем свете, нигде.

Планы один за другим, один другого значительнее являлись Владимиру Ильичу. Он знал учение Маркса. Идеи Маркса вели Ленина в революционной борьбе. Маркс всегда приходил на помощь. А создавать рабоче-крестьянское Советское государство надо самим, своим трудом, своим разумением.

Владимир Ильич прислушался. Тишина в доме. Всех сморил сон. И неугомонный Бонч-Бруевич угомонился, должно быть. Владимир Ильич зажег свет и сел за письменный стол. В окно глядела черная ночь. Минуту Владимир Ильич сидел без движения, слегка склонив голову, словно вслушиваясь в свои мысли. Он был очень серьезен и задумчив в эту глухую, темную ночь.

Взял перо и быстро начал писать.

Ленин писал, что помещичьи, церковные, монастырские земли и земли всех богатеев переходят бесплатно крестьянам. Кто не работает на земле, тому земли нет. Кто работает на земле, тому землей и владеть.

Ленин писал о том, что было вековечной мечтой и надеждой народа. Новая жизнь в Советском государстве начиналась с мечты.

Как легко дышалось Владимиру Ильичу, как хорошо! А над Петроградом, после волнений, залпов и штурмов, бесшумно шла ночь. В темной улице одно светилось окно. Так и в Шушенском было. Все село спит. Только у ссыльного Ульянова горит зеленая лампа.

Владимир Ильич положил перо. В небе чуть заяснело. Близилось утро.

„Часа два успею соснуть", — подумал Владимир Ильич и лег. И только опустил голову на подушку, в ту же секунду уснул крепким сном.

На столе лежал исписанный лист.

За окном набирало силу утро. Небо белело. Вот из мутных облаков вырвалось солнце, забежало в комнату, где спал Владимир Ильич. Скользнуло по листу. И осветило торжественный на листе заголовок: „ДЕКРЕТ О ЗЕМЛЕ".

БЕЛЫЙ ЗАЛ С КОЛОННАМИ

Раньше здесь устраивались празднества. Бывали балы. Играла музыка. Скользили по навощенному паркету атласные башмачки институток. Сама государыня императрица, в сопровождении фрейлин, приезжала иной раз на бал. Обмахиваясь веером, милостиво наблюдала за танцами.

Да разве снилось солдату, бедняку с Орловщины, что когда-нибудь приведется вступить в этот белый с колоннами зал? Его и близко-то не подпустили бы к Смольному: „Ступай прочь, деревенщина, неумытое рыло!"

А сейчас... делегатом на II съезд Советов приехал солдат.

Белый зал Смольного был полон народу. И делегаты тут собрались и не делегаты. Матросы в тельняшках и бушлатах, с ручными гранатами за поясом. Красногвардейцы с винтовками, вчера бравшие штурмом Зимний дворец. Бородатые мужики — эти из дальних мест, делегаты сельских Советов. А то рабочие с заводов и фабрик — по косовороткам узнаешь.

Стулья и скамейки были сплошь заняты. Люди сидели на подоконниках, на полу. Стояли. У всех приколоты красные ленточки. Цветисто от красного. Дымно от табаку, шумно.

— Наша взяла. Долой буржуев! Вся власть Советам!

Солдат с Орловщины озирался по сторонам и все примечал.

И высокие потолки этого важного зала. И мраморные колонны. И на передней стене золоченую раму в человеческий рост. Портрет царя скинули, а пустая рама осталась.

Всю эту необычайную обстановку солдат удивленно оглядывал, а сам с нетерпением ждал, когда выйдет Ленин и станет говорить народу речь. Все ждали.

Немало здесь было делегатов I съезда. Тогда в июне, на I съезде, товарищ Ленин тоже говорил речь и призывал Советы брать власть.

„Башковитый, как ладно удумал, — рассуждал про себя орловский солдат. — Добились, стряхнули буржуйскую власть, а дальше как станем жить?"

Тут вокруг зашумели:

— Ленин! Ленин!

Многие повставали с мест, чтобы лучше увидеть, как выходят члены президиума.

И солдат вскочил и глядел во все глаза.

Вышли члены президиума. Сели за стол. Один в черной кожаной куртке, стеклышки со шнурком на глазах. Вроде военный, а вроде и нет. По виду решительный.

— Свердлов, — объяснили солдату.

И Феликса Эдмундовича Дзержинского, боевого большевика, показали — высокий, худощавый. И председателя Военно-революционного комитета Николая Ильича Подвойского — лицо приятно, взгляд открытый, прямой.

Но вот председатель объявил, что заседание съезда открыто, и дал слово товарищу Ленину.

Солдат вытянулся, чтоб хорошенько разглядеть, какой такой Ленин. А он коренастый, роста не больно высокого. Брови, чуть будто надломленные, разбежались к вискам. А глаза так в душу и смотрят...

Ленин быстро поднялся на трибуну. И весь зал поднялся. Встал как один человек.

— Да здравствует Ленин! — кричали люди.

Не хотели умолкнуть. Летели вверх матросские бескозырки и шапки.

— Да здравствует Ленин!

Ленин стоял на трибуне. И видел в зале, перед собой, счастливые лица. Видел людей в простой, бедной одежде. Тут не было господ в сюртуках и белых манишках и дам в модных костюмах. Тут были рабочие, крестьянские и солдатские делегаты. Трудовой народ. Перед этим народом Ленин чувствовал себя в ответе за его долю и счастье.

Он поднял руку. Он просил слова. И зал постепенно утих. Но люди не садились, слушали Ленина стоя. И орловский солдат, крепко сжимая винтовку, весь обратился в слух, ловил каждое слово.

Ленин сказал речь о мире. Рабочим и крестьянам война не нужна. Советскому государству война не нужна. Кончать надо с войной. Рабочие люди хотят мирной жизни. И Ленин прочитал Декрет о мире. Он написал этот декрет нынче утром, когда пришел от Бонч-Бруевича в Смольный.

С каким вниманием и волнением делегаты слушали Ленина!

Четвертый год шла война с немцами. Народ замучился от этой войны, исстрадался.

„Так вот какая она, наша Советская власть, справедливая власть, о народе заботится!" — думал орловский солдат.

Загремело „ура!". Мраморные колонны Белого зала не слыхивали такого громового „ура!". Такого могучего и грозного пения.

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов, –

воодушевленно пели сотни людей.

Мы наш, мы новый мир построим:
Кто был ничем, тот станет всем!

Потом Ленин прочитал Декрет о земле, который написал ночью в квартире Бонч-Бруевича. И снова делегаты, особенно крестьянские, одобрили ленинский декрет.

II съезд Советов, собиравшийся 25 и 26 октября 1917 года в Белом зале Смольного, был знаменитый, замечательный съезд. На этом съезде Ленин объявил Советскую власть.

На этом съезде Ленин прочитал делегатам декреты о мире и земле, и съезд их утвердил.

Еще съезд утвердил народных комиссаров. И назначил Председателем Совета Народных Комиссаров Владимира Ильича Ленина.

Так составилось первое Советское правительство.

Съезд работал всю ночь, только под утро закрылся.

Делегаты сразу начали разъезжаться по домам — в Орловскую, Казанскую, Ярославскую и все другие губернии. В города. В воинские части и флот.

— Скорее, товарищи, поезжайте домой, — торопил делегатов Владимир Ильич. — Рассказывайте о нашей победе. Рабочая революция победила. У нас теперь Советская власть. Укрепляйте повсюду, по всей России Советскую власть.

ТАК ОНИ ЖИЛИ

Надежда Константиновна шла длинным, широким коридором Смольного. Был вечер. Надежда Константиновна возвращалась с работы. Денек выпал нелегкий. С учителями провела совещание. С рабочими. Надо организовать школы, библиотеки, детские дома, рабочие клубы. По-новому надо налаживать просвещение, для пользы трудящихся. Она устала и с удовольствием после трудового дня возвращалась домой.

Дом их был в Смольном. Поселились Ильичи в комнате, где раньше жила классная дама. Высоченная, длинная комната с одним окошком во двор. Низкой перегородкой отгорожена спаленка. Там две железные кровати поставлены, покрытые одеялами из солдатского, грубой шерсти, сукна. Печка еще была в спаленке.

„Догадался бы Желтышев печь истопить, — подумала Надежда Константиновна. — Вот было бы здорово".

Желтышев был пулеметчиком. Со своим полком боролся в Октябре за Советскую власть. Теперь этот пулеметный полк нес в Смольном охрану. А Желтышева к Председателю Совета Народных Комиссаров приставили.

Только Надежда Константиновна о нем вспомнила, а он тут как тут.

— В столовку откомандировался за ужином, — объявил Желтышев. Махнул свободной рукой: — Гляньте, Надежда Константиновна, затихает помаленьку.

По обеим сторонам в коридор выходили двери, двери. Из некоторых еще доносились голоса, телефонные звонки и стук машинок. Но больше в такой поздний час было комнат за дверями утихших.

— А Владимир Ильич все не идет, — вздохнул Желтышев. И как бы самому себе разъяснил: — Обо всем народе заботиться надо. А народ-то разбуженный, бо-ольшущего ума требует.

Он заметил утомленность Надежды Константиновны:

— Иззябли, чай? Холодюга на дворе, зима наступила. Погрейтесь ступайте.

Значит, вытопил печь. Умница Желтышев, молодец! Вправду на дворе холодно.

Надежда Константиновна поспешила к себе. Вход в комнату вел через умывальную. Кранов,

наверное, двадцать насчитаешь по стенам. Раньше здесь умывались институтки. „Теперь все двадцать для нас", — подшучивала Надежда Константиновна. Другого богатства, кроме казенных умывальников, у них с Владимиром Ильичем не было. Мебель в комнате стояла самая простецкая. Шкаф, да буфетик, да маленький письменный стол.

Да напротив диван и два кресла в полотняных чехлах и круглый столик. За ним и обедали, а иногда и серьезные государственные вопросы обсуждали.

Надежда Константиновна сняла шубу и стала у печки. У печки тепло. А Владимира Ильича нет и нет. Он потому и выбрал в Смольном жилье, что от работы близко. На лифтике поднялся на третий этаж, и сразу Предсовнаркома рабочий кабинет и приемная. В кабинете Предсовнаркома решалось все строительство новой, социалистической жизни. Отсюда выходили декреты о том, что больше навеки нет в России дворянских и купеческих званий, что железные дороги, морской и речной флот, банки — все принадлежит государству. И заводы и фабрики перейдут государству, и рабочий класс сам будет управлять производством.

Все было ново, необыкновенно. Все создавалось впервые, только в нашей, Советской стране.

А в приемную к Ленину с утра до ночи шли рабочие, крестьяне, солдаты, матросы. Советоваться, как строить эту новую рабоче-крестьянскую жизнь.

„Должно быть, не выберет время поужинать", — подумала Надежда Константиновна об Ильиче.

Шаги. Не он ли? Так и есть! Его шаги, быстрые, легкие. Дверь из умывальной открылась, и появился Владимир Ильич.

— Перерыв решил сделать, — с веселым блеском в глазах заговорил Владимир Ильич. — Взглянул в окно — зима на дворе. Прогуляемся, Надюша, по молодому снежку, а? Как ты смотришь?

— Я так смотрю, что в девять вечера пора бы работу до завтра вовсе кончать, — резонно ответила Надежда Константиновна.

— Вот к товарищу Желтышеву это прямо относится! — сказал Владимир Ильич, видя входящего в эту минуту Желтышева. — Товарищ Желтышев, извольте тотчас отправляться на отдых. Извольте, извольте! — решительно повторил Владимир Ильич.

Желтышеву ничуть не хотелось отправляться на отдых. Ему нравилось заботиться о Владимире Ильи-

че. Приносить на ужин пшенную кашу. Ходить в киоск за газетами. Протапливать печь.

А сегодня у Желтышева была особая причина не спешить уходить.

У него был для Надежды Константиновны сюрприз. Вытащил из кармана малюсенькое круглое зеркальце.

— Институтская ученица оставила. А я подобрал. Надежда Константиновна, может, когда промеж работы причесаться или что другое занадобится, для такой причины в самый раз подходяще. — И он протянул подарок и оглянулся: одобряет ли Владимир Ильич?

Должно быть, Владимир Ильич ото всей души одобрял, потому что раскатился своим заразительным смехом. Потом потер лысину и сказал:

— Эх я, недогадливый! Ни разу не догадался, Надюша, купить тебе зеркальце.

— Где уж тебе догадаться! — посмеялась Надежда Константиновна.

А Желтышев весь расцвел и отправился, довольный, на отдых.

— Что за люди, чистое золото! — бормотал он, покачивая головой и широко улыбаясь.

А Надежда Константиновна с Владимиром Ильичем поужинали пшенной кашей, скупо политой подсолнечным маслом. И Владимир Ильич снова позвал Надежду Константиновну подышать выпавшим снегом. Любил он первые зимние дни! Чистоту, белизну пушистого снега.

Надежда Константиновна надела меховую шапку, погляделась в подаренное зеркальце.

— Постарела я, Володя.

— Нет, нисколько! — живо ответил Владимир Ильич.

Ее прямые чудесные волосы начинали седеть. Тонкие морщинки прочертили лоб. Но Владимиру Ильичу она казалась прежней, какой он ее помнил. Он помнил ее в шушенский вечер, когда она приехала в ссылку и привезла ему зеленую лампу. Почти всю дорогу держала лампу в руках.

— Ты очень устаешь на работе? — тревожно спросил Владимир Ильич.

— Не очень.

Она никогда не жаловалась.

— Сердце только иной раз примется бежать вскачь, — сказала Надежда Константиновна.

И заторопила Владимира Ильича на прогулку.

Она ведь знала, что это лишь перерыв. Что после прогулки Владимир Ильич поднимется на лифте на третий этаж и до глубокой ночи в кабинете Предсовнаркома не будет работе конца. Работе и мыслям. О том, как строить государство первое в мире. Государство крестьян и рабочих.

НЕ УМЕЕМ — НАУЧИМСЯ

На посту у входа в Смольный стоял солдат:

— Пропуск!

И загородил винтовкой троим рабочим дорогу. Двое постарше, с бородами. Третий довольно еще молодой. Молодого звали Романом.

— Где у вас тут пропуска-то дают? — поинтересовался один, спокойно отстраняя винтовку.

— Но-но... не балуй! — прикрикнул солдат. — Комендатура пропусками заведует.

В это время как раз сам комендант Смольного, бывший матрос товарищ Мальков появился в подъезде. Бушлат распахнут, под бушлатом тельняшка.

— Кого вам, ребята?

— Ленина надобно. Причина есть важная, — ответил Роман.

— Безотлагательно, — добавил другой.

— Ишь какие, — протянул, оглядывая рабочих, Мальков. — А в Октябрьские дни где были?

— Зимний брали. Где же еще?

Через четверть часа все трое входили в приемную Совнаркома. Большая комната. Обставлена бедно. Два деревянных дивана перегородили на две половины приемную. И там стол и здесь стол да несколько стульев — вот и вся обстановка.

Рабочие перекинулись взглядом: просто, по-нашенски. Намотали на ус.

Секретарь проверила пропуска, пропустила. Дальше шла канцелярия. Там тоже столы. На одном — пишущая машинка. Два шкафа, телефоны с деревянными ручками. И еще вешалка у двери. Дверь вела в рабочий кабинет Ленина.

Рабочие сняли ватные куртки, повесили. Ушанки втиснули в рукава. Одернули косоворотки.

Секретарь отворила дверь в кабинет:

— Проходите, пожалуйста. Товарищ Ленин вас ждет.

— Не осерчал бы? — шепнул Роман спутникам.

Но было уже поздно — они перешагнули порог в рабочий кабинет Предсовнаркома. И он сам, товарищ Ленин, поднявшись из-за стола, встречал их, невысокий, подвижный, с искрой в живых глазах:

— Здравствуйте, товарищи. Садитесь, пожалуйста!

Усадил. И сам сел. Не через стол от рабочих, а рядом. В руке карандаш, он им помахивал и быстро-быстро кидал вопросы:

— С какого завода? Какой специальности? Как дела на заводе? Есть ли сырье? Действует ли рабочий контроль?

Владимир Ильич заметил, рабочие мнутся, медлят с ответами. Владимир Ильич положил карандаш, всунул пальцы за проймы жилета, откинулся на спинку стула и ждал.

— Докладывай ты, — подтолкнул пожилой молодого.

И другой локтем в бок:

— Роман, излагай.

У Романа горло осипло. В Октябрьские дни, с винтовкой наперевес, перемахивая через три ступеньки, вбегал роскошной мраморной лестницей в Зимний дворец. Юнкера отстреливались из-за углов. Но Роману было не страшно. Будто крылья несли его.

Товарищ Роман, что же сейчас-то ты заробел? Ведь Ленин с тобой говорит. Ленин все понимает. Он наш.

— Владимир Ильич, с поклоном мы к вам...

— Нет, нет! Поклонов не надо, — строго отрезал Владимир Ильич. — Что за дело у вас? Давайте откровенно, по-дружески.

И улыбнулся. Так хорошо улыбнулся.

И от ленинской улыбки Роман осмелел и без утайки рассказал, какая важная причина привела их к Председателю Совета Народных Комиссаров. Хотелось бы Роману с товарищами рассказать Владимиру Ильичу про завод, да не работают больше они на заводе. Из рабочего класса откомандировали их в народный комиссариат, или, короче сказать, наркомат. Царские чиновники разбежались, не пожелали с Советской властью сотрудничать. Кто не убежал, волынку вместо работы волынит. Прислали рабочих...

— Советской власти на подмогу прислали? — живо перебил Владимир Ильич.

— Вроде так.

— И что же?

Владимир Ильич сощурился и не сводил с Романа испытующих глаз. Роман в замешательстве пригладил русые волосы. Как на горячих углях сидел.

— Не получается, Владимир Ильич.

Стыдно признаваться. А зачем и пришел? Затем, чтобы прямо сказать: „Не выходит. Не умеем. Не можем".

— Товарищ Ленин, Владимир Ильич, — вставил рабочий постарше, — прикажите обратно в рабочий класс нас вернуть. Трудно нам.

Третий подхватил:

— На заводе с пользой работали. А в наркомате тычемся, ровно слепые.

Они просили так убедительно! Наверное, Владимир Ильич согласится, и рабочие с чистой совестью вернутся к станкам.

Он все молчал. И они замолчали.

— Вы думаете, мне легко управлять государством? — вместо ответа спросил Владимир Ильич. — Вы думаете, у меня опыт есть? Ведь я никогда не был Председателем Совнаркома. И другие наши наркомы никогда не были прежде наркомами.

Один рабочий нерешительно покачал головой:

— Больно уж внове все.

— Так старое-то мы с вами сломали! Кто вместо нас станет устраивать новое?

И Ленин повеселел, ближе придвинулся со стулом к рабочим и стал уговаривать, объяснять. Конечно, трудно рабочим в наркоматах без знаний. Зато есть пролетарское чутье. Надо нашу, партийную, советскую линию проводить в наркоматах. Кроме рабочих, кто будет ее проводить? Всюду рабочий глаз нужен, рабочий контроль.

— А ну как ошибемся, Владимир Ильич?

— Ошибемся — поправимся. Не умеем — научимся. Итак, товарищи рабочие, — вставая, твердо сказал Владимир Ильич, — партия послала вас, выполняйте долг. — И с ободряющей и доброй улыбкой повторил: — Не умеем — научимся.

После такого разговора с Лениным у рабочих робость пропала. Владимир Ильич заразил их уверенностью: силы будто втрое прибавилось. Теперь с утра до ночи не будут вылезать из наркомата, пока не поймут всю механику.

— Обещаем, товарищ Ленин, долг выполним, — сказали рабочие.

И все трое вышли из кабинета Председателя Совнаркома уверенные. И говорили между собой, что правильно Владимир Ильич рассудил: наше рабоче-крестьянское государство, нам и в ответе быть за него.

ТЯЖЕЛЫЙ УРОК

Четырехлетняя война разорила страну. В Петрограде все лютее был голод. По карточкам давали четверть фунта хлеба, и все. А это кусочек величиной с пол-ладони. Будешь ли сыт таким кусочком? На завтрак не хватит, не то что на целый день. Да варили на обед селедочный суп. Так в рабочих семьях, так в Совнаркоме. И Владимир Ильич так же жил и получал такой же скудный паек.

Ленин собирал Совнарком ежедневно — очень дел было много. Все неотложные. Как бороться с голодом — первое неотложное дело. Не один Питер, все города голодали. А хлеб был в России. В Сибири был и в Поволжье. Надо из деревень раздобыть хлеб и по голодающим городам развезти — кажется, просто? Ох, не просто! Железнодорожный транспорт расстроен. Значит, надо в первую очередь налаживать транспорт. Ведь и топиться городам нечем: дров нет, угля нет. Так давайте скорее налаживать транспорт! Не тут-то было! Всюду полно саботажников, спекулянтов. Спекулянты на народном бедствии хотели нажиться, саботажники — подорвать революцию. За ними буржуазия стояла. Буржуазия ненавидела Советскую власть. Буржуи, царские чиновники, спекулянты портили, вредили, мешали. Буржуи надеялись: вот придут немцы, свергнут Советы, тогда заживем. Только и мечтали о немецкой победе.

Было о чем задуматься Ленину!

У немцев сохранилась еще сильная армия. А у нас старая, царская, разваливалась. Офицеры бросали позиции, уходили. Солдаты рвались домой. Страшная опасность нависла над родиной.

,,Что делать?" — думал Ленин. Днем и ночью собирались члены ЦК партии, народные комиссары. Обсуждали, решали, как быть.

— Товарищи! Мы подписали Декрет о мире, надо кончать войну с немцами, — говорил Ленин.

И Совнарком послал немецкому командованию предложение о мире. Немецкие власти согласились. Условие немецкое было: все земли, которые немцы захватили у нас во время войны, переходят к ним.

— Примем условия, другого выхода нет, — сказал Владимир Ильич.

Другого выхода не было. Народ был измучен войной. Измучен разрухой. Народ хотел мирно жить, трудиться, накапливать силы.

На заседаниях Центрального Комитета партии много раз обсуждался вопрос о заключении мира с Германией. Ленин доказывал: надо непременно закончить войну. И скорее, скорее. Пусть на тяжелых условиях. На всякие жертвы надо пойти во имя спасения Советской Республики. Надо укреплять Советскую власть, создавать новую рабоче-крестьянскую армию, восстанавливать хозяйство.

Если бы все поддержали Владимира Ильича! Нет. Начались острые разногласия. Нетвердые, нестойкие люди спорили с Лениным, высказывались против за-

ключения мира. „Грабительский мир. Не хотим подписывать грабительский мир", — говорили они. Не понимали, какая страшная беда подкрадывается к Советской России.

А Ленин понимал. Тяжело ему было.

— Товарищи! У нас разруха и голод. Нет у нас сил. Хоть на время надо получить передышку, чтобы сохранить Республику Советов.

Так убеждал Владимир Ильич. Он был твердо уверен в своей правоте. И потому так непоколебимо, горячо убеждал товарищей. И убедил.

Советское правительство вновь направило к немецким генералам делегацию. Главой делегации был Троцкий. Он был наркомом.

Что же он сделал?

Предательски нарушил указания Ленина. Центральный Комитет партии и Советское правительство вынесли решение подписать с германским командованием мир. Империалисты рвутся задушить Советскую страну. Необходимо сорвать вражеские планы. Любой ценой — мир!

А Троцкий? Мира не подписал, а войну объявил прекращенной. Солдаты наши хлынули по домам, бросили фронт. Фронта не стало.

И немецкие генералы без препятствий двинули свои армии по русским дорогам. Глубже, глубже в Россию. Ближе, ближе к столице. Совсем близко. Петроград под угрозой. Неужели немецкие генералы захватят столицу? Неужели конец революции?

Буржуи, спекулянты, торговцы притаились и ждали. И уже готовили черные списки, с кем рас-

правляться. Готовили списки большевиков и рабочих.

На руку немецким империалистам и буржуазии было поведение Троцкого. Троцкий и раньше не раз мешал создавать в России боевую партию коммунистов. Не раз сколачивал всякие группировки против Коммунистической партии, против Ленина.

Снова непрестанно собирался ЦК, Совнарком. В Смольном не было дров. Печи не топились. Холодно. Члены ЦК и наркомы сидели за длинным столом в пальто и шубах, подняв воротники. Лица были суровы. Февральская метель свистела и кружила за окнами.

— Горький, обидный, тяжелый урок! — сказал Ленин.

Теперь все знали и видели, как Ленин был прав. Зачем сразу не послушали Ленина?

„Социалистическое Отечество в опасности!" — выпустил воззвание Совет Народных Комиссаров.

Рабочие, крестьяне, товарищи! Вставайте на защиту Отечества! — призывало воззвание.

Тысячи добровольцев в городах, деревнях и рабочих поселках откликнулись на воззвание Совнаркома и Ленина.

И создалась новая армия.

Красная Армия. Советская Армия. Вступила против немецких захватчиков в бой. Не пустила их дальше.

Это было в феврале 1918 года. С тех пор каждый год мы празднуем 23 февраля день рождения нашей Советской Армии. Она не раз защищала нас от врагов. И всегда защитит.

Немецкие генералы, когда Красная Армия против них выступила, решили согласиться на мир. Теперь это был договор еще более грабительский. Еще больше земель отхватили у нас немецкие генералы. Контрибуцию наложили на нас. Контрибуция — значит: платите победителям деньги. А еще и хлеб, мясо и другие продукты давайте.

Советское правительство вынуждено было на это пойти.

„Этот зверь прыгает хорошо... Он прыгнет еще раз... Поэтому надо быть готовым... брать даже один день передышки" — так Ленин сказал на VII экстренном съезде партии.

VII съезд выслушал доклад Председателя Совнаркома о войне и мире и признал политику Ленина верной.

А через несколько месяцев в Германии произошла революция. И грабительский договор стал недействителен.

— Далеко наш Ильич смотрит! — одобрительно говорили рабочие.

МОСКВА, МОСКВА

Был поздний мартовский вечер. На платформе под названием Цветочная площадка по Николаевской железной дороге на окраине Питера стоял состав с темными окнами. Платформу охранял караул. Вдоль всего поезда виднелись винтовки латышских стрелков. Пулемет глядел черным дулом в сумрак ночи с паровозного тендера. Какие-то люди перебегали по платформе, прикрывая тусклый свет ручных фонарей. Кого-то пропускали в вагоны. Паровоз разводил пары. Поезд с темными окнами ждал отправления. Куда?

Не очень высокий человек, в пенсне, в кожаной куртке, тихо разговаривал у вагона с другим, худощавым, прямым, в длинной шинели.

— Вы уверены, что контрреволюция не знает о сегодняшнем поезде? — спрашивал Дзержинского Яков Михайлович Свердлов.

— Возможно, знает, скорее всего — да. Но откуда отправление, не знает.

— Ловко придумано, что не с главного вокзала, а с тихонькой Цветочной площадки, — сказал Свердлов.

— Контрреволюция готовила взрыв. Каждый день открываем диверсии, — ответил Дзержинский.

Дзержинский, как и Свердлов, много раз при царской власти бывал в тюрьмах, в ссылках, на каторге.

А в 1917 году вместе с Лениным и другими членами ЦК партии руководил Октябрьским восстанием. После революции Владимир Ильич предложил назначить Дзержинского Председателем Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией.

Все знали нежное сердце Дзержинского. Но к врагам революции он был беспощаден. И заботлив и ласков с детьми. И верил пламенно, что Советская власть построит для народа счастливую жизнь. Дзержинский работал без отдыха, дни и ночи, иногда круглые сутки, работал, работал.

Для революции. Для народа. Для партии.

Между тем на платформе показалась группа людей. Владимир Ильич быстро шагал впереди. Надежда Константиновна поспевала за ним, перевесив через руку клетчатый плед. Кто-то хотел взять у Надежды Константиновны плед.

— Спасибо, я сама, — отказалась она.

Все поднялись в вагон. Зажгли свечку в купе. Плотно завесили окно.

Послышался свисток. Латышские стрелки вспрыгнули на подножки вагонов.

Паровоз тронулся. Поезд с погашенными огнями отошел от платформы.

Владимир Ильич пристроился к откидному столику у окна, вытащил из портфеля бумаги.

— Побойтесь бога, Владимир Ильич, хоть в дороге отдохните! — воскликнул Свердлов.

— Если бы мы бога боялись, не бывать бы на матушке-Руси революции, — усмехнулся Владимир Ильич.

И принялся перечитывать и править только что написанную статью. Владимир Ильич писал, что мы сделаем нашу революционную Русь могучей, обильной.

Россию окружали враги. Контрреволюция готовила заговоры. А Ленин верил: мы сделаем великой нашу Социалистическую Родину. Силы революции растут. И победят.

Весь поезд спал. Только машинист, зорко вглядываясь в ночную весеннюю темень, осторожно вел паровоз. Только красные латышские стрелки на площадках вагонов несли караул. Да Владимир Ильич при неровном свете свечи дописывал для завтрашней газеты статью.

Напротив, на нижней полке, неслышно спала Надежда Константиновна, подложив под щеку ладонь. Владимир Ильич осторожно накрыл ее клетчатым пледом. Этот плед подарила мама, когда приезжала с Маняшей в Стокгольм. Мамина память, клетчатый плед...

Вечером 11 марта 1918 года специальный поезд с Советским правительством благополучно прибыл в Москву. Не удалось контрреволюционерам устроить диверсию. Ленин, ВЦИК, Совнарком переехали из Петрограда. Теперь столицей нашей Родины будет Москва. Москва — центр страны. И от границ дальше.

Сначала Владимир Ильич с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной поселились в гостинице „Националь'', против Кремля. Скоро весь Совнарком будет жить и работать в Кремле. На другой день после приезда Владимир Ильич с Надеждой Константиновной решили прогуляться по Москве, поглядеть Кремль. Поехал с ними старый друг Бонч-Бруевич. Он был управляющим делами Совнаркома, заботился, как в Кремле разместить Совнарком.

В Октябрьские дни в Кремле засели юнкера, забаррикадировались, стреляли из пушек. Завязались сильные бои, но революционные отряды вышибли белогвардейцев и царских прислужников из древних кремлевских стен.

Запущенным был Кремль весной 1918 года. Многие здания стояли разбитые, черные от пожарищ. Кучи битого кирпича и стекла навалены всюду. Площади залиты грязными лужами талой воды. Раскиданы бревна — тут возводили юнкера баррикады. Всюду мусор и хлам...

Владимир Ильич и Надежда Константиновна пересекли площадь. Вот знаменитый Царь-колокол, стоит как гора. В давние-давние времена рабочие умелые руки отлили эту красу, медный колокол. И Царь-пушку отлили рабочие мастеровитые руки! А древние зубчатые кремлевские стены! А кремлевские башни! Каждая на свой лад, своя кладка, свой рисунок у каждой. Отовсюду веет стариной и историей.

Владимир Ильич задумчиво глядел вдаль. Широко, вольно виделась Москва с кремлевского холма.

Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе! —

прочитала Пушкина Надежда Константиновна.

Владимир Ильич улыбнулся:

— Ну вот, и здравствуй, Москва.

ШАГИ РЕВОЛЮЦИИ

VII съезд партии большевиков принял решение о мире с Германией. Тогда, на VII съезде, Ленин поставил еще вопрос: предложил назвать партию большевиков Коммунистической. Наша цель — строить коммунизм. Значит, и название дадим нашей партии: Коммунистическая.

Все большевики согласились.

На многих встречах с рабочими и в своем кремлевском кабинете Ленин решал и обдумывал, как строить новое общество. Первые шаги труднее всего! Самые начальные, первые, важные. Ленин думал, думал, об этом. Советовался, обсуждал с членами правительства.

Часто Владимир Ильич встречался с Яковом Михайловичем Свердловым. Свердлов был председателем ВЦИК — Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. Ленин советовался с ним, они дружно решали государственные дела и вопросы.

Ленин хотел за то время, пока Советская власть добилась передышки в войне, прочнее наладить новую жизнь.

В первую очередь он искал помощи у рабочего класса. „Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата", — написал Владимир Ильич в знаменитой статье „Очередные задачи Советской власти". ЦК партии одобрил мысли и планы Ленина. Статью напечатали в газетах „Правда", „Известия". Огромные цели открывались народу. Коммунисты, рабочие, крестьяне шли за Лениным, верили Ленину.

В ленинском кабинете в Кремле у письменного стола стояло кресло с плетеным сиденьем и спинкой. Владимир Ильич любил это простое кресло. Может быть, потому, что в давние детские годы в симбирском доме Ульяновых были похожие плетеные стулья. Владимир Ильич помнил зимние вечера в уютной столовой под висячей лампой с белым абажуром. И чудесные книги. Счастливое детство!

Ленин хотел, чтобы у всех рабочих и крестьянских детей в Советской стране было тоже счастливое и доброе детство.

При царе детям рабочих и крестьян трудно было учиться. Редко кому удавалось кончить гимназию. А институт и того реже. Теперь для детей трудящихся были открыты все школы, все институты. Учитесь! Читайте книги — библиотеки для вас!

Война разорила Россию — голодно, холодно! — но лучшие пайки, лучшее питание, дети, для вас! Никогда, ни в одном буржуазном государстве не было такой любовной заботы о детях трудящихся. Такой заботы о людях труда.

При царе и буржуях рабочие работали двенадцать часов в сутки, а то и пятнадцать! Пришла Советская власть. Председатель Совнаркома Ленин подписал декрет: рабочий день для всех восемь часов.

Раньше лучшая земля была у кулаков и помещиков. Заводы и фабрики, железные дороги, шахты и копи, нефтяные промыслы, банки — все переходит государству. Все народное, все советское, все государственное. А помещиков и буржуев долой! Хотите — работайте. Кто не работает, тот не ест.

Вот какой небывалый переворот произошел в нашей стране! Смело шагала революция дальше и дальше. И во главе всего нового, небывалого стоял Владимир Ильич, стояла партия коммунистов.

ПО ДЕРЕВНЯМ И СЕЛАМ

— Владимир Ильич, ходоки из дальней деревни, — сказала в этот день секретарь.

— Зовите, зовите! — ответил Владимир Ильич. — Зовите, пожалуйста.

Бородатые, до черноты обожженные солнцем и ветром крестьяне садились за длинный стол под зеленым сукном. Сначала смущались. Но Ленин был прост, и ходоки незаметно смелели.

От ленинской простоты мужикам будто смекалки и ума прибывало. А Ленину это и надо. Ленину важно, чтобы каждый свои мысли и мнения без страха, напрямик высказывал.

— Товарищ Владимир Ильич, ты над нами большой, — говорили ходоки, — знаний у тебя хошь отбавляй...

— Отбавлять, пожалуй, ни к чему, — возразил с улыбкой Владимир Ильич. — А насчет деревни так и вовсе знаний нехватка.

— Мы тебе про деревню всю как есть правду доложим.

— Ну-ка, ну-ка давайте!

— Перво-наперво Советская власть по сердцу пришлась крестьянскому миру, что помещиков с земли согнала,— начал самый старый ходок, у которого борода закрыла полгруди и над выцветшими глазками нависли дремучие брови.

— Дальше, — говорит Владимир Ильич, — давайте выкладывайте.

— Дальше о кулаке речь пойдет. Задушит кулак новую жизнь. Не даст ходу. На бедноту надейся, Вла-

димир Ильич. А кулак Советской власти не друг. Кулак супротивник...

Это Ленин знал. Но слушал. Внимательно слушал ходоков-бедняков. Проверял свои знания. Выводы делал. И появлялся потом новый декрет, новый советский закон.

Так, летом 1918 года Ленин подписал декрет Совнаркома о комитетах бедноты в деревнях. Стали они называться комбедами. Комбеды — опора Советской власти в борьбе против кулачества.

Кто же такие были кулаки? Сейчас в нашей Советской стране кулаков давным-давно нет. И слыхом про них не слыхать. Кулаки были крестьяне. Да только зажиточные, иной раз очень даже богатые. В старые времена правдой богатство мужику не нажить. Кулаки богатели неправдами, спекуляцией, чужим трудом богатели. Разживутся, земель накупят. Нагонят пахать батраков из бедноты деревенской. До весны хлеба у бедняка не хватало. Просит бедняк в долг у кулака ржи пудишко. За этот пудишко кулаку поле вспаши. Да осенью вместо одного два пуда отдай. Выхода нет. Идет бедняк в кабалу. Голодный. От вете-

рочка, словно пустой колос, качается. А кулацкие амбары, полные пшеницы и ржи, стоят под замками, как крепость. Рассчитывает кулак: вот еще вздорожает хлеб, вот еще... Кулак из-за прибыли горло соседу готов перегрызть.

А голод в городах все страшней, все безысходней! Что делать? Чем кормить рабочих и служащих, ребятишек, Красную Армию? Как хлеб раздобыть?

Ведь есть же, есть хлеб в деревнях! От ходоков знал Владимир Ильич, что есть. Только кулаки отдавать не хотят, прячут, в землю закапывают.

Несправедливо! Нельзя допустить, чтобы люди в городах погибали от голода, а у кулаков амбары хлебом набиты. Батраки кулацкий хлеб вырастили. Не кулацкий он, а народный.

Ленин так рассудил и позвал рабочих.

— Товарищи рабочие, — сказал Владимир Ильич,— составляйте на заводах и фабриках продовольственные отряды и разъезжайтесь по деревням. Там комбеды. Комбеды за нас. И середняк на нашу сторону клонится. Вы им подскажете, как укреплять в деревнях Советскую власть. А они вам подскажут, где кулаки прячут хлеб от голодных.

И Ленин подготовил декрет о том, что кулаки обязаны весь лишний хлеб сдавать комбедам и продовольственным рабочим отрядам.

Совнарком декрет утвердил. Так в первые годы революции Ленин и Советская власть спасали от голода рабочий народ.

НАШЕСТВИЕ

На берегу Баренцева моря, за Полярным кругом, в 1915 году поднялся город Мурманск. Самый молодой в те времена. Небольшой, а важный наш порт на Северном морском пути.

Однажды, весной 1918 года, на рассвете, когда серый туман клубился над морем, бесшумно возникли из тумана черные очертания военного судна. Чужой флаг, обвисший от сырости, надвигался на Мурманск. Целились дула орудий. Английский крейсер вошел в Мурманский порт.

Вскоре, так же внезапно, появился еще крейсер, стал рядом. Французский. За ним американский.

На советский берег высадились чужие войска.

Их прислала Антанта. Антантой назывался тогда

военный союз Англии, Франции и Америки. Союз капиталистов, буржуазных правительств.

Антанта хотела свергнуть в России революционную Советскую власть. Антанта боялась, как бы рабочие других государств не задумали по примеру русских сделать у себя революцию.

Грозная весна 1918 года! Грозное лето!

В разгаре лета целая эскадра Антанты вступила в Белое море.

Спешит, торопится к Белому морю суровая Северная Двина.

Верстах в полсотне от устья, вдоль забитой плотами и судами многоводной реки, вытянулся узкий город с деревянными тротуарами, верфями, лесопильными заводами, складами леса. Бескрайняя мшистая тундра подошла к городу с другой стороны. Наш военный и торговый порт, наша северная крепость — Архангельск.

Антанта захватила Архангельск. Белогвардейцы с ликованием встретили наступление Антанты. Одна мечта была у белогвардейцев: свалить Советскую власть. В Архангельске поднялся белогвардейский мятеж. Сотни рабочих, красноармейцев, советских матросов пали в неравном бою.

И ожили притаившиеся торговцы, буржуи. Царские офицеры снова нацепили золотые погоны. Затрезвонили колокола: в церквах кадили ладаном, служили молебны попы.

Контрреволюция наступала на Севере.

Контрреволюция бушевала на Дальнем Востоке. В Сибири. На Урале. Подступала к Поволжью. Вражеские крейсеры высадили войска во Владивостокском порту.

В сибирских деревнях бунтовали кулаки. Громили комитеты бедноты, нещадно казнили коммунистов. Рекой лилась кровь.

Кровь лилась в донских и кубанских городах и станицах. Белые генералы захватили Дон и Кубань. На Украине хозяйничали немцы.

Все теснее сжималось вражеское кольцо вокруг Советской России.

Было раннее утро. Солнце еще не взошло, только слабо желтела полоска зари.

Владимир Ильич вышел из своей квартиры в Кремле. Всего несколько шагов отделяло квартиру от рабочего кабинета Предсовнаркома. Ближе, чем в Смольном.

В конце коридора, у входа в кабинет, стоял часовой.

— Здравствуйте! — приветливо сказал Владимир Ильич.

Возможно, это было не совсем по уставу, но Владимир Ильич всегда приветствовал часовых. Часовой вытянулся при виде Ленина и с удивлением подумал: „Когда же он спит?"

Совсем недавно, почти на рассвете, Председатель Совнаркома ушел с работы домой. Солнце не поднялось, Ленин опять на работу. Часового даже не успели сменить. „Ведь эдак и с ног, того гляди, свалится", — в беспокойстве подумал о Владимире Ильиче часовой.

Большая карта России висела в кабинете, в простенке между окнами.

Владимир Ильич долго стоял у карты, заложив руки за спину, вглядываясь в линии фронта. Владимир Ильич знал все города и пункты, где сейчас шли бои. Знал командиров и комиссаров. Многих по именам и в лицо. Старался узнать характеры, подготовку, способности. От характеров и способностей командиров зависело, как пойдут наши дела на фронтах.

Много талантливых полководцев поднялось из народа, когда на советские земли ворвались враги.

Василий Иванович Чапаев! Настоящий народный герой. Об отваге и военной смекалке Чапаева уже ходили легенды.

И с великим уважением, с великим доверием Ленин подумал о Фрунзе. В декабре 1905 года большевик Михаил Васильевич Фрунзе привел отряд иваново-вознесенских рабочих на помощь восставшей Пресне в Москве, а теперь командовал армией на очень тяжелом участке.

Владимир Ильич мысленно обошел все фронты. Ворошилов, Буденный, Блюхер, Лазо, Котовский, Щорс, Тухачевский...

Северный фронт. Южный. Восточный.

На востоке Сибирь, Урал, Волга. На востоке хлеб.

С помощью Антанты белогвардейцы и кулачье захватили восточные хлебные области. Задушить голодом рабоче-крестьянское государство — вот к чему стремилась Антанта.

„На Восточный фронт и надо направить главный удар Красной Армии, — обдумывал Владимир Иль-

ич. — Прогнать из Поволжья и Сибири белогвардейцев, сломить кулачье".

Владимир Ильич сел за стол и снова внимательно прочитал вчерашние донесения с фронтов. Вчера с Дзержинским, Свердловым, Чичериным и другими товарищами до поздней ночи обсуждали положение на фронтах. Решения приняты. Теперь нужно было написать ответы командирам, распоряжения и приказы на фронт. Владимир Ильич работал, пока желтизна зари посветлела и рассеялась в небе, выкатилось из-за крыш домов летнее солнце и явились посетители. Владимир Ильич взглянул на часы. Посетители явились, как назначено, в срок. „Сразу видно, военные", — заметил Владимир Ильич. Вложил в папку бумаги и письма. Передал секретарю.

— Прошу вас, срочно!

И провел рукой по лицу. Будто смыл тревогу и морщины с лица. Чтоб не видели, как встревожен, как озабочен.

Вошли военные. Это были красные командиры, хорошо известные Ленину. И один бывший генерал царской армии.

— Ну, докладывайте наш план наступления, — обратился к нему Владимир Ильич.

Удивительно: Владимир Ильич советовался с царским генералом! Ведь Ленин подписал декрет о том, что служба в Красной Армии — честь. Что эта честь дается беднякам, рабочим, всем трудящимся и их сыновьям. Что кулацких и дворянских сынков нельзя пускать в Красную Армию. Что командирами и военкомами в Красную Армию нужно посылать коммунистов.

И вдруг царский генерал! Может ли быть? Но это был опытный, образованный генерал, превосходно

знающий военное дело. Он был честный. Душа его оскорбилась нашествием на Россию Антанты. И он поверил делу Ленина. Таких знающих и честных военных специалистов, которые верили нашему делу, Ленин звал помогать Красной Армии.

Генерал водил длинной указкой по карте и докладывал Владимиру Ильичу план наступления.

— Да, да, — кивал Владимир Ильич.

Владимир Ильич соглашался. Владимир Ильич одобрял суждения генерала, потому что вчера, позавчера, один и с товарищами, и сегодня на заре обдумывал и взвешивал такой именно план. И сейчас себя проверял.

— Красивая должна получиться операция, — заключил генерал, удовлетворенно опуская указку.

— Красивая или нет, не имеет значения, — сказал Владимир Ильич. — Важно победить... Ваше мнение, товарищи! — обратился он к красным командирам.

Они долго и тщательно обсуждали все подробности наступления.

И решение было общим и твердым.

— Трудное положение, — сказал Владимир Ильич. — Но Красная Армия должна победить.

ТРИ ПОДЛЫЕ ПУЛИ

Владимир Ильич с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной завтракали в кухне. У них была и столовая, в их небольшой кремлевской квартирке. Но там они собирались, когда кто-нибудь зайдет выпить чаю и поговорить о делах. А одни, когда чужих нет, обходились незатейливым столиком в кухне. Просто. Рядом плита. Протяни руку — чайник горячий.

Была пятница. В Москве был заведен порядок, что по пятницам члены ЦК и народные комиссары выступали на рабочих собраниях. Владимиру Ильичу Московский комитет партии прислал заранее путевку.

Вдруг из Петрограда телеграмма. Правительственный телеграф в коридоре Совнаркома работал круглые сутки, так что телеграмму Владимиру Ильичу доставили в ту же минуту.

Из Петрограда сообщали, что убит председатель Петроградской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией товарищ Урицкий. Через некото-

рое время из Московского комитета телефонный звонок:

— Товарищ Владимир Ильич, МК не советует сегодня вам выступать.

— Что еще за новости? — нахмурился Владимир Ильич.

— Опасно, товарищ Ленин. Обнаглела контрреволюция.

— Э, батеньки мои, волков бояться — в лес не ходить.

И повесил телефонную трубку.

Надежда Константиновна переглянулась с Марией Ильиничной.

— Володя, не езди сегодня. Поберегись, пожалуйста!

— Там поглядим, — уклончиво ответил Владимир Ильич и заторопился в свой рабочий кабинет.

Урицкий убит. Еще раньше был убит другой видный большевик, Володарский. Контрреволюция выслеживала членов Центрального Комитета и правительства.

Но разве мог Владимир Ильич не ехать к рабочим? Рабочие ждут.

В назначенный час пришла машина. Шофер Степан Казимирович Гиль всегда возил Ленина и сегодня повез. Сегодня у Владимира Ильича было два выступления в разных районах. А вечером заседание Совнаркома.

— Перед рабочими выступлю, успею и на Совнарком, — сказал Владимир Ильич.

Гиль только головой покачал:

— И откуда у вас силушки берутся, Владимир Ильич?

Он привез Ленина на Серпуховскую улицу, на бывший завод Михельсона. Владимир Ильич бывал здесь и раньше.

Рабочие собрались в гранатном цехе, большом деревянном, недавно построенном здании. Люди сидели, стояли у станков и в проходах. Лица были строгие. Строгое внимание в глазах.

Ленин говорил о гражданской войне. О борьбе с белогвардейскими бандами.

А рабочие этого цеха готовили против белогвардейцев гранаты. Надо будет, и воевать пойдут.

Ленин видел: нет, ни за что рабочие не уступят свои заводы, свою власть буржуям.

Вот откуда, товарищ Гиль, силушки наши берутся. Рабочий класс, как аккумулятор, заряжает энергией.

Митинг окончился. Окруженный рабочими, Ленин вышел из цеха. Гиль мигом завел машину, поставил на скорость. Шофер Гиль был осторожен. Вон какая уймища народу! Неспокойное время. Шофер Гиль знал про убийство Урицкого. Уж садился бы скорее в машину Владимир Ильич... Его не отпускали. Вопросы сыпались со всех сторон. Помолодевший, живой, Владимир Ильич говорил, говорил с рабочими. Вдруг... Что это? Выстрел? Владимир Ильич не сразу понял. Толкнуло в левую руку. Он покачнулся. Еще выстрел. Резкая боль рванула шею. Владимир Ильич начал валиться на бок. Третья пуля чиркнула по пальто на спине.

Ленин упал.

— Ленина убили! — отчаянно закричали в толпе.

Узколицая женщина, с темным взглядом, бросила на землю браунинг, кинулась со двора. Люди побежали ловить контрреволюционерку-убийцу.

— Владимир Ильич! — звал Гиль. — Товарищ Ленин.

— Домой, — белыми губами выговорил Владимир Ильич.

Рабочие подняли его, помогли сесть в машину. Мертвая тишина наступила в толпе. Кажется, всем слышно было прерывистое дыхание Ленина.

Гиль на полной скорости мчал машину к Кремлю.

— Владимир Ильич, мы вас внесем, — просил Гиль, когда подъехали к дому.

Владимир Ильич не хотел. Мучила боль, рубашка взмокла от крови. Но пошел сам, опираясь на Гиля и провожавших рабочих. Медленно, медленно, молча. На третий этаж. Какая длинная, трудная лестница! Крутые ступени...

В ужасе бежала навстречу Мария Ильинична:

— Володя! Володя!

— Немного ранен... пройдет, — с трудом сказал Владимир Ильич. — Успокойся, Маняша. Не пугайте Надю.

Надежды Константиновны не было дома. Она была на работе.

А в Совнаркоме все собрались. Ведь Владимир Ильич назначил заседание на девять часов. Все знали — Ленин требовал точности. Первый раз, единственный раз Председатель Совнаркома опаздывал...

Осторожно подвели Ленина к постели, покрытой клетчатым пледом. Надежда Константиновна берегла

этот плед... Владимира Ильича положили. Он слабел. Желтизна поползла по лицу.

Двери в квартиру были распахнуты. В смятении и страхе толпились товарищи.

Приехали врачи.

— Что? — спрашивали с надеждой товарищи. — Не тяжело ранен Владимир Ильич? Не очень опасно?

Тяжело ранен. Очень опасно...

Томительно тянулись минуты. Вот вернулась с работы Надежда Константиновна. Отчего открыты двери? Отчего так много в доме людей?

Кто-то бережно погладил ее по плечу. Она поняла. Спросила коротко:

— Жив?

Стон донесся из комнаты Ленина. Она выпрямилась, подтянулась и с сухими глазами, без слез, вошла к Владимиру Ильичу. Он увидел ее, улыбнулся через силу:

— Ничего, Надя, с революционером это всегда может случиться. Пустяковая рана, поправлюсь...

И закрыл глаза. У него падал пульс. Ему было хуже и хуже.

Неужели Ленин умрет?

В ЭТИ ТРУДНЫЕ ГОДЫ

В коридоре Совнаркома стрекотали телеграфные аппараты: та-та, та-та, та-та... Передача — прием, передача — прием... Один телеграфист в солдатской шинели принял бегущую ленту. Вчитался. С какой-то особой поспешностью расшифровал и бегом понес в конец коридора, на квартиру Ленина.

Дверь открыла Надежда Константиновна. Он протянул телеграмму.

— Скорей передайте Владимиру Ильичу, — сказала она.

„Володе будет приятно, что именно этот солдат принесет такое известие", — подумала Надежда Константиновна.

Они его знали со Смольного. В Октябрьские дни Советскому правительству понадобились свои верные телеграфисты. Солдат выучился телеграфному делу. Из Петрограда с правительством переехал в Москву.

— Несите, — торопила Надежда Константиновна, и телеграфист, обрадованный таким поручением, вошел в маленькую комнату.

Там стояла узкая кровать, покрытая клетчатым пледом. Рядом с кроватью у окна письменный стол. Владимир Ильич читал за столом. Левая рука его висела на перевязи. Он похудел и осунулся, а в остальном был прежним. Так же остры глаза, так же быстры движения.

Телеграмму прислали бойцы Красной Армии.

„Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара!"

— Ну молодцы! — воскликнул Владимир Ильич. — Ну, спасибо, спасибо! — растроганно повторил он. И снова перечитывал вслух телеграмму: — „Взятие Вашего родного города..." Наши взяли Симбирск, слышите, товарищ телеграфист? Замечательная победа, слышишь, Надюша?

Владимир Ильич тут же написал ответную телеграмму. Поздравлял красноармейцев с победой, благодарил. Писал, что взятие Симбирска — самая целебная на его раны повязка.

— Нет лучше для меня лекарства, чем эта весть! Теперь живо пойдет на поправку, — сказал Владимир Ильич.

И верно, через несколько дней в „Правде" был напечатан врачебный бюллетень о том, что здоровье Владимира Ильича поправилось.

Врачи позволили Ленину вернуться к работе.

Времена наступали тяжелые. Антанта поняла, что с Красной Армией шутки плохи, и двинула на нас еще больше сил. Четырнадцать государств вторглись на советские земли. Белогвардейцы и кулаки хлебом-солью встречали чужие войска. Вступали под чужое командование. Белогвардейские составляли полки. И шли на Советскую власть. Страна наша стала осажденной крепостью.

— В осажденной крепости вся жизнь должна идти по-военному, — сказал Ленин.

Постоянно к Ленину приезжали военные специалисты и красные командиры докладывать о положении на фронтах и советоваться.

Ленин сказал:

— Во время гражданской войны нужны особенные порядки.

И предложил ввести всеобщую трудовую повинность. Советские люди все-все-все должны работать на заводах и фабриках, в учреждениях, на полях, на железных дорогах. Помогайте Красной Армии, советские люди!

Красной Армии нужно оружие. Товарищи рабочие, изготовляйте оружие. Больше оружия!

Красную Армию нужно обувать, одевать. Товарищи рабочие, больше шейте сапог, гимнастерок, шинелей.

Фабрики не успевали шить сколько надо. Не хватало кожи для сапог. Не хватало материи. Как быть? Как одеть народ и Красную Армию?

Правительство и партия объявили сбор у населения теплых вещей. Люди несли на сборные пункты полушубки, фуфайки, шерстяные шарфы и носки.

А буржуи не хотели расставаться со своими богатствами. Красная Армия была буржуям чужой. Им не жалко красноармейцев, не жалко детишек. Пусть мерзнут.

— Надо отобрать у буржуазии лишние теплые вещи. Хватит им по одному пальто, — сказал Ленин Дзержинскому. — Трудящиеся последнее отдают. И богатые пусть поделятся.

Дзержинский был председателем Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, или, как тогда называли, ЧК. Дзержинский послал чекистов в дома богачей. Собирали чекисты одежду и обувь. Потом раздетым, разутым рабочим по ордерам раздавали без денег. И Красной Армии посылали на фронт.

Но голод был самой страшной бедой. Давно продукты в городах выдавали по карточкам. Помалу, впроголодь.

Советское правительство издало новый строжайший закон. Назывался новый закон продразверсткой. Это значит, крестьяне обязаны были весь лишний хлеб и продукты сдавать государству. Муку, крупу, мясо, масло, картофель — все отдавали для Красной Армии, для рабочих и служащих. Тяжело крестьянам, но другого выхода не было.

Такой порядок, когда в Советской стране была продразверстка и всеобщая трудовая повинность, когда весь народ работал для фронта, когда продукты распределялись по карточкам, а одежду выдавали по ордерам, потому что продуктов и одежды было так мало, когда полуразрушенный транспорт был занят перевозкой орудий и войск для защиты страны и ехать в поезде можно было только по пропуску, — такой порядок Ленин назвал военным коммунизмом.

Трудные годы!

Счастье, что в эти трудные годы был у нас Ленин.

СЛУЧАЙ В СОКОЛЬНИКАХ

Во время болезни Владимира Ильича, когда несколько дней он был при смерти, Надежда Константиновна скрывала страх и тоску, держалась как каменная, стойкости ее все удивлялись.

А когда Владимир Ильич поднялся, сама заболела. Да сильно! От душевного потрясения вспыхнула старая болезнь. Ныло сердце, не могла ходить, не спала, задыхалась. Врачи сказали, только чистый воздух может помочь.

Санаториев в ту тяжелую пору было у нас очень мало. Но для слабых детей в Сокольниках под Москвой открыли лесную школу. Стояла школа посреди парка, воздуха чистого — океан!

Надежду Константиновну уговорили здесь пожить.

Когда Ленин приехал поглядеть лесную школу, где придется Надежде Константиновне жить, навстречу выбежала ватага ребят. Впереди, задрав хвост крючком, неслась собачонка.

— А позвольте познакомиться, как вас зовут? — спросил Владимир Ильич.

— Ее Бобкой зовут! — в восторге закричали ребята.

— Господин Бобчинский, — сказал Владимир Ильич.

И протянул Бобке руку, а она лапку дала. Ну уж тут ребята вовсе пришли в восхищение. Не знали, чем еще Владимира Ильича удивить. Другую свою любимицу, кошку Муську, притащили показывать. И Ленин решил, что Надежде Константиновне хорошо будет среди этой веселой и живой ребятни. Проводил Надежду Константиновну в лесную школу. Страшно занят был Ленин. Каждый день до поздней ночи занят был решением государственных дел. Все в государстве строилось заново, а ведь Ленин был главой государства.

А вечером все-таки выберет час, скажет Гилю:

— Поедем навестим Надежду Константиновну, а?

Настала зима. Навалило снегу. Москву замело, занесло. Ломовики не успевали вывозить из города снег, так и стояли сугробы по улицам, вышиной чуть не в два этажа.

В один такой снежный январский день 1919 года в лесной школе была назначена елка. Владимир Ильич обещал приехать на елку. Собрались под вечер с Марией Ильиничной, взяли для Надежды Константиновны бидончик молока и поехали.

Машину, как всегда, вел шофер Гиль. Да еще поехал товарищ из охраны, Чебанов.

Был воскресный день, народу на улицах множество. Заваленные сугробами улицы были узки, словно траншеи, в иных местах не проедешь. Но шофер Гиль ловко маневрировал между людьми и горами снега, машина шла без задержки.

Вдруг, при въезде в Сокольники, у железнодорожного моста, где не видно было людей, трое человек загородили дорогу:

— Стой. Будем стрелять!

Гиль хотел проскочить, но Владимир Ильич велел остановиться. Владимир Ильич подумал, что это милиционеры. Время военное, милиционеры обязаны следить, кто выезжает на машине за город. А что не

по форме одеты, так тогда милицейской формы еще не водилось.

Автомобиль стал. Трое здоровенных мужчин окружили машину. Распахнули дверцы. Нацелили револьверные дула:

— Вылезайте!

Все вышли.

— Я Ленин, — сказал Владимир Ильич.

Он все еще думал, что это милиционеры. Но что такое? В одну секунду двое приставили к вискам Владимира Ильича револьверы. Он чувствовал их холодную сталь. Третий, в папахе, с наглым лицом, живо обшарил карманы. Забрал кремлевский пропуск и маленький ленинский браунинг.

— Какое вы имеете право? — возмущенно воскликнула Мария Ильинична. — Показывайте ваши мандаты.

— Нам мандаты не требуются. У нас на все право есть.

И бандиты вскочили в автомобиль и погнали прочь, издали грозясь револьверами. Автомобиль скрылся из виду. Все это случилось так быстро, никто не успел и опомниться.

Несколько мгновений Владимир Ильич в негодовании молчал. Потом с упреком:

— Позор! Столько нас народу, дали машину угнать.

— Владимир Ильич! Я в них оттого не стрелял, что боялся, вас не убили бы! — горячо сказал Гиль.

— Да, пожалуй, бессмысленно было лезть в драку, силы уж очень неравные, — согласился Владимир Ильич.

Кинул на товарища Чебанова взгляд и расхохотался. Да как! Заразительно, как только он умел хохотать. Невольно и Мария Ильинична с Гилем рассмеялись. Один Чебанов без смеха стоял... держал в руке бидон с молоком.

— Единственно, что спасли от грабителей! — смеясь, воскликнул Владимир Ильич.

Чебанов прямо-таки онемел от стыда. А Владимир Ильич не унимался:

— Спасибо, хоть молоко сберегли. И бидон какникак тоже необходимая вещь.

И, подшучивая над чекистом Чебановым, который с каким-то ошарашенным видом одной рукой щупал в кармане оружие, а в другой нес злополучный бидон, все пошли в Сокольнический райсовет, недалеко от железнодорожного моста. В райсовете

Владимиру Ильичу раздобыли машину и повезли его с Марией Ильиничной в лесную школу. И тут же сообщили о нападении Дзержинскому. Получив приказ, чекисты рассыпались по Москве в погоне за грабителями. И скоро поймали.

Надежда Константиновна бродила как тень от окна к окну. Вглядывалась в зимний сад, утонувший в глубоком снегу. Отчего опаздывает Владимир Ильич? Неужто снова беда?

Тревога передалась ребятам. Охватила всю школу. Медленно-медленно двигалась стрелка часов.

Наконец чей-то счастливый голос разнесся по дому:

— Приехали!

И Владимир Ильич вбежал со двора. Пальто нараспашку, борода и брови заиндевели, щеки разрумянились.

— Дед-Мороз! — закричали ребята. Облепили, повисли.

— Здравствуй, милый, хороший Дед-Мороз, ты нам праздник привез!

Насилу Владимир Ильич сквозь ребячью толпу добрался до Надежды Константиновны. Сначала не хотел о бандитах рассказывать, но она вглядывалась в него с таким беспокойством, сердцем чуяла что-то неладное.

— Пустяки, Надюша, сущие пустяки.

Она побледнела, услышав про грабителей. Ничего не сказала. Только тихо:

— Спасибо, обошлось.

И началось веселье. Красавица елка, убранная самодельными флажками, золоченой звездой и игрушками, высилась до потолка в школьном зале. Чудесно пахло зимним лесом и хвоей. Ребята повели хоровод вокруг елки. И Владимир Ильич пошел в хороводе. Ребята пели, и Владимир Ильич пел. Затеяли игру в кошки-мышки. В жмурки играли. В прятки играли. Веселились до упаду. Вот был праздник так праздник!

А Надежда Константиновна, которая одна знала, что два часа назад Владимир Ильич стоял под дулами бандитских револьверов, от смерти на шаг, глядела на него, любовалась и думала с гордостью: „Ты бесстрашный человек. Оттого и веселый".

ГОРЬКИЕ ПОТЕРИ

Снова поезд шел из Петрограда в Москву. Снова в поезде Владимир Ильич. И сестра Анна Ильинична. Был март 1919 года. Ночь. Тусклым светом горела керосиновая лампочка. Вагон шатало. Тоскливо стучали колеса.

Анна Ильинична съежилась в уголке, сгорбила плечи. Они ездили хоронить Марка Тимофеевича, мужа Анны Ильиничны.

Новая напасть навалилась на нашу страну. Смертоносная болезнь ходила по городам и селам, железным дорогам и станциям — всюду, куда заползала сыпнотифозная вошь. Люди умирали от сыпного тифа. Больниц было мало, докторов мало, лекарств мало.

Марк Тимофеевич Елизаров приехал в Петроград в командировку и умер от тифа-сыпняка в несколько дней. К двум родным могилам под белоствольной березой на Волковом кладбище прибавилась третья. Анна Ильинична горбила плечи, куталась в шаль. Владимир Ильич ласково провел ладонью по ее седеющим уже волосам.

...Много светлых и горестных лет связано с Марком. В юности Марк был товарищем Саши. Сашу казнили. Марк вошел в их семью. Умный, душевный, он стал близок и нужен всем в доме, родной человек!

— Он и революции очень был нужен, настоящий был коммунист! — сказал Владимир Ильич.

Анна Ильинична оцепенела от горя, но повторила с любовью и гордостью:

— Марк настоящий был коммунист.

Поезд мчался сквозь темную ночь. Черным забором тянулся вдоль полотна железной дороги неодетый мартовский лес. Соломенные деревни летели навстречу. Глухо и немо высились фабричные трубы. Не дымя. Все меньше работало заводов и фабрик. Сырья не хватало. Топлива нет. Фабрики останавливались. Разруха.

„Тяжко, особенно тяжко в такое суровое время терять верных друзей", — думал Владимир Ильич.

А в Москве ждало новое горе. Председателя ВЦИК Якова Михайловича Свердлова свалила испанка. Откуда-то, из Испании, принеслась небывалая болезнь, налетела как вихрь. Без пощады сжигала, тысячами косила людей. Тысячами косил сыпной тиф. Голод, гражданская война. Бедствия, бедствия.

В заграничных газетах злорадно писали: Советской власти скоро конец.

Владимир Ильич стиснул ладонями голову. Трудно.

Выжил бы только Свердлов! Как согласно они работали вместе!

„Надо, Яков Михайлович, сделать..." — скажет о чем-нибудь Владимир Ильич.

В ответ спокойно:

„Уже".

„Что уже?"

„Сделано, Владимир Ильич".

„Когда вы успели, Яков Михайлович? Мы с вами почти и не говорили об этом".

„Почти..." — смеется Свердлов.

Он понимал с полуслова. Ленин любил деловитость Свердлова, революционность, государственный ум.

Врачи не пускали Владимира Ильича навестить больного. Испанка — прилипчивая болезнь.

Владимир Ильич не послушал. Пришел к товарищу. И ужаснулся.

Неужели это Свердлов? Этот истаявший человек на белых подушках, недвижимый, с заострившимся носом. Борода отросла, лицо казалось старым, чужим. Глаза провалились. Он был без памяти.

Владимир Ильич сел у кровати. „Товарищ, надежный, талантливый, не уходи!" — думал Владимир Ильич.

Образ его, молодого и здорового — ведь всего тридцать три года было Свердлову! — стоял в памяти

Ленина. Всегда энергичный, находчивый. Владимир Ильич представить даже не мог, чтобы Свердлов убоялся самой страшной опасности. А как хорошо умел он говорить с народом, вдохновенно звать к революционной работе!

Ресницы дрогнули, Свердлов открыл глаза. Издалека, в полусознании глядел он на Ленина. Узнавал. Улыбка, какая-то жалобная и страдальческая, тронула губы. Владимир Ильич взял его плоскую, как щепка, руку. Пожал.

И, низко опустив голову, вышел. Через несколько минут Свердлова не стало. Очнулся на миг из забытья перед кончиной, словно затем, чтобы увидеть Ленина. Сказал взглядом: прощай. И ушел навсегда. Никогда не забудет Владимир Ильич о своем неутомимом помощнике самых первых, тяжелых месяцев жизни и строительства советского общества.

...Жизнь продолжалась. Надо оборонять, укреплять советское общество.

На место Свердлова Ленин предложил Председателем ВЦИК Михаила Ивановича Калинина.

Калинин — крестьянский сын из Тверской губернии, рабочий питерских заводов.

„Я, СЫН ТРУДОВОГО НАРОДА..."

Больше миллиона отлично вооруженных белогвардейцев и интервентов подступали к сердцу России — Москве. Шесть вражеских фронтов железным кольцом окружали нашу Советскую Родину. Никогда не было так зловеще и грозно.

В один майский день Москва охвачена была необычайным движением. С рассвета тревожно толпились женщины у ворот заводов и фабрик. Ждали чего-то. Ребятишки цеплялись за материнские юбки. Московские дети рабочих окраин, с бумажно-белыми личиками, голодным блеском в глазах. Распахивались заводские ворота. Рабочие, кто в шинелях, кто в ватных куртках, кто в чем, с вещевыми мешками и винтовками на плечах, выходили из заводского двора.

— Равняйсь! — летела команда.

Красноармейцы равнялись. Совсем недавно они прошли наскоро красноармейскую науку. Равнение не очень складно у них получалось. Зато научились стрелять.

— На Красную площадь шагом марш! — слышно было команду.

Из всех районов и заводов Москвы шагали, шагали к кремлевским стенам отряды. Женщины, в белых и красных косынках, с узелками шли по бокам. Спотыкались, спешили, заглядывали в лица бойцов, совали узелки.

Черная от горя, старая мать криком кричала:

— Ванек, сыночек! Господи, сохрани сыночка родимого от пули буржуйской...

Красноармеец хмурился, не знал, куда деться от стыда.

— Позоришь меня перед народом, мамаша. Бога вспомнила! Где твое пролетарское сознание?

И, словно в поддержку, озорно взвилась лихая комсомольская песня, сложенная рабочим поэтом:

Как родная мать меня
Провожала,
Как тут вся моя родня
Набежала:

„А куда ж ты, паренек?
А куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек,
Да в солдаты!

В Красной Армии штыки,
Чай, найдутся.
Без тебя большевики
Обойдутся..."

А Ванек в ответ:

„Будь такие все, как вы,
Ротозеи,
Что б осталось от Москвы,
От Расеи?"

Босоногие ребятишки шныряли между красноармейскими отрядами, взахлеб хвалились друг перед дружкой:

— У нашего тятьки вó винтовка!

— Эка невидаль, винтовка! У моего-то лента пулеметная. Как из пулемета по буржуям пальнет!

— А мой папанька, гляньте, гранатами весь пояс увешал. Погодь, наши заводские белым гадам покажут...

„Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина рабочей и крестьянской армии..."

Гордые, большие слова! Сердце бьется сильнее от этих слов. Так гулко и жарко билось сердце у Ленина, когда год назад Председатель Совнаркома сам принимал присягу на верную службу Советскому государству. Это было на заводе Михельсона. Вместе с молодыми рабочими, бойцами красногвардейских отрядов, говорил Ленин клятву: „Я обязуюсь по первому зову Рабочего и Крестьянского Правительства выступить на защиту Советской Республики".

Владимир Ильич шел с товарищами на Красную площадь.

Красная площадь была запружена людьми. Качалась, шумела строгим, сдержанным шумом. Владимир Ильич увидел лес вскинутых кверху штыков. Жестко и остро сверкала на солнце сталь. Женщины не отходили от сыновей и мужей. Владимир Ильич видел: многие красноармейцы обнимали жен, прощались. Целовали детишек.

На Красной площади собрались красноармейские отряды и отряды всевобуча.

Что такое всевобуч? Ленин подписал в прошлом году декрет Совнаркома о том, что все рабочие и трудящиеся должны обучаться военному делу. Родина в опасности. Рабочие, все-все, учитесь стрелять, готовьтесь оборонять Советскую Родину!

Трибуны не было. Стоял старенький грузовик, забрызганный грязью. Один борт обтянули кумачом. Укрепили у борта доску на шесте. На доске крупными буквами лозунг: „Разобьем злодейскую банду помещиков и капиталистов!"

Владимир Ильич с командирами Красной Армии обошел войска и по приставленной лесенке поднялся на грузовик.

Перед глазами раскинулось море людей. Тысячи рабочих с винтовками.

У каждого свои печали и радости, надежды, любовь. Каждый по первому зову Рабочего и Крестьянского правительства оставил все и уходил на гражданскую войну против белых.

Владимир Ильич заговорил.

Стало тихо на площади.

Ленин говорил о том, что раньше солдат учили защищать царя и буржуев. А теперь красноармейцы себя защищают, свои дома и детей. От помещиков и буржуев защищают свое государство. Ленин гово-

рил душевно и просто. Как раз о том, о чем думали тысячи красноармейцев возле кремлевской стены. Думали красноармейские жены. Жены не плакали. Лишь туже стягивали ситцевые кофтенки у горла. Да бледнели лицом. И старая Васина мать не кричала больше.

После митинга красноармейские отряды прямо с Красной площади пошли на вокзалы. И поезда повезли красноармейцев на фронт.

Ленин стоял на грузовике. Смотрел вслед уходящим. Сверкали на солнце штыки.

„Я, сын трудового народа...” — торжественно повторялась в душе Владимира Ильича красноармейская клятва.

КАЗЕННОЕ ИМУЩЕСТВО

Сотрудников в Совнаркоме было немного. Вдоволь каждому хватало работы. Но дело свое каждый любил, работали с радостью.

Владимир Ильич уважал небольшой коллектив совнаркомовских работников.

— Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан, — шутил Владимир Ильич.

Служащим нравилась его пословица.

— Мы маленькая рыбка, — смеялись они.

— Да удаленькая, — хвалил Владимир Ильич.

На заседание Совнаркома Ленин пришел за пять минут до начала. Он всегда приходил заранее. Кипа разных сообщений и телеграмм ожидала его. Пока собирались наркомы, усаживались за длинный стол, покрытый зеленым сукном, Ленин кое-что прочитал. Часть бумаг отложил. Другие подписал. Некоторые вернул секретарю. И объявил заседание Совнаркома открытым.

Опоздавших не было. Все точно пришли к началу. Никому не хочется попадать в протокол. Или, хуже того, схватить выговор. Ленин за опоздания не миловал.

— Начинаем, — сказал Владимир Ильич.

Один товарищ стал сообщать, как обстоят дела с продовольствием. Он был членом продовольственной комиссии. У продовольственной комиссии все продуктовые запасы были безошибочно подсчитаны, до фунтика учтены, до полфунта! Товарищ сообщил, по скольку можно в этом месяце выдавать трудящимся хлеба, соли и масла.

Скупо получалось. Детям побольше. Но все равно скупо.

— Стариков одиноких не забудьте, — вставил Владимир Ильич.

Докладчик продолжал сообщение. Владимир Ильич, чуть склонив голову, слушал, чертил на листке квадратики и косые линейки.

Видно, туго, очень туго у нас с продуктовыми запасами, если докладчик на предложение Председателя Совнаркома ничего не ответил.

— Одиноких стариков нельзя забывать, — снова вставил Владимир Ильич. — Кто о них позаботится, если не Советская власть? Да, да! Мы бедны, но извольте найти выход, — и вопросительно взглянул в сторону наркома продовольствия: что скажет Александр Дмитриевич?

Александра Дмитриевича Цюрупу Ленин знал давно, с той поры, когда вернулся из ссылки. Владимиру Ильичу тогда Цюрупа сразу очень понравился. Веселый. Голубоглазый, с копной вьющихся светлых волос!

Но, конечно, не во внешности дело: Александр Дмитриевич Цюрупа был замечательным революционером — вот в чем суть. И самоотверженным работником был, превосходным наркомом! С такими наркомами хорошо Ленину было работать.

Но что с ним? Ленин сдвинул брови, внимательно вгляделся в Цюрупу. Как исхудал! Ни кровинки в лице. Под глазами черные ямы.

„От голода. Изголодался Цюрупа!" — понял Владимир Ильич.

Вырвал из блокнота листок и, продолжая слушать докладчика, написал строгую записку Цюрупе, что надо заботиться о казенном имуществе, надо беречь, нельзя так запускать, неразумно.

Цюрупа прочитал, улыбнулся. Казенным имуществом Владимир Ильич называл здоровье особенно много работающих для государства людей. Цюрупа хотел ответить Владимиру Ильичу, что не один он голоден, все не досыта едят, как-нибудь дотянем до хороших времен, тогда уж наедимся.

Но товарищ из продовольственной комиссии кончил докладывать, и Цюрупа не стал писать ответную записку Владимиру Ильичу, а протянул руку, прося слово. Слишком важный обсуждался вопрос. Цюрупа должен высказать свои советы и мысли. Встал. И вдруг пошатнулся и рухнул без сознания на пол. Ленин вскочил, подбежал:

— Александр Дмитриевич, голубчик, что с вами?

Цюрупа лежал на спине, раскинув руки, с мертвенно-серым лицом. Его окружили. Кто-то вызвал по телефону врача.

— Воды, скорее воды!

Кто-то обрызгал из графина Цюрупе лицо. Он пошевелился. Глубокий вздох поднял грудь. Он приходил в себя. Его посадили на стул. Он вытер платком лицо, вид у него был виноватый, смущенный.

— Наделал хлопот, сорвал заседание!

— Нарком продовольствия падает от голода в обморок, — покачал головой Владимир Ильич. — Тяжело мы живем. А все-таки казенное имущество необходимо беречь, — сказал он Цюрупе. — Товарищи, сие казенное имущество уж очень в плохое пришло состояние. Предлагаю немедленно отправить в капитальный ремонт.

„ДЕНЬ НАСТАЛ ВЕСЕЛЫЙ МАЯ..."

Владимир Ильич поднялся рано и тихонько, чтобы не разбудить Надежду Константиновну с Марией Ильиничной, прошел в кухню. Костюм сегодня на нем был надет затрапезный, штиблеты поношенные. И галстук не повязан.

На кухне вовсю кипел чайник, в кастрюльке дышала горячим паром картошка. Хозяйство Ульяновых в кремлевской квартире вела Саня, двоюродная сестра рабочего Ивана Васильевича Бабушкина, которого царские жандармы расстреляли в 1906 году.

— Владимир Ильич, неужто и вправду собрались? — удивилась Саня.

— А это что? — спросил Владимир Ильич с лукавыми огоньками в глазах. Показал чайник на плите и кастрюлю. — Это что? Кто завтрак мне пораньше приготовил сегодня? Спасибо, Саня. Садитесь, вместе позавтракаем.

И с аппетитом принялся завтракать, а Саня, наливая в стакан ему крепкого чаю, все дивилась:

— Вроде дело-то не по вас, Владимир Ильич. Ваша забота умом раскидывать.

— А если Советскому государству надо, чтобы и руками денек поработать? — весело улыбнулся Владимир Ильич.

Живо покончил с завтраком и вышел из дому. Утро было свежее, чистое. Легкий ветерок шевелил

ярко-зеленые листья деревьев. Белые облачка бродили в голубом небе.

В Кремле было не по-обычному оживленно и людно. На обширной кремлевской площади строились отряды курсантов — они жили и учились в Кремле. Были тут и сотрудники Совнаркома и ВЦИКа.

Было Первое мая.

Партия обратилась к народу с призывом организовать сегодня вместо праздничных демонстраций субботник.

Год назад рабочие Московско-Казанской железной дороги в субботу, после рабочего дня, не ушли домой. Остались в мастерских. Отремонтировали четыре паровоза и шестнадцать вагонов бесплатно. Ленин написал о первом рабочем субботнике статью под названием „Великий почин". Ленин назвал коммунистической эту бесплатную, по доброй воле, работу.

И вот в праздничный день Первого мая 1920 года был объявлен Всероссийский субботник. Во всех уголках нашей огромной России люди выходили на улицы или в цеха на заводах и сообща делали для общей пользы что-нибудь важное.

Кремлевские курсанты выстроились недалеко от казармы, у древней Царь-пушки. Бронзовая Царь-пушка стоит на чугунном лафете. Возле сложены чугунные ядра. Из Царь-пушки никогда не стреляли, старинные мастера-оружейники отлили ее всем на удивление, а врагам на страх. И поставили навечно в Кремле.

Курсанты выстроились, и начальник курсов объяснил, что надо делать. Очистить кремлевскую площадь от бревен, досок и всякого хлама. Привести Кремль в образцовый порядок.

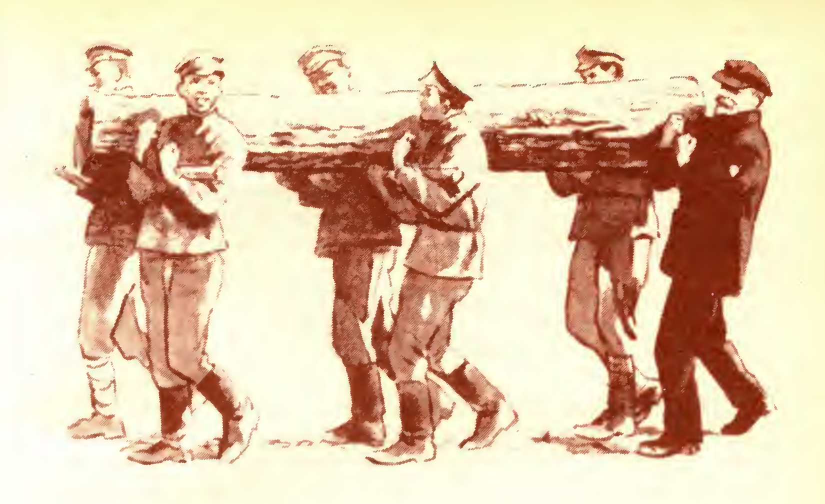
— Есть привести Кремль в образцовый порядок! — согласно отозвались курсанты.

В это время подошел Владимир Ильич. Подошел своей быстрой походкой, в стареньком пиджаке и кепке, серьезный и весь в каком-то подъеме, с радостным блеском в глазах.

— Поступаю в ваше распоряжение, — вытянувшись по-военному, отрапортовал Владимир Ильич командиру. — Прошу принять меня в расчет для участия в субботнике.

— Займите место на правом фланге, — сказал командир.

Часы на кремлевской башне отзвонили время серебряным звоном. Грянули медные трубы оркестра.

— Приступить к работе! — раздалась команда. Повторилась по отрядам.

Весело приступили люди к работе. Музыка веселила, солнечный день. И что Ленин вместе с ними работает, очень было курсантам приятно.

Бревна были тяжелые. Таскали одно бревно вшестером. Скоро курсанты заметили: Владимир Ильич все старается с толстого конца бревно захватить.

— Не годится так, — решили курсанты. — Надорвется Владимир Ильич.

— Товарищ Ленин, — сказал один, — не можем мы, товарищ Ленин, чтобы вы тяжести такие таскали!

— Вы же таскаете. А мне отчего нельзя? — возразил Владимир Ильич.

И спокойно пошагал к следующему бревну.

— Ступайте лучше, Владимир Ильич. Мы без вас здесь управимся, — поспевая за ним, уговаривал курсант.

— Нет уж, нет уж, не выпроваживайте. Все равно не уйду.

— Да ведь вам пятьдесят годиков стукнуло, Владимир Ильич!

Выпалил такое курсант и смутился. Уж очень попросту они держатся с Лениным, будто с ровесником, своим братом, рабочим парнем.

Владимир Ильич обернулся, погрозил пальцем, смеясь:

— Если я вас старше, молодой человек, так извольте со мной не спорить.

Вспомнился Владимиру Ильичу другой май, когда они с Надеждой Константиновной были в Шушенской ссылке. Еще были там ссыльные — финн Оскар Энгберг и поляк Ян Проминский. Втайне от урядников соорудили они красный флажок и Первого мая собрались на лугу. Пели:

День настал веселый мая,
Прочь с дороги, горя тень!
Песнь раздайся удалая,
Забастуем в этот день!

И мечтали там, в ссылке, о будущем...

Вот оно, будущее. Народ свободный, трудится для себя. Красная Армия на фронтах перешла в наступление. Скоро разобьем интервентов и контрреволюцию, вышвырнем вон навсегда.

...Владимир Ильич вернулся с субботника в мокрой от пота рубашке. У одного штиблета оторвалась подошва.

— На тебя обуви не напасешься, — сказала Надежда Константиновна.

И пошла доставать Владимиру Ильичу свежее белье. А он, усталый и довольный, мылся под краном, отфыркивался, мотал головой, брызги летели в стороны.

Потом Надежда Константиновна приколола Владимиру Ильичу к пиджаку красную ленточку, и он поехал на Театральную площадь на закладку памятника Карлу Марксу и сказал там революционную речь. И еще в этот день закладывали памятник „Освобожденному труду", Владимир Ильич и там речь говорил.

А вечером выступил на митингах в одном, втором, третьем районе. И поехал в рабочий дворец. В этот день Первого мая 1920 года в Москве открывался рабочий дворец.

Владимир Ильич радовался сегодняшней согласной работе на Всероссийском субботнике. Новым памятникам радовался. Новой культуре.

Руки и ноги гудели у Владимира Ильича от усталости. И было хорошо-хорошо.

КОМСОМОЛИЯ

Всем известно, что комсомольцы — смелые ребята, передовые ребята. Надо партии для пользы народа послать на опасное дело бесстрашных людей — кто впереди? Всегда комсомольцы.

Небывалые дороги надо прокладывать — кто откликнется по первому зову? Комсомольцы. Война — комсомольцы не дрогнут.

Тысячи подвигов совершили комсомольцы на гражданской войне. Тысячи поросших травой и цветами комсомольских могил в сибирских землях, на Украине, в Крыму и Поволжье, под Курском и Питером. Тысячи комсомольских героев...

Владимир Ильич отложил карандаш. Листок бумаги на столе исписан тонким высоким почерком. Ленин набрасывал план выступления.

Сегодня он выступает на III съезде комсомола. А всего Российскому комсомолу от роду два года. Интересно было Владимиру Ильичу думать о комсомольцах. Задиристые, упорные! Дети рабочего класса и бедных крестьян. Мы сделали революцию, думал Владимир Ильич, а достроить коммунистическое общество как надо едва ли успеем. Молодое поколение будет достраивать. Вы, комсомольцы, в первую очередь!

Тем временем комсомольские делегаты собирались на съезд. Прямо с субботника. Все утро разгружали на вокзалах товарные платформы, складывали в поленницы на складах дрова, наводили порядок на улицах. Прихорашивали Москву.

Был холодный день 2 октября 1920 года. Небо серое. Вдруг налетит ветер, и туча желтых листьев взовьется с ветвей на бульваре, покружит в воздухе и опадет на землю шуршащим дождем.

Комсомольцы радовались свежести утра, и сухому шороху листьев, и общей работе, от которой горели ладони. А главное, сейчас на съезде выступит Ленин!

Понятно, комсомольские делегаты со всех ног спешили к назначенному часу в дом № 6 на Малой Дмитровке. Теперь в этом доме Театр Ленинского комсомола. Тогда театра не было. Сцены не было. Вместо сцены некрашеные подмостки без занавеса. Длинный стол на подмостках и кафедра. Да плакаты и лозунги на красных полотнищах.

,,Ты записался добровольцем? — спрашивал с одного плаката красноармеец в буденовке и властно указывал пальцем: — Ты?"

А многие комсомольцы как раз приехали с фронта. Ведь эти комсомольские делегаты из разных городов и деревень были не школьники. Кто грамоту знал, а кто и нет, кто и книжки ни разу в руках не держал. Зато они беспощадно громили на фронтах белогвардейские банды. Зато без страха отбирали у кулаков припрятанный хлеб. Зато готовы были в огонь и в воду за Советскую власть.

И сердца комсомольские с волнением выстукивали: сейчас будет Ленин. Услышим Ленина!

В ожидании они тесно сидели на скамьях, плечом к плечу, в шинелях и кожанках. Комсомольцам двадцатых годов особенно нравились черные кожанки, как у Свердлова. Шинель — тоже неплохая одежда, пропахшая по́том и порохом боевая шинель. И папаха или буденовка с красной звездой.

,,Что Ленин скажет?" — гадали делегаты. И ждали: скажет о войне. В бой позовет, к геройству и под-

вигам. Красная Армия гнала беляков. Но еще не кончилась гражданская война.

Смело мы в бой пойдем, –

поднялось в одном конце зала. И загремело мощно и гулко:

За власть Советов.
И, как один, умрем
В борьбе за это!

Но вот все примолкло. Начались выборы президиума, как всегда на собраниях. Стол для президиума был покрыт красным сукном. Товарищи заняли места. Два портрета висели на стене. Маркс и Энгельс внимательно и с приязнью глядели на комсомолию.

Вдруг раздалось восторженно:

— Ленин!

Комсомольцы вскочили, захлопали в ладоши. Ленина комсомольцы любили, гордились им.

Ленин снял пальто с черным бархатным воротничком и аккуратно положил на стул. Поздоровался за

руку с товарищами, которые сидели в президиуме. И все его жесты, улыбка и все, что он делал и как делал, все его поведение до того комсомольцам понравилось, так был он дорог и мил, что у многих этих боевых комсомольских ребят слезы стояли в глазах от любви и какого-то необыкновенного счастья.

Ленин подошел к краю подмостков, вынул из жилетного кармана часы, на цепочке, без крышки. Показал: кончайте, мол, хлопать, будем работать.

И еще больше комсомольцам понравился.

И если бы он сказал: „Ребята! Все до единого, не медля минуты, на фронт!" — все, как один человек, ушли бы на фронт.

Но Ленин сказал другое. Сначала комсомольцев взяло смущение. Сначала не поняли.

Ленин не стоя говорил, а прохаживался по краю подмостков. Было тесно. Кто постарше из президиума, заняли места за столом. Стульев не хватало, члены президиума — комсомольцы, недолго думая, уселись прямо на подмостки. Ленин осторожно шагал мимо них. И говорил.

О чем же? О том, что сейчас задача комсомольцев — учиться.

Поразились комсомольцы. Владимир Ильич видел удивление, растерянность на молодых, жадно внимающих лицах и старался как можно понятнее объяснить свою мысль. Скоро мы кончим гражданскую войну. Прогоним врага. А дальше? Начинать надо строить. Заводы, фабрики, тракторы, самолеты, машины. Электрифицировать надо страну. А что такое электричество, товарищи комсомольцы, вы знаете?

Надо знать, много знать!

Владимир Ильич толково и просто доказал комсомольцам, что без знаний невозможно построить коммунистическое общество.

Надо знать и трудиться. „Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами". Владимир Ильич говорил, что учиться коммунизму — это значит каждый шаг своей жизни связывать с борьбой пролетариев против старого общества. И строить новое, коммунистическое.

МЕЧТЫ И ДЕЛА

В кабинете Владимира Ильича сидел знаменитый английский писатель Герберт Уэллс. Наверное, нет ни одного школьника, кто не читал бы книги Уэллса „Борьба миров", „Машина времени", „Человек-невидимка". Во всем мире прославились полные удивительной фантазии книги Уэллса!

Уэллс критиковал недостатки капиталистической жизни, увлекался наукой и техникой, и Владимиру Ильичу интересно было с ним познакомиться. Смеющимся взглядом Владимир Ильич поглядывал на довольно крупного и плечистого английского джентльмена с ровным пробором и короткими усиками. На нем был прекрасный костюм. Тугой воротничок ослепительно белой сорочки подпирал круглый бритый подбородок. Видно было, прославленный писатель не знавал, что такое нужда.

А советские люди жили голодно, холодно. Рубашки негде купить. Магазины пустые.

Герберт Уэллс рассказывал Владимиру Ильичу о своих впечатлениях. Он приехал из Англии две недели назад и без устали ходил петроградскими и московскими улицами. Приезжал на заводы. Больше половины заводов стояло. Молчали станки. Уэллс ехал в школы. Школьникам выдавали по ломтику хлеба на завтрак. А учебников не хватало. Учились по одной книжке втроем, вчетвером.

Уэллс наблюдал, расспрашивал, слушал. И был потрясен. Невыносимо тяжко Советской стране! Разруха, голод. Нет топлива. Нет освещения. Россия во мгле.

Так говорил Ленину Герберт Уэллс.

На лице Ленина постепенно угасала улыбка. Нет, он не сердился на знаменитого английского писателя. Ленин любил откровенный разговор. Что думаешь — выкладывай прямо. Уэллс говорил правду: в России разруха. Уэллс справедливо рассуждал: не большевики довели страну до разрухи, а царское правительство, капиталисты, свои и чужие. Это они обрушили на Россию войну. Но Уэллс не верил, что большевики возродят Россию, вытянут из нищеты и войны.

Тут Ленин нагнулся через стол ближе к Уэллсу и с вспыхнувшим в глазах смешком задал вопрос:

— А вы представляете, что делают большевики для возрождения России? Хотите узнать?

Уэллс был фантаст и ученый. Оттого Ленин и решил поделиться с ним планом. План был великий, громадный! Ленин давно его задумал.

С молодых лет был у Владимира Ильича близкий товарищ Глеб Максимилианович Кржижановский, коммунист и талантливый инженер. Он был и поэт. Еще в царское время перевел на русский язык революционные польские песни. И раньше их пели, а теперь вся страна распевала:

Но мы подымем
Гордо и смело
Знамя борьбы
За рабочее дело...

Много вечеров Ленин обсуждал с инженером Кржижановским свой план. Двести ученых, самых крупных и опытных, позвал Ленин для составления и рассмотрения плана.

И вот теперь делился с Уэллсом. Уэллс по-русски не знал. Но Владимир Ильич как заправский англичанин говорил по-английски. Уэллс восхитился — так свободно, богато лилась его английская речь! А мысли! Мысли были ярки, как молнии. Смелее самой смелой фантазии. Уэллса ошеломил ленинский план. Электрифицировать Россию! Бескрайние равнины, леса. Деревни при свете жалкой лучины. Запущенные города. Заводы умолкли. Торговля заглохла. Железные дороги разбиты...

— И в таких ужасных условиях вы мечтаете по всей вашей огромной стране зажечь электричество?

— Да. Мы построим электростанции. Дадим заводам энергию. Пустим электрические поезда.

„Изумительный человек! — слушая Ленина, думал Уэллс. — Но... кремлевский мечтатель". Писателю-фантасту план Ленина казался несбыточной сказкой.

Через два месяца в Большом театре открылся VIII Всероссийский съезд Советов. Это было в декабре 1920 года.

На бархатных креслах сидели люди в косоворотках и гимнастерках, изношенных пиджаках и валенках, сидели люди с решительными, непреклонными лицами — сидела Советская власть. Они собрались здесь утверждать новые законы и план жизни и хозяйства на будущее.

На сцене установили огромную карту электрификации нашей страны. Владимир Ильич много раз звонил Кржижановскому, торопил художника и монтеров изготовить карту к сроку! Хотелось Владимиру Ильичу, чтобы депутаты Советов наглядно увидели: вот наш план электрификации, вот так мы преобразим Россию. Через десять лет приезжайте, Уэллс, поглядеть...

Невысокий черноглазый инженер Кржижановский стоял на сцене. Энергичный и быстрый, сейчас он был тих. Волновался.

Вчера здесь, на этой сцене, Ленин сказал: „Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны". А сегодня инженеру Кржижановскому надо рассказать, как все это будет. Он волновался. Деревянная указка в его руке чуть подрагивала. Вот он поднял указку, притронулся к карте. Свет в зале погас. А на карте от прикосновения указки зажегся огонек. Один огонек. Второй, третий. Кржижановский говорил, где мы будем строить электростанции, как будем строить, как поднимется наша промышленность, оживут наши поля. И огоньки все зажигались, обозначая места электростанций, и карта расцветала чудесно, волшебно. И окрепшим, сильным голосом говорил Кржижановский.

Владимир Ильич видел вдохновенное лицо друга, глубокое, безграничное внимание зала, огни карты — зарю будущего. И знал: теперь этот план, которому он отдал душу, станет мечтой и делом всех депутатов. Мечтой и делом народа. Он не один. С ним советский народ и товарищи.

ЖЕСТОКИЙ ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

В декабре двадцатого года в газете „Правда" появилась наконец последняя сводка Революционного военного совета: „На фронтах спокойно". Красная Армия выгнала интервентов. Разбила белые банды. Только до Дальнего Востока не дошла пока Советская власть. Погодите, дойдет.

Почти во всей стране война кончилась. Военный коммунизм не годился больше для жизни. Ленин обдумывал новую политику, подходящую для мирного времени.

Но подкрадывалось ужасное бедствие к Советской стране.

Зима стояла без снега. Не выли вьюги, не наметали сугробы. Морозы вымораживали голую землю. Были чахлы весенние всходы. Тощие росточки жадно ждали дождей. Напрасно. Всю весну и все лето раскаленный шар солнца вставал с востока в душном небе без облачка. Вечерами зловеще пламенел багровый закат. Жаркий ветер высушивал в бедных всходах последние соки. Земля каменела от зноя. В Поволжье погибли поля. Засуха настигла Крым и Южный Урал.

Голодная смерть поглядела в глаза миллионам людей.

Владимир Ильич приходил в Совнарком. Заседание начиналось в назначенный час. На повестке дня вопрос о помощи голодающим. Владимир Ильич направлял, руководил, требовал действий, неотложных, решительных. Как во время войны.

Советское правительство обратилось к народу. Во все области и города полетели телефонограммы: „Товарищи, делитесь чем можете!"

Председатель ЧК Дзержинский поехал в Сибирь собирать хлеб для Поволжья.

На Украине был хороший урожай. Ленин написал письмо украинцам.

„Помощь нужна быстрая. Помощь нужна обильная", — писал Владимир Ильич.

Послал обращение заграничным рабочим. Помогите!

Советское правительство образовало Помгол, то есть Комиссию помощи голодающим. Помголом ведал Калинин.

В специальном поезде, под названием „Октябрьская революция", Михаил Иванович поехал в Поволжье.

— О детях позаботиться надо. О детях особенно, — сказал Владимир Ильич. И добавил: — Пожалуйста!

И такую заботу, такое горе услышал Калинин в голосе Ленина! Будто миллионы ребятишек на Волге с усохшими личиками были Председателю Совнаркома родными детьми. Михаил Иванович кашлянул, пряча смятение. Тронул бородку:

— Все силы приложим. Все возможное сделаем.

— Выше возможного! — сказал Владимир Ильич.

Был поздний вечер. В кабинете Предсовнаркома светилась неяркая лампочка. Владимир

Ильич отложил кипу подписанных и решенных бумаг.

Болела голова. Невыносимо болела. Владимир Ильич перемогался. Нельзя хворать, некогда. Но сейчас никто его не видел, и он устало оперся лбом на ладонь. Мысль о голоде сверлила мозг.

„Выше возможного!" — думал Владимир Ильич.

Советское правительство делало выше возможного.

Мало золота в советских банках. Но Ленин подписал приказ о выдаче двенадцати миллионов золотых рублей на закупку за границей семян для сожженных полей.

Рабочие писали в Совнарком:

„Товарищ Ленин! На нашей матушке-Руси тысячи тысяч церквей. Золотые кресты в церквах, ценная утварь. Отобрать бы да пустить голодным на хлеб".

Молодцы рабочие! Ленин ухватился за подсказку рабочих. Надо подготовить декрет об изъятии церковных ценностей. Что еще?

Зазвонил телефон. Говорили из Поволжья.

— Плохо, Владимир Ильич.

Мертвые поля. Мглистым маревом окутаны деревни и села. Не слышно мычания коров. Скотину прирезали или от бескормицы пала. Даже грибов и ягод не родила земля в это окаянное лето. Люди варили похлебку из листьев и трав. Валились с ног от слабости. Целые семьи вымирали, будто в чуму. Волки хищно рыскали из деревни в деревню...

Долго после звонка сидел Ленин, откинувшись на спинку стула, не двигаясь. Непривычно это для Ленина.

Очень правильно, что Помгол организовал вывоз детей из голодных губерний. И жутко было: так тихи полные ребятишек вагоны, так тихи...

В разные города из голодных губерний шли поезда. А Москва взяла чувашских детей. В бывших барских и буржуйских хоромах пооткрывали детские дома для маленьких осиротевших чувашей.

Была совсем уже ночь. Владимир Ильич бесшумно вошел в дом. Все спали. Но нет, Маняша не спала, дожидалась. Позвала на кухню.

— Не жалеешь ты себя, Володя. Хоть чаю горячего выпей. А Надя вернулась с работы без ног, прилегла.

Владимир Ильич увидел на столе зашитую в мешковину посылку. Крестьяне из Тамбовщины писали, что посылают окорок да сальца: „Отведайте нашего деревенского продукта, Владимир Ильич, подкрепите силы".

— Володя, ты никогда не принимаешь посылок, — заговорила Мария Ильинична, — и мы с Надей совершенно согласны. Но, Володя... У тебя такой утомленный вид...

Владимир Ильич улыбнулся. Милая Маняша! Он любил ее.

— Знаешь, что мы с этой штуковиной сделаем? — сказал Владимир Ильич, похлопывая по зашитой в мешковину посылке. — К нам в Москву привезли из голодных губерний ребятню. Отошлем в детский дом. Согласна, Маняша?

Мария Ильинична пристально поглядела на брата. Истомленный, под глазами тени. Устал. У нее сердце тоскливо сжималось.

— Попросим, чтобы самым слабым раздали, самым слабеньким, — сказал Владимир Ильич.

Она кивнула.

У Владимира Ильича по-прежнему болела голова. Но он повеселел. Капля в море тамбовская посылка. А приятно все же, что завтра каким-то маленьким, изголодавшимся детишкам отрежут к обеду по куску вкусного розового тамбовского окорока.

ЧТО ТАКОЕ НЭП

И рабочие приходили в кабинет Ленина рассказывать, как живут и работают. И командиры Красной Армии приходили обсуждать военные действия. И ученые. Со всеми Ленин советовался, каждого внимательно слушал.

А потом на Совнаркоме обсуждались подсказанные народом вопросы, и правительство принимало законы, нужные для Советской страны.

Приходили крестьяне. В первые месяцы у крестьян основной вопрос был насчет помещичьих и кулацких земель. Как их между бедняками и середняками распределить, как полезней использовать?

Потом началась гражданская война.

Тогда Советское правительство установило для крестьян продразверстку. Это значит: убрали рожь — на семена отложи, на еду себе отложи, да небогато, а в самый обрез. Остальное подчистую отдай государству. Не отдашь — кто накормит Красную Армию? Кто рабочих накормит?

Тяжелы для крестьян были те времена. А что делать? Всем тяжело.

Но вот кончилась война. И к Ленину стали приходить из деревень ходоки. С Тамбовщины, из Владимирской и Орловской губерний, из Сибири. Идут и идут. Бородатые, не верхогляды, с опытом жизни. Ленин был рад. Расспрашивал: какое у вас мнение о будущем?

Крестьяне говорили: надо отменить продразверстку. Устанавливайте вместо разверстки налог.

А это что значит? Значит, не всю рожь, что посеял да сжал, отдавай. Кто больше нажал, тому больше осталось. Интерес у крестьянина. И засеять побольше захочется. И поглубже вспахать. Потому что отвезет государству налог, сколько положено, а все в амбаре для себя кое-что осталось. Остаток продаст. Что для дома и хозяйства понадобится, в городе купит. Мыла, керосину, материи. Косы и плуги, жнейки — рожь жать. Плуги и жнейки в поле не вырастишь. Значит, надо в городах на полный ход пускать фабрики и заводы. Чтобы всего было вдоволь.

Неужели не сумеет трудящийся народ своими руками добиться безбедной жизни? Капиталистов прогнали, белые армии выгнали — сами свою долю будем устраивать.

Из таких разговоров с крестьянами, из советов с товарищами и собственных мыслей родился у Ленина план. Новой экономической политикой назвал Ленин этот план.

После революции вошло у нас в моду длинные названия сокращать. Так и здесь сократили, и получилось название — нэп.

Советская власть позволила открыть частную торговлю. Но очень немного. Не опасно для Советской страны. Ведь власть была рабоче-крестьянская. Рабоче-крестьянская власть зорко следила за главным: крепила и развивала промышленность, железные дороги, морской и речной транспорт — все это было народное, собственность государства.

Во время гражданской войны Советское правительство ввело суровые и крутые порядки. Так было нужно. В мирное время порядки надо было менять.

Все, что Ленин делал, чего добивался, — все для пользы, выгоды, счастья народа. Теперь, после войны, Ленин добивался развития хозяйства, торговли, промышленности, электрификации, машиностроения и крепкой дружбы между деревней и городом.

Вот для этого строительства и нужен был нэп. X съезд партии утвердил ленинский план нэпа.

Нелегко добивался Ленин перестройки жизни по-новому. Были преграды. Были споры, нападки. Казалось, о чем спорить? А вот Троцкий спорил. Как всегда, выдвигал неверное, вредное мнение. Он был против Брестского мира. Много он принес зла советскому народу.

И сейчас выступил против Ленина. По разным вопросам он с Лениным и партией спорил. Не согласен был с планами Ленина. Привлекал на свою сторону нестойких партийцев. Сколачивал против Ленина группы. И другие противники были у Ленина.

Надо бы вместе, дружно, согласно налаживать мирную жизнь. Так мечтал Ленин, — чтобы партия всегда шла согласно!

Но находились люди, мешали строить новую жизнь.

Ленин беспощадно против них боролся.

Большинство коммунистов стояло за Ленина. И они побеждали и вели партию и советский народ к коммунизму.

КОГДА ПОЕТ ЛЕД

— Едем! — сказала Надежда Константиновна.

— Непременно, Володя! — подхватила Мария Ильинична, в душе опасаясь, что он будет противиться.

Но Владимир Ильич не противился, хотя и соблазнительно было посидеть над статьей в уединенном по случаю воскресного дня кабинете. И письма важные написать было надо...

Но октябрьское ясное утро манило на волю. Хорошо в такой погожий денек прокатиться за город, позабыть до завтра дела! В календаре красное число как-никак. И они уселись в большую черную машину английской марки „роллс-ройс", и товарищ Гиль повез Владимира Ильича с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной в Горки.

Выехали из Москвы. Владимир Ильич полной грудью вдыхал свежий воздух. Утренняя розовая зорька была так мила! Солнце медленно всплывало, озаряя тихим светом блекло-голубой небосвод. Дорогу подморозило, на кочках и колдобинах машину трясло. Гиль вел не спеша, осторожно. А Владимир Ильич любил быструю езду. Чтобы ветром резало щеки, кружилось весело сердце!

— Вы, товарищ Гиль, машину ведете, будто каждой курице реверанс делаете, — сказал Владимир Ильич.

Шутки Владимира Ильича веселили товарища Гиля. Но скорости он не прибавил. Нет уж, будем лучше реверансы курицам делать, проезжая деревни, а растрясти Владимира Ильича по избитой дороге шофер Гиль себе не позволит.

Горки — старинная усадьба. Прекрасный парк окружил особняк с белыми колоннами и два флигеля. Тенисты аллеи из раскидистых лип и могучих дубов. Привольны лужайки. Есть там удивительные уголки — видно оттуда далеко-далеко, видно даже Подольск.

Владимир Ильич любил вглядываться в зеленоватую даль и угадывать город за лесами и резвой речкой Пахрой. Владимир Ильич приезжал в Подольск молодым, когда вернулся из ссылки. В 1900 году это было, вот когда. Там жила в это время Мария Александровна с высланным из Москвы сыном Митей. И сестры Владимира Ильича там жили, когда Владимир Ильич приехал повидаться с родными перед отъездом в Швейцарию. Владимир Ильич подготавливал тогда выпуск за границей „Искры" — рабочей революционной газеты...

Машина въехала в парк и мягко, без толчков, подкатила к северному флигелю. У Владимира Ильича не лежала душа к большому дому. Предпочитал северный флигель, где маленькие комнатки, невысокие потолки, небольшие окошки. При господах здесь, должно быть, были помещения для служащих. После Октябрьской революции господа удрали за границу, а Советское правительство позднее открыло в Горках дом отдыха. И Председателю Совнаркома определили здесь место для отдыха, когда после ранения врачи строго-настрого предписали ему чистый воздух.

Верно. Едва Владимир Ильич вырывался из духоты заседаний и московского шума в горкинский парк — голова почти переставала болеть.

— Деревенского воздуха глоток глотнул, сразу щеки и порозовели, — довольно заметила Надежда Константиновна.

— Милостивые государыни, следуем в дальнее странствие, — заявил Владимир Ильич.

Было сухо и холодно. Каменно стучала под ногами земля. Листья с деревьев опали. Весь парк гляделся насквозь, и только сирень скучно стояла в

сумрачной зелени пожухлой листвы. Да встретится рябина с отяжелевшими от красных гроздьев ветвями.

Стая желтогрудых синиц шумно перепархивала с куста на куст.

— Эй вы, жилетники! — крикнул Владимир Ильич.

— Что это? — не поняла Надежда Константиновна.

— Погляди, будто жилетики желтые надеты на них, — сказал Владимир Ильич.

Как любила Надежда Константиновна его восхищение природой! В эмиграции в свободные часы они лазали по горам. Или укатят на велосипедах бог знает куда. Чем глуше лес, круче, нелюдимей тропки, тем сильней Владимира Ильича брал задор.

— Махнем, Надюша, туда, там скала нависла над озером...

Величавы, роскошны швейцарские озера и горы. А русская, скромная природа ближе. Роднее.

— Смотрите, Малый пруд! — сказал Владимир Ильич.

— Вон в какое мы славное местечко притопали! — обрадовалась Мария Ильинична.

Пруд застыл. Синевато-сизый, прозрачный ледок сковал Малый пруд. Как бы стеклом его затянуло, и сквозь стекло отражались в пруду опрокинутые стволы и голые сучья деревьев, путаница кустарника на плоских берегах. Темные водоросли видны были под крышей ледка.

Вдруг звенящий мелодичный звук разнесся по пруду. Словно на каком-то странном инструменте тронули струну, и она прозвучала нежно и длинно. Брошенный кем-то комок смерзшейся земли проскользнул по льду от берега до середины. Лед отозвался.

— Чудеса! — тихонько ахнул Владимир Ильич.

Тут они увидали отделенных от них кустарником мальчишку и девчонку, лет по восьми. Это мальчишка запустил на лед комок.

— Как поет! По всему пруду звон, — сказала девочка.

— Поймать надо день, когда его впервой ледком схватит, — ответил мальчишка. — А то покрепчает или снегом закроет, тут он петь перестанет.

— Давай еще, — попросила девочка.

Снова заскользил по пруду комок, лед зазвенел.

— Ой! — вскрикнула девочка.

Ребята увидели взрослых. Мальчишка снял шапку:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — ответил Владимир Ильич, приближаясь. — Откуда вы?

— Мы местные. Недалече, из Горок. — Мальчишка махнул рукой в сторону деревни Горки, видной от пруда. — А вы, чай, московские?

— Угадал, — засмеялся Владимир Ильич. — Хорошо у вас лед поет.

— А как же! В самый раз надо его уловить, не всякий сумеет, — хвастливо ответил мальчишка. — А вы начальство небось?

— У нас „лампочка Ильича" загорелась, — сказала девочка.

— Электричество. Не хуже Москвы. Как вечер, деревня вся так и засветится, — хвастал мальчишка.

— Значит, довольны? — спросил Владимир Ильич полушутя, полувсерьез.

— А что? Дальше-то лучше, чай, будет!

И они переглянулись, и мальчишка стащил с головы шапчонку, сказал: „До свидания", — и они побежали куда-то, может, домой, а может, еще подсматривать чудеса и загадки осеннего леса.

А Владимир Ильич с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной пошли глубже, глубже в парк, потому что Малый пруд от дома не так далеко, а ведь Владимир Ильич позвал их сегодня в дальнее странствие.

МАЯК

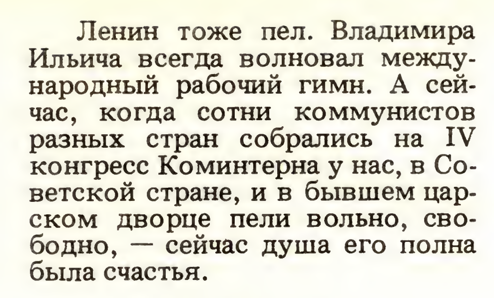
Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.

Гимн гремел. Бился в окна двусветного зала в Большом Кремлевском дворце. Летел к лепным потолкам.

Мы наш, мы новый мир построим:
Кто был ничем, тот станет всем!

Несколько сот человек стояли в кремлевском зале и на пятидесяти языках пели гимн. На французском, немецком, итальянском, турецком, японском, английском, норвежском, финском, эстонском, латышском... русском, конечно.

Ленин тоже пел. Владимира Ильича всегда волновал международный рабочий гимн. А сейчас, когда сотни коммунистов разных стран собрались на IV конгресс Коминтерна у нас, в Советской стране, и в бывшем царском дворце пели вольно, свободно, — сейчас душа его полна была счастья.

Это есть наш последний
И решительный бой;
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Много иностранных революционеров знал Владимир Ильич, когда был в эмиграции. Знал талантливого французского социалиста Жана Жореса, который создал „Юманите", знаменитую революционную газету во Франции.

А немецкие марксисты! Клара Цеткин, Роза Люксембург, Карл Либкнехт! А сколько финских революционных рабочих знал Владимир Ильич! А гельсингфорсский социал-демократ Ровио, скрывавший Владимира Ильича от преследований Временного правительства! А швейцарец Фриц Платтен, который помог Владимиру Ильичу с товарищами вернуться на родину, когда в России началась революция! И еще много было иностранных революционеров, рабочих и не рабочих, с которыми встречался и дружил Владимир Ильич.

Теперь, когда рабочая Октябрьская революция победила в России, марксисты-революционеры тоже образовали в своих странах коммунистические партии.

— Объединимся в единый союз, — сказал Владимир Ильич.

Коммунистические партии объединились. Дали союзу название — Коммунистический Интернационал, Коминтерн.

Владимир Ильич поднялся на кафедру. Сотни глаз были устремлены на него. Владимир Ильич видел интерес и ожидание в глазах. О чем рассказать коммунистам разных стран?

Наверно, важнее всего им услышать о жизни советского общества. О новом.

И Владимир Ильич стал рассказывать, как идет у нас хозяйство в Советской стране: чего добились за пять лет, а чего не добились. Войну победили, голод победили. С разрухой справляемся. Лучше стало жить крестьянам. И рабочим получше. Торговать учимся. А машины делаем пока еще плохо, мало. Больше надо машин. Без машин не построишь коммунизма. А перед нами цель — коммунизм. И перед вами, иностранные товарищи, цель — революция.

Вот о чем говорил Владимир Ильич. Он говорил по-немецки. Русский язык в то время мало кто знал за границей, а немецкий многие понимали.

„Хорошо говорит по-немецки", — хвалили про себя немецкие коммунисты.

Доклад кончен.

Все встали, огромная армия коммунистов.

— Ура, Ленин! Да здравствует Ленин!

Буря бушевала в двусветном зале, настоящая буря!

Понятно, Владимира Ильича трогало это море любви. Но овации, такие громкие, его смущали.

Он думал, как бы выбраться скорее из зала. Куда там! Толпа плотно обступила. Каждый хотел что-то сказать. О чем-то спросить. Или хотя бы поздороваться.

— Здравствуйте, товарищ Ленин! — протискавшись ближе, громко говорил по-французски кудрявый человек. У него блестели черносливины глаз, он весь сиял и без конца дружелюбно твердил: — Здравствуйте, товарищ Ленин! Камрад, камрад... — И по-русски с трудом, по слогам: — Ле-нин вождь!

Ленин улыбнулся:

— Вы, товарищ, из каких местностей Франции?

— Я итальянец. Но вы не знаете наш итальянский...

— Немного, — возразил по-итальянски Владимир Ильич.

— О! Товарищ Ленин все знает! — воскликнул кудрявый итальянец.

И на итальянском, немецком, французском, английском со всех концов неслось:

— Ленин — друг! Ленин — вождь коммунистических партий! Учитель — Ленин!

А один иностранный шахтер, в белоснежном воротничке, с лицом, усеянным темными точечками угольной пыли, приставил ладони ко рту и, как в рупор, с воодушевлением кричал:

— Советская страна — наш маяк! Держим курс на маяк.

ВЕЧЕРОМ ПОД НОВЫЙ ГОД

Владимир Ильич заболел. Тяжело заболел. Очень опасно.

Некоторые думали, болезнь настигла внезапно. Нет, давно подкрадывался коварный недуг. Бессонница. Иногда до утра не удавалось сомкнуть глаз. Мучительно длилась бесконечная ночь. Почти постоянно болела голова. Пришел лихой час, Владимир Ильич слег.

Он лежал в своей комнатке в кремлевской квартире.

— Слишком много работал Владимир Ильич, свыше человеческих сил, слишком много! — сказали врачи. — Необходим абсолютный покой.

Но Владимир Ильич не мог не работать. Болезнь опасна. Надо спешить высказать необходимые мысли.

Владимир Ильич лежал с вытянутой поверх одеяла неподвижной рукой. Компресс холодил воспаленную голову.

Был вечер. На столе слабо горел ночничок. Предписано Владимиру Ильичу отдыхать после обеда. Он не спал.

Вчера открылся в Москве I съезд Советов СССР. Вчера 30 декабря 1922 года на съезде был утвержден договор о создании Союза Советских Социалистических Республик.

Владимир Ильич долго подготавливал этот значительный день.

Не все сразу поняли, почему важно, чтобы был именно Советский Союз. Почему с такой страстью, так упорно Владимир Ильич этого добивался.

Ленин добивался, чтобы СССР был совершенно новым государством, совершенно отличным от царской России. Ведь при царе было так. Была Россия. А Украины вроде и вовсе и не было. И Белоруссии не было. И Армения, и Азербайджан, и Грузия считались всего лишь частью России. Окраинами. Никакой самостоятельности не давали народам. В школах не позволяли учить детей на родном языке. У многих народов даже своего алфавита и грамоты не было. Малым народам не давали расти. Унижали. Ленин ненавидел это неравенство...

Как глубоко он задумался! Надежда Константиновна остановилась у двери, прислушалась: спит?

— Не сплю, Надюша. Готовлюсь к работе.

Она бесшумно вошла. Погасила ночник. Зажгла лампу. Комната осветилась. Осветилось любимое лицо на подушке.

— Неугомонный мой! — сказала Надежда Константиновна.

Стенные часы в столовой гулко пробили шесть раз. С шестым ударом появилась стенографистка Мария Акимовна Володичева. Хрупкая, лет тридцати, умно-внимательная. Пристроилась у столика вблизи кровати. Карандаш наготове.

— Итак, — сказал Владимир Ильич.

Сегодня врачи позволили диктовать сорок минут. Уйма времени — сорок минут! Тем более, статья в голове вся написана. Если бы Владимир Ильич был на съезде, он сказал бы то, что сейчас диктовал. Это был наказ товарищам. Товарищи послушают Ленина, примут его наказ, как строить и крепить

СССР. Нельзя ни в чем обездолить малые народности. Народы нельзя обижать! Советские республики должны быть равны. Дружны. И СССР станет справедливым и несокрушимым государством. И во всем мире пробудятся угнетенные империализмом народы...

Надежда Константиновна в соседней столовой слушала родной голос. Оперлась подбородком на сплетенные пальцы. Исхудавшее лицо светилось тревожной любовью.

Но диктовка кончилась, стенографистка Володичева ушла. Надежда Константиновна сменила ее у постели больного. И улыбка ее была ясной. Ни горя, ни страха не увидел в ее взгляде Владимир Ильич. Спокойствие Надежды Константиновны Владимира Ильича успокаивало.

— Что мне вспомнилось, Надюша, — сказал Владимир Ильич. — Помню, отец бился, открывая школы в Симбирской губернии. Для чувашей, мордвинов, татар устраивал школы. До отца не было этого в Симбирской губернии.

— Редкий он был человек, — ответила Надежда Константиновна. — С малого начинал. Зато у нас теперь революция дороги открыла большие.

Она видела, Владимир Ильич доволен сегодня работой. Даже глаза разблестелись, как прежде. Компресс снял, значит, легче голове. Может, и поднимется скоро?

„Может? Что это я? — испугалась Надежда Константиновна. — Не может, а непременно! Полгода назад было похожее с ним, отболел и поднялся. Так и теперь".

Она заботливо поправила на Владимире Ильиче одеяло.

— А ведь нынче новогодний вечер, Володя, — вспомнила Надежда Константиновна. — Не зря у тебя настроение хорошее. — Нагнулась к нему, поцеловала: — С Новым годом, Володя.

ВСЕГДА В БОРЬБЕ

Врачи опасались, не повредило бы Владимиру Ильичу диктование статей. Владимир Ильич, дайте отдохнуть голове! Не думайте о государственных делах. Оставьте деловые статьи.

Ни за что!

Но переспорить докторов не так-то легко. Пришлось Владимиру Ильичу пуститься на хитрости.

— Буду диктовать не статьи, а дневник.

Провел докторов. Уступили: диктуйте. Впрочем, наверное, доктора понимали: не про погоду будет этот дневник. Разве запретишь Ленину заботиться о судьбе созданного им государства? Владимир Ильич нервничал, совсем не мог уснуть, когда ему не разрешали диктовать. Доктора разрешили. Только осторожно. Полчаса, сорок минут в день. Не больше.

И в назначенный час приходила стенографистка. Записывала иногда страничку в день, а то две или три. В этих страничках был заключен мудрый план дальнейшего устройства нашего общества. Владимир Ильич критиковал недостатки. Советовал, как лучше наладить государственный аппарат. Как сохранить в Коммунистической партии единство и дружбу. Больше всего боялся Ленин, чтобы в партии не вышло разлада.

В постели, больной, долгие часы обдумывал Владимир Ильич каждую мысль для своих статей. Каждое слово.

Статьи Ленина печатались в ,,Правде". Рабочие люди читали, делились между собою:

— Правильно Ильич про нашу жизнь понимает. Чего мы и не видим, все увидал!

И радовались:

— Видно, здоровье у нашего Ильича идет на поправку.

Вдруг... Был мартовский день. Весело светило весеннее солнце. Вовсю чирикали воробьи на бульварах и в скверах. Пенистые ручьи шумно бежали вдоль мостовой. Все в природе говорило о жизни и радости. Но люди, открывая в это утро, 14 марта, газету, становились хмуры и пасмурны. Люди толпились на улицах возле щитов и витрин для газет. Всюду наклеены были листы. ,,Правительственное сообщение".

Если правительственное, значит, что-то серьезное. Не случилось ли несчастья какого?

,,Бюллетень о состоянии здоровья Владимира Ильича.

За последние дни в состоянии здоровья Владимира Ильича произошло значительное ухудшение..."

Черные буквы кричали: случилось, несчастье случилось... ,,Значительное ухудшение". Страшно читать. Люди отходили, понурив головы.

Сумрачно было в этот день в рабочих цехах.

— Ильич-то наш, эх! — вздохнет старый рабочий.

Молодые не верили, что надвигается грозное.

— Нет, не станут зря бюллетень выпускать, — сокрушались старики. — Эх, Ильич!

А Владимиру Ильичу было плохо. Беспощадно наступала болезнь. Владимир Ильич потерял речь. Что может быть горше! Ленин умолк. Не слышно стало живого, немного картавого, быстрого говора.

Круглые сутки дежурили в квартире Владимира Ильича доктора. Наука, талант, искусство медиков вступили в сражение за его жизнь. Вся страна с надеждой следила. Утром люди спешили к газете прочитать бюллетень.

Вечер. Весенний ветер колышет красный флаг над зданием Совнаркома. Что там, в кремлевской квартире?

Вечер. Кончились дневные труды и хлопоты. Тысячи людей с мучительным беспокойством ищут в вечерних газетах: что в кремлевской квартире?

Тихо в комнате Владимира Ильича. Из столовой доносится медный стук маятника. Там дежурная медицинская сестра. А возле постели Надежда Константиновна.

Владимир Ильич поднял тяжелые веки: „Ты здесь, Надя?"

Надежда Константиновна понимала все, что он хотел сказать и спросить. Говорила с ним, будто слышит ответ.

— Тебе получше сегодня, — уверенно сказала она.

И Владимиру Ильичу показалось, что и правда получше. И глаза его ответили: „Да".

— Ты вылечишься. Доктора говорят, всю волю надо на помощь позвать. Собери всю волю, Володя.

„Собираю", — ответил глазами Владимир Ильич.

— Ты целую жизнь боролся за счастье народа. Поборись теперь за себя. Для народа же, для революции. Изо всех сил поборись!

Снова Владимир Ильич ответил понятно для Надежды Константиновны: „Да".

Нестерпимая жалость ее пронзила. Слезы больно подкатили к горлу. На секунду она обессилела. Справилась. И заботливо, с лаской:

— А сейчас пора отдохнуть. Поспи, чтобы силы набраться. Все будет хорошо. Усни. Я не уйду. Я буду рядом сидеть.

ОСЕНЬ ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕГО

В апреле открылся XII съезд Российской Коммунистической партии. Съезд послал приветствие Владимиру Ильичу.

„От глубины сердца партии, пролетариата, всех трудящихся съезд посылает своему вождю, гению пролетарской мысли и революционного действия, привет и слова горячей любви Ильичу...

Более чем когда-либо партия сознает свою ответственность перед пролетариатом и историей. Более чем когда-либо она хочет быть и будет достойной своего знамени и своего вождя..."

Надежда Константиновна прочитала приветствие. Глубоким взглядом, полным чувства, ответил Владимир Ильич.

Владимир Ильич не сдавался болезни. В середине мая его перевезли в Горки, в Большой дом. Самую маленькую комнату выбрал для себя Председатель Совнаркома в Большом доме. Угловую, с высокими окнами. Из окон виден сад. В яркой зелени, полный птичьего свиста и гама. Орали грачи. С каждой ветки неслось ликование. Весь воздух звенел.

А ночью пели соловьи. Глядели в окна звезды.

Владимир Ильич вдыхал чистый воздух. Понемногу здоровье его улучшалось. Спасибо Горкам! Владимир Ильич стал спать. Захотелось на деревенском воздухе есть. Прибавилось силы.

Медленно двигалась поправка. Владимир Ильич начал ходить, опираясь левой рукой на палку. Учился писать левой рукой. Упражнялся в восстановлении речи.

Учительницей была Надежда Константиновна. Дверь в комнату закрывалась во время урока. Они были вдвоем. Никто не слышал, как вела Надежда Константиновна урок.

В доме немного повеселело. А как были счастливы все, когда раздавался смех Владимира Ильича! Ведь он был жизнерадостный человек. И смешливый. А теперь, когда здоровья прибывало, Владимир Ильич и вовсе радовался каждой шутке, умному слову,

и приезду друзей из Москвы, и новой книге, и рыжим листьям в осеннем саду. Наступила осень тысяча девятьсот двадцать третьего года.

В октябре однажды Владимир Ильич пришел, опираясь на палку, в горкинский небольшой гараж и дал понять, что желает ехать в Москву. Выводите машину. Едем. Надежда Константиновна с Марией Ильиничной ужасно разволновались.

— Да разве можно? Да чем это кончиться может?!

И доктора были против.

Но Владимир Ильич был человеком настойчивым. Что решил, то решил.

Черный „роллс-ройс" выехал из усыпанного оранжевыми листьями парка и покатил в Москву. Не очень шибко покатил, остерегаясь ухабов. Завиднелась Москва. Золоченые главы, белокаменные стены, дымы над фабричными трубами. Владимир Ильич при виде Москвы снял кепку, замахал над головой. Москва! Скорее в Кремль!

Сердце часто и сильно толкалось в груди, когда он перешагнул порог зала заседаний Совнаркома. Все было дорого здесь Владимиру Ильичу. Длинный стол под зеленым сукном. Плетеное кресло во главе стола. Каждый час в этом зале был памятен.

Нечаянно взгляд упал на печку в углу, и Владимир Ильич рассмеялся. Вспомнил, как прятались за печкой курильщики. Курили, а дымок пускали в отдушину. Владимир Ильич решительно запрещал на заседаниях Совнаркома курить. Вот иному наркому станет невтерпеж, и улизнет за печку и наслаждается там, пока председатель не застучит по столу карандашом.

Что-то строгое и нежное поднялось в душе Владимира Ильича. Он любил товарищей.

Владимир Ильич постоял, повспоминал и пошел в свой кабинет. И кабинет оглядел. При виде географических карт, портрета Маркса, телефонов на столе, книжных полок снова нахлынули мысли о недавнем.

Но Владимир Ильич не прощался. Нет. Он хотел жить и вернуться сюда.

Постоял. Поглядел. И приблизился к пальме. Большая тенистая пальма росла в кадке возле окна. Ветви у нее были похожи на раскидистые зонтики в жарких краях. Ее берегли. Владимир Ильич просил беречь эту пальму.

В детстве в симбирском их доме было много цветов. Такая же пышная, раскидистая пальма стояла в столовой. Точно такая, с вечнозелеными листьями.

Потом проехались, поглядели Москву. Поехали на Сельскохозяйственную и кустарно-промышленную выставку.

Первая советская выставка! Владимир Ильич непременно хотел ее посмотреть.

Выставку сделали на берегу Москвы-реки, у Нескучного сада. Раньше там были мусорные свалки. Свалки убрали. Разбили на месте их цветники. Построили павильоны. Вырос хорошенький деревянный городок.

Слишком еще помнили люди войну, голод и холод. Слишком все это было недавно.

Оттого удивительны были деревянные павильоны с узорами, прямо не верилось!

А в павильонах — россыпи золотой пшеницы и ржи, пирамиды толстенных капустных кочанов, горы розового скороспелого картофеля, арбузы и дыни — плоды полей и садов.

Видно было, оживает деревня.

И фабрики и заводы прислали свои изделия на выставку. Видно было, что и город оправляется от нищеты и разрухи.

Владимир Ильич возвращался из Москвы усталый, но полный душевного подъема и жизни.

И так остро, так сильно вспомнилось Надежде Константиновне выступление Ленина в Большом театре 20 ноября 1922 года. Это было последнее выступление его перед болезнью.

Ленин сказал: „...из России нэповской будет Россия социалистическая".

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ

Сани неслись. Снег брызгал из-под копыт. Полозья визжали по скользкому следу. Солнце только зашло. В полгоризонта полыхала заря. Но сумерки быстро надвигались, гуще разливалась синева по снежному полю, темнее вдали высился лес. И вот одна во все небо зажглась спокойная, высокая звезда.

Владимир Ильич возвращался с охоты. Ружье он держать еще не мог, лишь наблюдал, как другие охотятся. Но и это доставляло радость. Он любил

охоту и все, что с охотой связано. Бродить по лесу и вдруг увидеть: из-под увялой прошлогодней листвы топорщатся, тянутся вверх весенние молодые росточки. Или, закинув голову, долго следить, как мягко перелетывает белка с ветки на ветку. Или заметить на снегу путаный заячий след... Все это Владимир Ильич любил. И из ружья любил попалить.

Но бывали случаи, когда другой охотник непременно бы выстрелил, а Владимир Ильич нет. Один раз охотились с флажками на лисицу. Охотники обнесли значительную часть леса цепью из красных флажков. Там лисица. Она пугается красных флажков, ищет выхода.

А выход оставлен, охотники шумом и криками гонят лисицу к выходу.

Владимир Ильич стоял с ружьем. „Эх, кабы повезло, подстрелить бы!" Вдруг — просто чудо! — из-за елей прямо на него вышла лисица. Владимир Ильич замер. Она была так красива, ярко-рыжая на белом снегу, с острой мордочкой, великолепным пушистым хвостом! Шла прямо на ружье, все ближе. Ближе. Но Владимир Ильич не выстрелил. Уж очень была она хороша! И день был хорош, как сегодня, снежный, яркий.

Владимир Ильич улыбнулся, вспомнив тот случай с лисой.

Как весело звенят полозья саней! Тихо приближается вечер. Заря медленно остывает, а над лесом, против зари, нарисовался светленький серпик.

Этот светленький серпик увидела и Надежда Константиновна из окна и сказала Марии Ильиничне:

— Сегодня будто праздник. Взгляни, и луна-то нынче особенная.

— У нас оттого легко на душе, что Володе лучше. Подумай, даже на охоту поехал, совсем замечательно! — ответила Мария Ильинична.

— А помнишь, как он на елке смеялся, почти как в прежние времена?

И они начали вспоминать недавнюю елку, которую зажигали в большом горкинском доме для детей совхозных рабочих и служащих, и Владимира Ильича у елки, его смех и доброту с ребятишками. И игру Марии Ильиничны на пианино, и с каким удовольствием Владимир Ильич слушал.

Только приятное и отрадное хотелось им вспоминать в этот день.

Владимир Ильич возвратился из зимнего леса с румянцем во всю щеку. Морозный воздух, охота, езда на санях освежили и взбодрили его. Но полагается отдых. Таков был режим. Доктора глаз с Владимира Ильича не спускали. Пришлось лечь на часик в постель.

Пока Владимир Ильич отдыхал, Надежда Константиновна с Марией Ильиничной не переговаривались, а только остерегали одна другую, приложив палец к губам: тс-с. Не разбудить бы.

И на душе у обеих была еще робкая, еще несмелая радость. Они с надеждой глядели на будущее.

Доктора обнадеживали.

Один недавно сказал:

— Наверняка к весне вылечим.

А вечером Надежда Константиновна читала Владимиру Ильичу. Когда он стал поправляться, она каждый день читала ему „Правду". А сейчас читала рассказ Джека Лондона.

Владимир Ильич сидел в кресле, задумчиво, чуть сощуренным взглядом глядел в окно. Там в глубоком снегу стоял старый парк. Парка не видно. Мороз заледенил стекла окон. Белые ветви папоротников причуд-

ливо распустились на окнах. Волшебные, как в детстве, ледяные цветы...

Рассказ назывался „Любовь к жизни". Через снежную пустыню пробирался человек, умирающий с голоду. Человек ослабел и уже не мог идти и полз по снежной пустыне. Рядом полз больной, тоже умирающий волк. Между волком и человеком завязалась борьба. Кто победит? Неужели волк? Нет. Победил человек. Жажда жизни влила в него силы. У человека была цель — корабль, видный уже, на краю пустыни у берега моря. Там жизнь. И он полз, полз...

Владимиру Ильичу очень понравился этот рассказ. Надежда Константиновна понимала, что́ так его увлекло. Мужество. Упорство. Воля человека к жизни. Нельзя сдаваться.

Владимир Ильич не сдавался. Надежда Константиновна понимала его мысли и чувства, навеянные сегодняшним чтением. Мысли о возвращении к жизни. К труду.

Разве могла она в тот январский вечер подумать, что совсем мало осталось Владимиру Ильичу жить?

Новый приступ болезни сразил внезапно. И навсегда.

Ленин умер 21 января 1924 года в шесть часов пятьдесят минут вечера в Горках.

ВСТАНЬТЕ, ТОВАРИЩИ!

Много красноармейцев и партизан во время гражданской войны знало паровоз „У-127". Всю войну он возил на фронт бойцов и орудия. А с фронта раненых в тыл. Трудился без устали. Белогвардейские гранаты и пули нещадно хлестали его и калечили. К концу войны паровоз совсем был разбит, вышел из строя.

Вспомнили о нем, когда советский народ начал восстанавливать в стране хозяйство. Тогда рабочие нашли на паровозном кладбище паровоз „У-127" и решили: давайте-ка, братцы, подлечим его.

Хорошо подлечили. Паровоз „У-127" вышел из ремонта как новый. Рабочие-ремонтники были беспартийные, а новый свой паровоз, сработанный в неурочное время, отдали в дар коммунистам. И избрали Владимира Ильича почетным машинистом. Выписали Ленину расчетную книжку.

В скорбные дни, когда Ленин умер, этому паровозу было назначено везти из Горок в Москву траурный поезд.

Всю ночь и весь день и еще ночь из ближних и дальних деревенек и сел шли в Горки крестьяне прощаться с вождем.

Был жестокий мороз. Порывами налетал острый режущий ветер. В горкинском парке стеклянно стучали, качаясь от ветра, ветви деревьев. Черные с красным полотнища обвили белые колонны Большого дома. Дороги устлали еловые ветки. На снегу печально лежали цветы.

Четыре версты от дома до станции несли гроб на руках рабочие, крестьяне, коммунисты, товарищи, члены правительства. И паровоз „У-127" повез горестный поезд в Москву.

Машинист Матвей Кузьмич Лучин двадцать один год водил поезда. Теперь он вел паровоз „У-127". Без остановок шел поезд. Ровно в час надо привезти в Москву гроб с телом Ленина. По сторонам вдоль всей железной дороги стояли крестьяне.

Паровоз приближался с протяжным, тревожным гудком. Люди не трогались. Стояли без движения на рельсах. Плечом к плечу. Молча. Паровоз не дошел до станции, остановился, тяжело задышал. Машинист вышел из паровоза на лесенку.

— Товарищи! — сказал машинист. — На этом паровозе Владимир Ильич был почетным машинистом, моим напарником. Слово я дал Владимиру Ильичу никогда не опаздывать. Нынче приказано ровно в час быть в Москве. Помогите слово сдержать. Ильичу дано слово...

И заплакал. И люди заплакали. Расступились, открыли поезду путь.

Москва. Снова товарищи взяли на руки гроб с дорогим Ильичем. Из улицы в улицу медленным шагом сквозь тысячи безмолвных людей несли к Дому союзов.

Вдруг где-то над крышами возник глухой шум. Заполнил небо. Низко пронеслись аэропланы. И, словно белые голуби, полетели листки. Люди ловили. Читали о Ленине.

И еще поставлены были на площадях деревянные щиты с биографией Ленина. Ведь Ленин очень был скромный. Ни за что не позволял писать о себе.

И вот его нет, и народ толпился у деревянных щитов и читал короткий рассказ о великой жизни Ленина.

Холодно. На московских улицах горели костры. Бесконечными вереницами двигались люди к Дому союзов. День и ночь. Отогревались у костров. Снова шли. Или топтались на месте, чтоб не обморозить ноги, пока на шажок двинется очередь.

Москвичи и приезжие из всех концов Советской страны. Русские и украинцы, армяне и казахи, белорусы, грузины... Иностранные коммунисты и рабочие.

В Доме союзов, утонув в цветах, стоял гроб. Тихо звучала музыка. Тихо шли люди.

Похоронили Владимира Ильича в воскресенье 27 января в четыре часа по московскому времени.

На Красной площади построили Мавзолей. Трое суток строили его в лютую стужу. Долбили, взрывали, оттаивали мерзлую землю кострами, копали котлован. И выросло строгое здание. Тогда было оно деревянным. Позже на месте его воздвигнут величественный Мавзолей из гранита и мрамора.

Утром 27 января сходились и съезжались на Красную площадь делегации от заводов и фабрик, из разных городов и советских республик, от иностранных коммунистических партий. С утра под январским студеным небом стоял на высоком помосте покрытый красными знаменами гроб Ильича.

Замер почетный караул. Замерла Красная площадь. И вот кавалерийский эскорт пронесся карьером мимо гроба полководца первой в мире социалистической революции. И вот артиллерийские запряжки прошли крупной рысью, отдавая последние воинские почести Ленину.

И потянулись рабочие колонны и, приближаясь к помосту, приспускали до самой земли траурные флаги.

Ровно в четыре часа в городах и поселках, где было радио, раздались слова:

„Встаньте, товарищи! Ильича опускают в могилу".

Остановились станки. Стали машины. Стояли, склонив головы, люди. За границей рабочие прервали работу. Пять минут было молчание. А трубы заводов и фабрик гудели, гудели. Стали на всех путях поезда и гудели. Остановились в морях наши пароходы. Долгий, неутешный несся голос скорби над полями, и селами, и городами, и всей нашей Родиной.

Ледяной ветер метался по Красной площади. Плескал траурные полотнища и красные стяги. Морозил слезы на лицах.

Прогремел прощальный салют.

Гроб с телом Ленина опустили навсегда в Мавзолей.

Смеркалось. Близилась ночь. Людские колонны все шли через Красную площадь мимо Мавзолея, все шли...

ВИШНИ ЦВЕТУТ

Наступила весна. В горкинский парк прилетели грачи. Прилетели на родину и захлопотали над гнездами, устраивая жизнь, оглушая окрестности радостным гамом. И жаворонки прилетели. Высоко в бездонной голубизне неба лилась, не смолкая, песнь жаворонков. Над Малым прудом плясали в лучах солнца стрекозы с прозрачными крылышками.

Надежда Константиновна постояла у пруда. Она знала в горкинском парке все любимые места и дорожки Владимира Ильича.

Но был один уголок, который Владимир Ильич не успел увидеть, а Надежда Константиновна любила сюда приходить. Пришла и сейчас. Села на скамейку. Задумалась, положив на колени руки в морщинах, с набухшими жилками.

Здесь цвели вишни. Юные, тонкие вишенки с темно-красными, словно облитыми лаком, гибкими ветками.

Вишни цвели в первый раз. Владимир Ильич не успел увидеть их цвета.

В последнюю осень приехали к Владимиру Ильичу в Горки рабочие с Глуховской мануфактуры. Привезли Владимиру Ильичу письмо от фабрики и подарок — вишневые саженцы из фабричного сада.

Как обрадовался Владимир Ильич встрече с рабочими! Счастливым светом загорелись глаза!..

На прощание один старый рабочий сказал:

— Я рабочий-кузнец, Владимир Ильич. Я кузнец. Мы скуем все намеченное тобой.

И крепко обнял Владимира Ильича. Постояли обнявшись. Через этого старого кузнеца Владимир Ильич как бы всему рабочему классу горячий привет посылал. А рабочий дал обещание Ленину.

,,Обещаем, Ильич, дорогой наш Ильич!" — повторяла Надежда Константиновна рабочую клятву.

Жужжали пчелы над вишнями...

Много весен миновало с тех пор, много лет.

Вишни в горкинском саду разрослись.

Живет, мужает созданное Лениным государство. Выросла созданная Лениным партия.

Бывали трудные времена, лихие и тяжелые годы. Вынесла все испытания Родина. Крепче, сильнее, кра-

ше становится Советский Союз. В самых дальних краях нашей Родины горят ,,лампочки Ильича''. Электростанции, заводы и фабрики, космодромы, колхозы и совхозы, новые города, школы, клубы, театры...

Если бы мог увидеть Владимир Ильич!

Не все еще так, как надо. Много было ошибок, потерь. Социализм строить трудно.

И, наверное, Ленин сказал бы:

,,Не останавливайтесь. Одолевайте трудности. Ведь наша цель — коммунизм''.

Коммунизм — это справедливость и правда. Это общий труд на общее благо. Это бесстрашные дороги вперед и вперед, в поисках нового. Это наша мечта о счастье и жизни красивой и благородной. Ленин показал нам к ней путь.

СОДЕРЖАНИЕ

Радость
5

Зимние вечера
7

Летний день
8

На пароходе
11

Кокушкино
14

Гимназист
16

Будь товарищем
19

Тревожно
22

Отец
25

Первое марта
29

Прощай, Симбирск!
31

Казанская сходка
33

Подневольный
в Кокушкине
36

Самарские годы
38

За Невской заставой
40

Первая книга
42

Бунт
на Семянниковском
44

Четыре листовки
46

„Минога"
48

Не убьешь наше дело
51

Камера № 193
52

Зеленая лампа
55

Уважь, Владимир Ильич
58

Что было в мае
61

У постели Ванеева
64

На волю!
67

Из искры — пламя!
69

Ленин
73

Большевики
79

Злодейство
83

Красный флаг в море
87

Тайные встречи
92

Снова чужбина
97

Свидание в Стокгольме
100

В Лонжюмо
104

Война войне
107

Домой навсегда
110

Расстанная улица
114

Власть советам
116

Лесной кабинет
121

Кочегар паровоза № 293
124

Странный приют
128

Еще одно подполье
133

Накануне
137

В Смольный
139

Началось
142

Зимний взят
145

Первый декрет
149

Белый зал с колоннами
151

Так они жили
155

Не умеем — научимся
158

Тяжелый урок
161

Москва, Москва...
165

Шаги революции
167

По деревням и селам
170

Нашествие
172

Три подлые пули
176

В эти трудные годы
180

Случай в Сокольниках
183

Горькие потери
187

„Я сын трудового народа..."
189

Казенное имущество
193

„День настал веселый мая..."
195

Комсомолия
199

Мечты и дела
203

Жестокий тысяча девятьсот двадцать первый
205

Что такое нэп
209

Когда поет лед
211

Маяк
215

Вечером под Новый год
218

Всегда в борьбе
220

Осень тысяча девятьсот двадцать третьего
223

Любовь к жизни
225

Встаньте, товарищи!
229

Вишни цветут
232

Прилежаева М. П.

П76 Жизнь Ленина: Повесть для детей. — М.: Политиздат, 1990. — 236 с.: ил.

ISBN 5—250—00714—8

П $\frac{4802010000-184}{079(02)-90}$ 30—90 ББК 84 Р7

Данная книга является переизданием произведения М. П. Прилежаевой, выпущенного издательством „Советская Россия" в 1974 году и иллюстрированного народным художником СССР О. Г. Верейским.

Небольшие изменения в текст внесены рукой автора.

Мария Павловна Прилежаева

ЖИЗНЬ ЛЕНИНА

Повесть для детей

Заведующий редакцией *В. Е. Вучетич*

Редактор *М. В. Водолагина*

Художник *В. А. Иванов*

Художественный редактор *П. В. Меркулов*

Технический редактор *Т. Н. Хилькевич*

ИБ № 8335

Сдано в набор 23.05.89. Подписано в печать 20.11.89. Формат 84 X 108 $^{1}/_{32}$. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура „Сенчури". Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,60. Усл. кр.-отт. 25,62. Уч.-изд. л. 12,47. Тираж 300 000 (1–150 000) экз. Заказ № 4820. Цена 1 руб.

Текст набран в издательстве на наборно-печатающих автоматах.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография „Красный пролетарий".
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

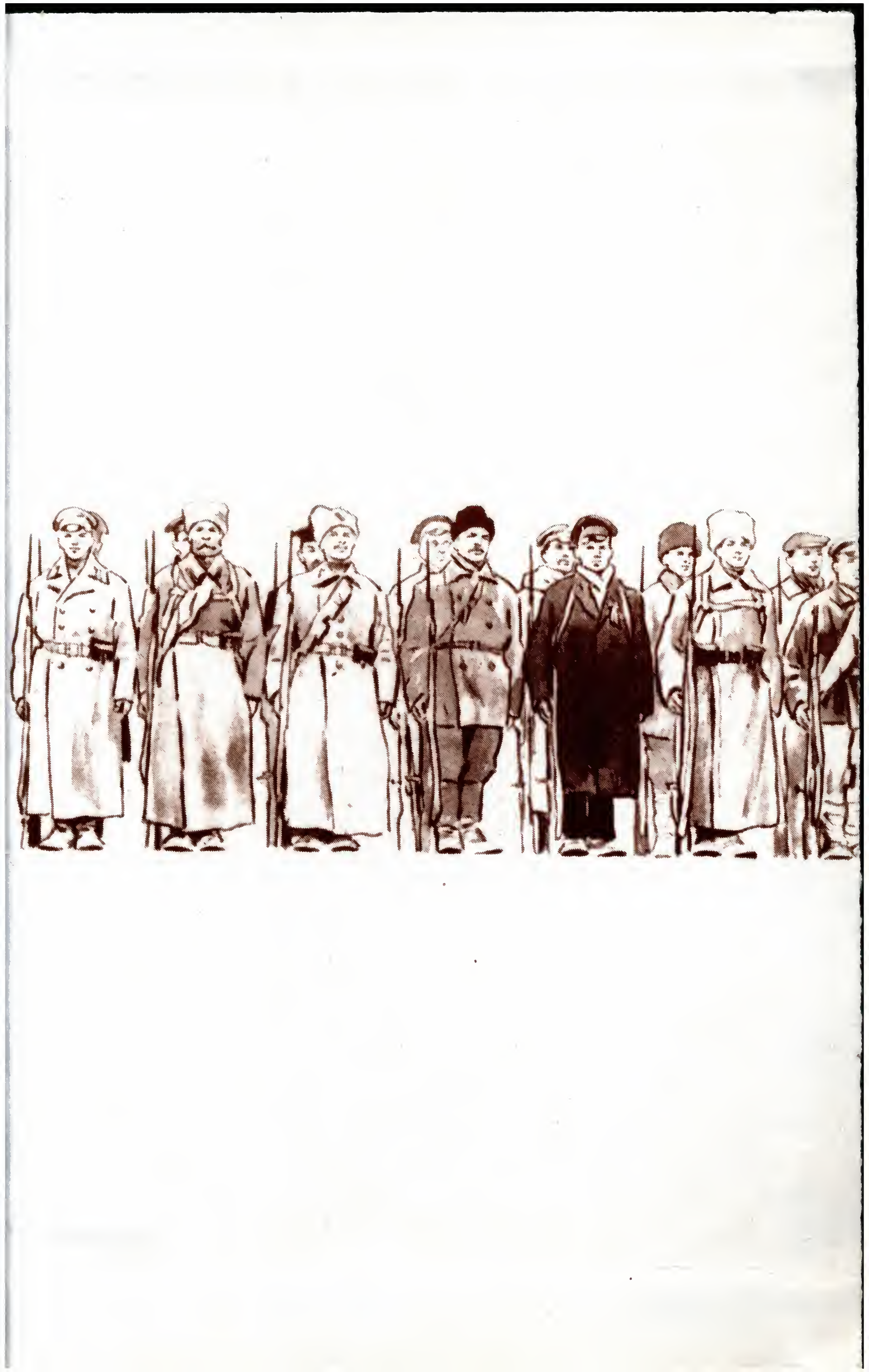
Дорогие юные читатели!

Эту повесть о жизни Ленина я писала с огромным волнением. Мне хотелось нарисовать живой образ Владимира Ильича, рассказать о его детстве и юности, об основных этапах его революционной борьбы и государственной деятельности. Хотелось, чтобы, читая эти страницы, вы еще горячее полюбили родного Ильича.

Конечно, невозможно в одной книге рассказать обо всей жизни Владимира Ильича — так значительна и безмерна она. Эта повесть лишь одна из ступеней вашего познания Ленина. А когда подрастете, вам откроется много нового о неповторимой жизни и великом подвиге Владимира Ильича — создателя нашей Коммунистической партии и Советского государства.

Автор

Мария Прилежаева ЖИЗНЬ ЛЕНИНА